

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 4 (13)

Academic Journal

Series:
History. Philology. Cultural Studies.
Oriental Studies

Moscow
2016

ВЕСТНИК РГГУ
№ 4 (13)

Научный журнал

Серия
«История. Филология. Культурология.
Востоковедение»

Москва
2016

УДК 94(05)+80(05)+008.001(05)

ББК 63.3я5+80я5+71я5

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валье, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибага г. Киото, Япония), Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вуппертала, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглессонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

Е.И. Пивовар, гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.И. Гиндин, зам. гл. ред., канд. филол. н., доц. (РГГУ), Г.И. Зверева, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), И.С. Смирнов, зам. гл. ред., канд. филол. н. (РГГУ), П.П. Шкаренков, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), М.Л. Андреев, д-р филол. н. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Т.Г. Архипова, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Н.И. Басовская, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Г. Васильев, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.И. Дурновцев, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е.Е. Жигарина, канд. филол. н. (РГГУ), С.В. Карпенко, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.Ф. Козлов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), И.В. Кондаков, д-р филос. н., канд. филол. н., проф. (РГГУ), М.А. Кронгауз, д-р филол. н., проф. (РГГУ; РАНХиГС); Г.Н. Ланской, д-р ист. н. (РГГУ), Д.М. Магомедова, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Ю.В. Мани, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), И.Г. Матушина, д-р филол. н. (РГГУ), А.Н. Мещеряков, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.Ю. Неклюдов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), М.П. Одесский, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Е.В. Пчелов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), Н.И. Рейнгольд, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Р.И. Розина, д-р филол. н. (РГГУ; ИРЯ РАН), Н.Р. Сумбатова, д-р филол. н. (РГГУ), Я.Г. Тестелец, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.И. Тюпа, д-р филол. н., проф. (РГГУ), П.Ю. Уваров, чл.-корр. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), В.И. Уколова, д-р ист. н., проф. (РГГУ; МГИМО (У) МИД РФ), А.С. Усачев, д-р ист. н., доц. (РГГУ), И.О. Шайтанов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.Л. Юрганов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.А. Яценко, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Ответственные за выпуск: Ю.Г. Бит-Юнан, канд. филол. н. (РГГУ),
М.П. Одесский, д-р филол. н., проф. (РГГУ)

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2016

ISSN 2073-6355

СОДЕРЖАНИЕ

История журналистики и литературной критики

<i>А.Г. Готовцева</i> «Словом милости как Божьей благодатью»: Амнистия декабристам в российской периодической печати и общественном сознании	9
<i>О.И. Киянская, Д.М. Фельдман</i> Из истории советской журналистики: автобиографии Алексея Гарри ...	24
<i>М.П. Одесский</i> А.А. Жданов – Л.М. Леонов – Даниил Хармс. Очерки советской «публичной культуры» (1938–1940 гг.)	43
<i>Ю.Г. Бит-Юнан</i> Роман В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба» в литературной критике и публицистике русского зарубежья 1980-х гг.	58
<i>Д.Р. Муртазина</i> Фильм «Звездные войны» глазами советских критиков	72
<i>В.Н. Тищенко</i> История становления деловой прессы Великобритании и США	77

Проблемы теории журналистики

<i>Н.Я. Макарова</i> Мастер-класс в системе профессиональной подготовки журналиста	86
<i>В.И. Ярных</i> Качество образования как один из ключевых факторов международной конкуренции в системе образования	96
<i>Е.Б. Зиновьева</i> Изучение особенностей формирования личности медиаменеджера в условиях изменения внешней и внутренней среды	105
<i>М.С. Корнев</i> Материалы к исследованию идеологем в современных цифровых сетевых коммуникациях	114

История публицистики. Риторика

Е.А. Зимарева

Образ духовника в древнерусской публицистике и словесности 121

Язык СМИ

Е.Н. Басовская

Фактор страха: воздействующий потенциал «ужасного»
в современном медиатексте 128

Ю.В. Яковлева

Речевые маски как форма выражения агрессии
в советской газетно-журнальной полемике 20-х гг. XX в. 136

С.А. Арасланова

Образ мужчины в зеркале метафор (на материале
портретных очерков русскоязычной версии журнала “Vogue”) 143

Я.Е. Каневская

Прагматический потенциал вопросительных конструкций
в заголовке публицистического текста (на материале интернет-СМИ) ... 148

Библиография

Э.И. Чмыхун

Рецензия на книгу: *Е.Л. Вартанова* «О современных медиа
и журналистике: Заметки исследователя».
М.: МедиаМир, 2015. 136 с. 154

Abstracts 156

Сведения об авторах 162

CONTENTS

History of Journalism and Literary Criticism

- A. Gotovtseva*
“The word of mercy as God’s grace”. The amnesty for Decembrists
in Russian periodicals and public consciousness 9
- O. Kiyanskaya, D. Feldman*
From the history of soviet journalism. Autobiography of Alexei Harry 24
- M. Odesskiy*
Andrei Zhdanov – Leonid Leonov – Daniil Kharms.
Essays on soviet “public culture” (1938–1940) 43
- Yu. Bit-Yunan*
V. Grossman’s novel “Life and Fate” in the reflection of Russian emigre
literature criticism and publicism of 1980s 58
- D. Murtazina*
Soviet critics about “Star wars” movie 72
- V. Tischenko*
History of the business press in Great Britain and the USA 77

Issues of the Theory of Journalism

- N. Makarova*
Master class in the system of professional journalism 86
- V. Yarnykh*
The quality of education as one of the key factors in international
competitiveness in the education system 96
- E. Zinovieva*
The research of specifics of forming media manager personality
in the conditions of changing external and internal environment 105
- M. Kornev*
Materials to the study of ideologems in the modern digital
network communications 114

History of Publicism. Rhetoric

E. Zimareva

The image of the spiritual father in Ancient Russian publicism and literature	121
---	-----

Language of Mass Media

E. Basovskaya

The fear factor. The influencing potential of horror in the modern media text	128
---	-----

Yu. Yakovleva

Speech mask as a form of aggression in Soviet press polemic of the 1920s	136
--	-----

S. Araslanova

An image of a man in a methapor's mirror (based on portrait essays published in "Vogue" Russia)	143
---	-----

Ya. Kanevskaya

Pragmatic potential of interrogative constructions in heading of the publicistic text (based on internet massmedia)	148
---	-----

Books in Review

E. Chmykhun

Review on the book: <i>Vartanova E.L.</i> "On the contemporary media and journalism. Researcher's notes". M.: MediaMir, 2015. 136 p.	154
---	-----

Abstracts	156
-----------------	-----

General data about the authors	164
--------------------------------------	-----

«СЛОВОМ МИЛОСТИ КАК БОЖЬЕЙ БЛАГОДАТЬЮ»: АМНИСТИЯ ДЕКАБРИСТАМ В РОССИЙСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ И ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

По материалам газет и журналов в статье восстанавливается общественная реакция на амнистию декабристам, объявленную коронационным манифестом Александра II 26 августа 1856 г. Показано, что вопреки расхожему исследовательскому мнению о том, что амнистия вызвала бурный общественный резонанс, сделав декабристов героями общественного мнения, на самом деле ничего подобного не происходило. Сообщение об амнистии декабристам оказалось неотделимо в восприятии общества от других положений амнистии, которые, в свою очередь, составляли в общественном сознании одно целое с новостями о коронационных торжествах. Подлинный общественный интерес вызвала вышедшая в 1857 г. первым публичным изданием книга М.А. Корфа «Восшествие на престол государя императора Николая I». В статье пересматривается традиционный взгляд на причины, побудившие Александра II настоять на издании этого труда для публики.

Ключевые слова: указ о помиловании 1856 г., манифест, Александр II, коронация, декабристы, М.А. Корф.

Амнистия декабристам, как известно, была объявлена коронационным манифестом Александра II 26 августа 1856 г. Этот документ, так же как и сопровождающий его Указ Правительствующему Сенату с именами подлежащих помилованию осужденных по делу о тайных обществах 1826 г., первыми, 28 августа, опубликовали «Московские ведомости», а затем и все остальные центральные газеты, а также журналы «Отечественные записки» и «Русский вестник»¹.

В пункте XV манифеста значилось:

Подвергшимся разным за политические преступления наказаниям и донныне еще не получившим прощения, но по изъявленному ими раскаянию и безукоризненному после произнесения над ними приговора поведению заслуживающим помилования, даровать на основании особых для того поставленных правил... <...> Тем [...] которые были подвергнуты наказанию по приговору Верховного уголовного суда 13 июля 1826 г. и мнению Государственного совета 24 февраля 1829 г. и на основании постановлений Военно-Судных комиссий по прикосновенности к замыслам и действиям тайных обществ, открытых в 1825 и 1827 гг. и к бывшему в 1831 г. возмущению в Польше, а дотоле принадлежали к дворянству потомственному, даровать вместе с законными после произнесения над ними приговора рожденными детьми, все права потомственного дворянства, только без права на прежнее имущество.

В Указе Правительствующему Сенату от того же 26 августа постановлялось:

Находящимся в Сибири на поселении: Сергеем Трубецкому, Евгению Оболенскому, Матвею Муравьеву-Апостолу, Ивану Горбачевскому, Александру Поджио, Владимиру Бечаснову, Ивану Пущину, Сергеем Волконскому, Ивану Якушкину, Дмитрию Завалишину, Дмитрию Щепину-Ростовскому, Ивану Кирееву, Александру Фролову, Михайле Бестужеву, Владимиру Штейгейлю, Гавриле Батенькову, Петру Фаленбергу, Юлиану Люблинскому и Василию Колесникову; находящимся в Сибири на жительстве отставному губернскому секретарю Аполлону Веденяпину, Михайле Кюхльбекеру, Вениамину Соловьеву, Андрею Быстрицкому, Флегонту Башмакову, Дмитрию Таптыкову и Хрисанфу Дружинину; служащим в Сибири по гражданской части: канцелярским служителям Николаю и Александру Крюковым (при доставлении сведений о находящихся в Сибири декабристах закралась ошибка: Николай Крюков умер в 1854 г., не дожив до амнистии. – А. Г.), коллежскому регистратору Николаю Басаргину, губернскому секретарю Петру Свистунову, коллежским секретарям Ивану Анненкову и Александру Бригену – позволить возвратиться с семействами из Сибири и жить, где пожелают в пределах Империи, за исключением только С.-Петербурга и Москвы, тех же, которые в прежние времена возвращены из Сибири и живут в внутренних губерниях – освободить от всех ограничений.

Вторым пунктом этого указа непоименованным «жительствующим в других местах Империи» возвращалось дворянство, также

дворянство возвращалось и всем остальным поименованным, кроме Трубецкого, Оболенского и Волконского, так как они были осуждены по 1-му разряду. Их детям, рожденным после приговора, дворянство и прежние титулы были возвращены на четыре дня позже, специальным указом 30 августа.

Третьим пунктом указа детям возвращались фамилии их отцов (в том случае, если они находились на обучении в учебных заведениях под другими фамилиями).

Кроме манифеста и указа Сенату, был сделан еще ряд узаконений, касавшихся отдельных вопросов, о чем также было сообщено в газетах². Таким образом, несмотря на ограничения, связанные с установлением надзора за возвращаемыми из Сибири бывшими участниками тайных обществ, амнистия декабристам, как многим другим категориям подданных Российской империи, была объявлена. Имена участников тайных обществ впервые с 1826 г. появились в открытой печати.

В историографии за несколько десятков лет прочно закрепилось мнение о том, что амнистия пробудила общественный интерес к декабристам.

Манифест в этой части явился вынужденной уступкой общественному мнению, которое требовало амнистии для тех, кто 30-летним страданием в стране изгнания искупил «кару дряхлого закона и кару пошлой клеветы» [...]

– утверждал Б.Г. Кубалов. Ему вторили историки и 1960-е и в 1990-е годы.

Амнистия декабристов была одним из тех мероприятий, проводимых правительством в период назревания революционной ситуации, посредством которых царизм рассчитывал отвлечь общественное внимание страны от коренных социальных вопросов.

(Л.А. Сокольский);

Вокруг декабристов вновь возродилась тлевшая в глубинах общественного сознания устная легенда, представлявшая их в ореоле мученичества и героизма [...] Сам акт амнистии дал мощный и явно непредвиденный правительством импульс спонтанному оживлению интереса и к самим декабристам, и к тому делу, ради которого они пострадали.

(Е.Л. Рудницкая, А.Г. Тартаковский)³.

Несмотря на все семантические различия данных трактовок, обусловленные временем их написания (1920-е, 1960-е и

1990-е годы), в них есть одно существенное общее – утверждение о том, что амнистия декабристам имела в России широкий общественный резонанс.

В газетных и журнальных статьях торжество коронации, действительно, освещалось широко, появились специальные разделы: «Московская летопись» и «Петербургская летопись» (в «Санкт-петербургских ведомостях»), «Московская городская хроника» и «Петербургская почта» (в «Московских ведомостях»), «Письма из Москвы» (в «Русском инвалиде» и «Северной пчеле»). Конечно, при описании коронации невозможно было обойти и милости, объявленные манифестом 26 августа.

Так, в разделе «Московская летопись» «Петербургских ведомостей» (13 сентября), а также в разделе «Московская городская хроника» «Московских ведомостей» (29 сентября) сообщалось о собрании московских литераторов в знаменитой гостинице «Шевалье» 3 сентября⁴ (видимо, неслучайно именно в этой гостинице остановилась семья вернувшегося из Сибири героя Л.Н. Толстого Петра Ивановича Лабазова). Событие это представлялось важным в свете, в том числе, правительственной пропаганды, так как акцентировало внимание на участии в коронационных торжествах не только государства, но и частных лиц.

Для автора заметки в «Санкт-петербургских ведомостях» амнистия декабристам, рассуждениями о которой он заканчивает свою заметку, среди всех милостей оказывается как будто главной:

Есть ли в целой России хоть одно сословие, на которое не излились бы от этого манифеста несказанные милости? Есть ли хоть один человек в каком-нибудь сословии, на которого бы не простерся луч царской любви? <...>

Что же сказать о милости, изливаемой на государственных преступников 1825 года? – Их вина забыта. Множество семейств обнимут своих отцов и братьев, с которыми они не смели питать и надежды когда-либо обняться? И они придут в недра своих семейств уже не преступниками, влачащими на себе [...] лишенными прав гражданских, нет, бывшие потомственные дворяне возвратятся опять дворянами, графы – графами, бывшие князья – князьями. <...> Три слова и слышатся только в манифесте и указах 26-го августа: *отменить, возратить, простить* – три великие слова.

Однако этого нельзя сказать о статье в «Московских ведомостях», описывающей это же событие. В ней полностью цитируется речь писателя Н.Ф. Павлова⁵:

За Кого в эту минуту бежит еврей из грязной корчмы в шумную синагогу молить своего Иегове; о Ком увечный солдат, бедная солдатка шлют теплые молитвы христианскому Богу, судорожно сжимая в объятиях возвращенного им сына; Кто нас и наших братий по крови, разрозненных с нами историей, соединяет в одно светлое, радостное, благодарное чувство; Кто открывает нам широкий путь к просвещению; Кто повелел растворить двери университетов, Кто снял преграды к сближению народов, к обмену разных образованностей; Кто не забыл в пустынях Сибири ни согрешивших отцов, ни безгрешных детей; Кто в просвещенной благодати вспомнил всех и все не от избытка даров милосердия, какими располагает Его могущество, а от той нежной заботливости, от того всепонимающего чувства христианской любви, которое останется на страницах истории.

Нельзя этого сказать и обо всех других упоминаниях об амнистии.

Понятно, что милости амнистии оказались важны для жителей Сибири. Это видно в заметке «Санкт-петербургских ведомостей» о праздновании коронации в Томске:

Это великое событие возбудило тем большую радость, что оно сопровождалось царскими милостями, распространенными на пределы всего нашего обширного государства. Милости эти особенно почувствовали в Сибири. Сколько пролито горячих слез от радости, сколько вознесено теплых душевных молитв к всевышнему в возблагодарение за щедроты царские к разным виновным! Надо видеть как они ликуют; но мало того, что радуются сами они; за них отрадно всем и родным и знакомым⁶.

Незнатные сословия по-своему смотрели на содержание манифеста и видели в его милостях главное для себя. В номере «Санкт-Петербургских ведомостей» от 11 октября была опубликована заметка о праздновании коронации крестьянами в селе Увек Саратовской губернии:

По выходе из церкви все окружили меня, желая слышать милости Монарха, выраженные им в высочайшем манифесте от 26 августа. Я прочитал его вслух по листках вашей газеты. О! каким умилением наполнились сердца слушателей! Как сильно обрадовало всех, что в продолжение нынешнего года и трех последующих лет не будет наборов. Сколько было из глубины души вознесено молитв к Небу о здравии и долгоденствии Их Императорских Величеств! Я видел

непритворные слезы бедных, коим прощены разные недоимки, слезы матерей, к которым возвратятся дети, не поступившие в действительную военную службу⁷.

Здесь главными милостями становятся объявление трех лет без солдатских наборов и прощение недоимок.

А в другом уголке империи, университетском Дерпте, милости, объявленные коронационным манифестом, вообще оказались не значимы и не были замечены. Для жителей Дерпта было важно, что в их городе русскими императорами был основан университет, а также – в день коронации – университетская церковь:

При Александре I, основавшем здесь университет, в науке нашел к упрочению своего благоустройства новые средства [...] Учреждение у нас верховного учебного в обширных размерах заведения [...] эта незабвенная милость, излившаяся на него с престола русских царей, конечно, стоит того, чтобы с увлечением встречать в Дерпте знаменательные дни их священного венчания [...] Особенное значение для нас имело еще 26-е число августа тем, что в этот день, день священного коронавания Их Императорских Величеств, определено было совершить закладку университетской церкви⁸.

Из Петрозаводска сообщалось, например, что «31 августа приехавший курьер привез известие о Коронации и тех милостях, которые излил великодушный монарх в этот день на своих подданных»⁹. В речи профессора В.И. Григоровича, произнесенной на торжественном собрании Казанского университета на церковно-славянском языке, также коронация связывалась с широкой амнистией:

Воссиял венец на челе Его... и это в истине дух Божий носит-ся над главой Его: ибо лучи благой души его возожгли светильник правды и закона, ибо правосудие его снимает оковы с ног стольких заключенных, ибо милосердие его отирает с глаз стольких страждущих горькие слезы, ибо истинным упованием, крепкою верою одарил, вознес людей своих¹⁰.

Журнал «Современник» отмечал кратко: «Новым доказательством благодушия Царя служит последний манифест 26 августа, заключающий и мудрую заботливость о благе народа и великодушное забвение прошедшего [...]»¹¹. «Отечественные записки» выражались более замысловато и даже поэтично, но по сути имели в виду то же самое:

Иностранцы были поражены величием этих минут [...] Но для нас, русских, все это казалось еще величественнее, еще торжественнее и великолепнее, потому что для нас эта корона украшалась сокровищами выше алмазов – милосердием и благодушием носящего ее Монарха. Блеск этих украшений [...] распространяется по всему Русскому Царству, на миллионы его обитателей, на юг, на север, на восток и запад. Блеск этот осветил города и столицы, проник в отдаленные места Сибири, весело озарил роскошные палаты вельможи и убогую избенку селянина, заглянул приветливо в печальный угол старухи-матери, грустившей об отделенном от нее сыне, и в глухое жилище ссыльного поселенца, тысячами верст разделенного от родных и близких... Этот блеск отразился на всех странах Русского Царства – на христианах и на евреях, всюду проливая радость и утешение¹².

«Русский вестник» акцентировал государственное значение милостей, объявленных в начале нового царствования:

Важнейшим для всех нас народным и государственным событием последнего времени было, конечно, венчание на царство возлюбленного государя, сопровождавшееся потоком благотворных, желанных, полных милосердия и мудрости мер, которые пролили светлую радость во все края необъятности России. Нет рода и племени, нет сословия, нет дома, нет семьи, в которых эти меры не возбудили бы или непосредственного чувства горячей признательности, или теплового сочувствия к радости близких сердцу вместе с невольным предощущением самых утешительных надежд¹³.

При всей разнице формулировок общим здесь было одно – милость к декабристам упоминалась в связи с другими милостями, а они, в свою очередь, были неотделимы от рассуждений о коронационных торжествах.

К тому же немногие из многочисленных публикаций о коронационных торжествах содержали рассуждения о милостях. Это видно хотя бы из торжественных од, написанных ко дню коронации и опубликованных в широкой печати. Из пяти таких од (С.П. Шевырева¹⁴, М.А. Дмитриева¹⁵, Ф.Б. Миллера¹⁶, П.А. Вяземского¹⁷ и Н.П. Вагнера¹⁸) лишь в двух последних говорилось о милостях. Ода Вяземского, посвященная императрице Марии Александровне и довольно большая по объему, отводит собственно милости всего несколько строк:

Царь словом милости как Божьей благодатью
Украсил царства первый день:

Он братьям возвратил отторженную братью,
 С семейств развеял скорби тень,
 Он почву русскую росой благодатной
 Своей щедроты освежил.
 Народу роздых дал и, по тревоге ратной,
 В мир верить села научил.
 <...>

Прощенье! Божий луч, сияньем светозарным,
 Владык объемлющий венец!
 Тебя предаст в века скрижалям благодарным
 Народной памяти резец.

Ода Вагнера гораздо ближе к обсуждению именно декабристского помилования, хотя по сути говорит обо всех сибирских узниках, которым была дарована амнистия:

В страну снегов и запустенья,
 В страну изгнания и скорбей
 Достигло слово всепрощенья,
 Звучит залогом избавленья
 От мук, страданий и цепей.
 И всюду клик благодаренья,
 Все блещет, движется, живет...

Специфического общественного интереса именно к помилованию декабристов не было. Более того – известия обо всех остальных милостях тоже «утонули» в общественном обсуждении коронационных торжеств в целом.

Сама же власть при подготовке коронации была более озабочена не всплеском интереса к помилованным политическим преступникам (которого, по сути, и не случилось), а напротив – возможным порицанием общественным мнением такой широкой амнистии. Об этом можно судить по речи декана юридического факультета Московского университета С.И. Барщева «О праве помилования», произнесенной на торжественном собрании университета 31 августа 1856 г. Извлечение из нее было опубликовано в литературном отделе «Московских ведомостей»¹⁹. Полностью она была напечатана в составе отдельной брошюры «Речи, стихи и исследования написанные по случаю торжества священного миропомзания и венчания на царство государя императора Александра Второго [...] ординарными профессорами Императорского Московского университета для торжественного собрания 31 августа 1856 г.». Определение совета Московского университета, допус-

тившее эту брошюру к печати, состоялось 14 августа 1856 г., т. е. почти за две недели до коронации²⁰. Учитывая же понятную секретность подготовки амнистии, можно с большой долей вероятности утверждать, что эта речь представляла собой некий «заказ сверху». Текст представляет собой, с одной стороны, апологию амнистии, которую автор называется «обычаем», с другой – панегирик ей. Вообще статья Барщева весьма интересна с точки зрения терминологического сопоставления как с газетными публикациями периода следствия по делу декабристов, так и с документами, связанными с подготовкой амнистии. Но это тема отдельного исследования.

Единственная обстоятельная реакция на милости манифеста, в том числе милости к декабристам, без рассуждения о коронационных торжествах сошла со станка «Вольной русской типографии», но была несколько запоздалой. В третьей книжке «Полярной звезды» (1857) был опубликован разбор манифеста 26 августа, принадлежащий перу Н.П. Огарева. Амнистия квалифицировалась как «полупрощение» и «почти-прощение»:

Эх! не хватило великодушия дать амнистию просто, без оговорок, а прощаются они с разными уловками на счет раскаяния, поведения, да еще на основании особых правил, которые не обнародованы, да и едва ли существуют²¹.

Герцен также негодовал в предисловии к третьей книжке «Голосов из России»:

Амнистия, бедная, жалкая... Александр II боится! Даже и тем, которые возвращены из Сибири после тридцатилетних страданий, постарались отравить окончание ссылки, не позволяя им ездить в Москву и Петербург²².

Впрочем, реакция «изгнанников наших», как они именовались в отчетах III Отделения, была предсказуема²³ и собственно не являлась общественным мнением России. Критиковали половинчатость амнистии и сами декабристы, протестуя по поводу оставления их под надзором²⁴.

* * *

В августе 1857 г. вышло третье (и первое для публики) издание книги М.А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая 1». «Заговор молчания» по поводу событий 14 декабря 1825 г. был снят, «семейная тайна» была объявлена «в общее сведение».

Император для свое согласие на обнародование книги в апреле 1857 г. До того он дважды отказывался это сделать.

Появление труда Корфа связывается исследователями с желанием Александра II утвердить официальную версию событий 14 декабря на фоне общественной реакции на возвращение декабристов из Сибири. Однако пробуждение общественного мнения в связи с амнистией не подтверждается фактами. Е.И. Якушкин писал в марте 1857 г. И.И. Пущину по поводу ограничительных мер, связанных с запрещением проживать в столицах, применяемых к декабристам III Отделением:

Как наказание, эти меры не имеют смысла после 30-летней ссылки в Сибири, как предосторожность они также непостижимы. Неужели два 63-летних старика [...] могут взволновать город [...] Эта мера скорее может повредить правительству, чем невнимание к возвращенным. Вас ставят на пьедестал, вам придают такое значение, которое, по правде сказать, вы иначе бы не имели. Разумеется, в городе говорят об этил строгостях, и вы можете сами понять, за кого общественное мнение²⁵.

Цитата эта иногда используется исследователями для утверждения популярности амнистированных декабристов в общественном мнении²⁶. И фраза «вас ставят на пьедестал» как будто об этом и говорит. На самом деле, смысл здесь, конечно, другой. Во-первых, ставят на пьедестал именно полицейские меры, которые и придают «такое значение» всем вернувшимся амнистированным. Во-вторых, Е.И. Якушкин весьма своеобразно должен был трактовать «общественное мнение». Он входил в довольно узкий круг людей, собиравшихся в московских домах Волконских и Бибиковых²⁷. Круг этот никак не отражает пресловутого «общественного мнения».

О том, что вернувшиеся декабристы «исключая близких и родных нигде не бывают», доносил 23 февраля 1857 г. начальник второго отделения корпуса жандармов (в Москве) С.В. Перфильев жандармскому начальнику В.А. Долгорукову. 12 марта генерал-губернатор Москвы А.А. Закревский сообщал Долгорукову о том же самом. О Трубецком и Волконском Закревский доносил также, что «оба находились в домашнем кругу и появлялись в обществе только случайно». Кроме того, сообщалось о «самом благонамеренном образе мыслей» «всех означенных лиц»²⁸. Да и сами декабристы вряд ли хотели быть центром всеобщего внимания. Старые и измученные, они просто хотели дожить свой век среди близких. Трубецкой, например, бывая в Москве наездами, отказывался от

новых знакомств и заявлял, что не желает «быть предметом чьего бы то ни было любопытства»²⁹.

Об отсутствии каких-либо политических возмущений внутри империи сообщалось Александру II в отчете III Отделения за 1856 г., рассмотренном им 29 января 1857 г.:

Внутри империи политическое спокойствие не было ничем нарушаемо. В течение всего года нигде, даже в Западном крае не открыто ни одного тайного общества, ни одного замысла или преступления, в котором участвовали бы многие³⁰.

Но вернемся к Корфу. Что же заставило Александра II, дважды отказывавшего, несмотря на настойчивые предложения Корфа, обнародовать книгу, изменить свое решение, если это не общественное мнение? Ответ, как кажется, лежит на поверхности: его отсутствие. Как уже было справедливо отмечено исследователями, для того чтобы начать реформы, Александру II было необходимо понять прошлое, отношение к этому прошлому общества, что было невозможно без обсуждения событий, связанных с восстанием декабристов, которые, по выражению газет декабря 1825 г.³¹, стали «эпохой в истории России»³². Вначале Александр предполагал сделать труд Корфа частью большого, порученного ему же для написания труда об эпохе Николая I³³. Но как только новый император из донесений своих сановников понял, что никакой значительной реакции общества на амнистию не последовало, он решился на обнародование «семейной тайны», не дожидаясь окончания объемной порученной Корфу работы.

Было и еще одно обстоятельство, которое, видимо, подтолкнуло Александра к изданию. В отчете III Отделения за 1856 г. говорилось также, что «изгнанники наши» во главе с Герценом хотя «оказывали мало деятельности», однако печатали статьи в иностранных журналах и газетах, «в отдельно напечатанных брошюрах и воззваниях». Сообщалось, что Герцен выпустил две книжки «Полярной звезды» и брошюры «Вперед, вперед» и «Голоса из России». Отчет также информировал императора о том, что их пытались переправить в Россию. Впрочем, о том, что издания Герцена проникают в Россию, было хорошо известно. В отчете подробно сообщалось о распространении брошюр по Европе³⁴. И хотя первые книжки «Полярной звезды» и «Голосов из России» не содержали никаких конкретных материалов о декабристов (разбор манифеста, как уже было сказано, несколько запоздал и вышел лишь в третьей книжке Полярной звезды в 1857 г.), император, видимо, решил нанести упреждающий удар. Недаром фраза, которую он сказал Корфу,

поручая издать книгу, звучала как будто отголоском донесения III Отделения: «...мне известны нелестные и превратные толки, ходящие об этом происшествии не только в Европе, но и в самой России»³⁵. Из этой фразы следует, в частности, то, что источник беспокойства именно Европа, а не Россия. На фоне же в целом спокойного общественного мнения внутри страны император решил рассказать публике то, что давно его мучило. «Такое умолчание было бы даже и противно моей совести», – заявил он Корфу³⁶.

Книга Корфа имела шумный успех. Как сама она, так и реакция на нее Герцена вызвали огромный общественный резонанс³⁷. И это можно назвать первым всполохом интереса к декабристам. Однако он имел некий «привкус» сенсации, за которой всегда гонится публика. Да и сама книга касалась не декабристов в целом, не их идеологии или биографий, а одного исторического дня.

Действительно, люди 1860-х годов – это люди другой эпохи, для которых декабристы – явление весьма далекое как в хронологическом, так и в идеологическом смысле. Например, у Н.А. Добролюбова, написавшего, кстати, вполне благожелательную рецензию на книгу Корфа, коронационные торжества два года спустя ассоциировались вовсе не с амнистией декабристам и даже не с милостями манифеста в целом, а с тем, что в этот день «от плошек (при иллюминации. – А. Г.) невыносимо несло маслищем»³⁸, а случайно попавшую в его руки библиографическую редкость – «Донесение следственной комиссии» – он легкомысленно потерял³⁹.

Подлинный же интерес к декабристам, появившийся почти 15 лет спустя, был уже по-настоящему историческим. С начала 1870-х годов начинают выходить исследования по истории декабризма, в журналах печатаются мемуары декабристов и статьи о них.

Пробуждение общественного интереса стали приписывать второй половине 1850-х годов ретроспективно. В этом отношении показательна известная уже в литературоведении неясность с датой начала работы Л.Н. Толстого над романом «Декабристы». В наброске предисловия к роману «Война и мир» автор сообщал, что «в 1856 году я начал писать повесть с известным направлением, героем которой должен был быть декабрист, возвращающийся с семейством в Россию». Между тем из письма его Герцену от марта 1861 г. следует, что роман начал писаться в ноябре 1860 г.⁴⁰ Вероятно, в 1856 г., когда писатель увидел имена амнистируемых декабристов в газетах, первый мимолетный замысел если и возник, то тут же был оставлен. Не продолжил Толстой написание романа и после обращения к Герцену. Тогда он перешел к написанию «Войны и мира», а к «Декабристам» вернулся лишь в конце 1870-х годов.

«Tout cela de l'histoire»*, – по свидетельству Корфа, сказал ему император Александр, поручая печатать книгу. Декабристы стали объектом общественного внимания лишь тогда, когда стали принадлежать истории.

Примечания

- ¹ Манифест о всемилостивейшем даровании народу милостей и облегчений по случаю коронавания Его Императорского Величества: Указ Правительствующему Сенату // Московские ведомости (далее – МВ). 1856. № 103. 28 авг. С. 899–903; № 104. 30 авг., четверг. С. 909–910; Московские губернские ведомости. 1856. № 70. 1 сент. Отд. первый. Часть офиц. С. 351–366; Санкт-петербургские ведомости (далее – СПбВ). 1856. № 191. 30 авг., четверг. С. 1047–1051; Санкт-петербургские губернские ведомости. 1856. № 36. Отд. второй. Часть офиц. С. 71–80; № 37. Отд. второй. Часть офиц. С. 81–83; Северная пчела (далее – СП). 1856. № 191. 29 авг., среда. С. 965–968; Русский инвалид или Военные ведомости (далее – РИ). 1856. № 196. 29 авг., среда. С. 811–815; Отечественные записки (далее – ОЗ). 1856. Т. 108. Кн. 9. Отд. IV. С. 1–19; Русский вестник (далее – РВ). 1856. Т. 5. № 17 (сентябрь. Кн. 1). С. 50–70.
- ² О даровании дворянства детям А.Н. Сутгофа (МВ. 2 сент., вторник. № 118. С. 1038); о даровании помилования В.Ф. Раевскому (СПБВ. 22 сент. № 208. С. 1150); о возвращении прежних фамилий детям А.Е. Розена (МВ. № 122. 11 окт., четверг. С. 1072).
- ³ *Кубалов Б.Г.* Декабристы и амнистия // *Сибирские огни.* 1924. № 5. С. 148; *Сокольский Л.А.* Возвращение декабристов из сибирской ссылки // *Декабристы в Москве.* М.: Моск. рабочий, 1962. С. 223; *Рудницкая Е.Л., Тартаковский А.Г.* Вольная русская печать и книга барона Корфа // 14 декабря и его истолкователи. М.: Наука, 1994. С. 23.
- ⁴ *Дельта [Надеждин М.Е.]* Московская летопись // СПбВ. 1856. № 201. 13 сент., четверг. С. 1109; Московская городская хроника // МВ. 29 сент., суббота. Лит. отд. к № 117. С. 499.
- ⁵ Полностью речь Н.Ф. Павлова также была опубликована в разделе «Современная летопись» журнала «Русский вестник» среди прочих материалов о коронационных торжествах: РВ. 1856. Т. 5. № 18 (сентябрь. Кн. 2). Отд. VII. С. 166–167.
- ⁶ Внутренняя корреспонденция Санкт-петербургских ведомостей. Томск // СПбВ. 1856. № 229. 19 окт., пятница. С. 1277.
- ⁷ Внутренняя корреспонденция Санкт-петербургских ведомостей. Село Увек // СПбВ. 1856. № 222. 11 окт., четверг. С. 1234.
- ⁸ Внутренняя корреспонденция Санкт-петербургских ведомостей. Дерпт // СПбВ. 1856. № 235. 27 окт., суббота. С. 1315–1316.
- ⁹ Внутренняя корреспонденция Санкт-петербургских ведомостей. Петрозаводск // СПбВ. 1856. № 224. 14 окт., воскресенье. С. 957.

* Все это из истории (*фр.*)

- ¹⁰ Внутренняя корреспонденция Санкт-петербургских ведомостей. Казань // СПбВ. 1856. № 233. 20 окт., суббота. С. 1298.
- ¹¹ *Москвич* [Сниткин А.П.-?]. Письмо из Москвы // Современник. 1856. Т. 59. № 9. Отд. V. С. 109.
- ¹² Новости отечественные // ОЗ. 1856. Т. 108. Кн. 10. Отд. VI. С. 211–212.
- ¹³ Политическое обозрение // РВ. 1856. Т. 5. № 17 (сентябрь. Кн. 1). С. 50.
- ¹⁴ *Шевырев С.П.* 26 августа 1856 года в Кремле: Государю императору Александру II, самодержцу всероссийскому в день священного миропомазания и венчания на царство его императорского величества // МВ. 1856. № 105. 1 сент., суббота. С. 922; см. также: Речи, стихи и исследования, написанные по случаю торжества священного миропомазания и венчания на царство государя императора Александра Второго, самодержца Всероссийского и августейшей его супруги государыни императрицы Марии Александровны, ординарными профессорами Московского университета для торжественного собрания 31-го августа 1856 года. М.: Унив. тип., 1856. Паг. 3. С. 1–8; Известия Императорской Академии Наук по Отделению русского языка и словесности (далее – ИРЯС). 1856. Т. V. Вып. 5. Стб. 55–58. (под назв.: Ода на священное коронование и венчание на царство государя императора Александра Второго).
- ¹⁵ *Дмитриев М.А.* Ода на священное коронование и миропомазание его императорского величества государя императора Александра Второго // МВ. Лит. отд. к № 105. С.433; РВ. 1856. Прилож. к № 16 (август. Кн. 2). VI с.; также опубликовано: ИРЯС. 1856. Т. V. Вып. 5. Стб. 51–55.
- ¹⁶ *Миллер Ф.Б.* На торжественное коронование его императорского величества Александра II, самодержца всероссийского // РИ. 1856. № 191. 1 сент., суббота. С. 817; Москвитянин. 1856. Т. II. № 8. С. 463–465.
- ¹⁷ *Вяземский П.А.* Москва. Август 1856 г.: Ее императорскому величеству государыне императрице Марии Александровне // МВ. Лит. отд. к № 127. 23 окт., вторник. С. 531–532; также опубликовано: ИРЯС. 1856. Т. V. Вып. 7. Стб. 65–70.
- ¹⁸ *Вагнер Н.П.* Свершилось! Вновь блеснит Корона! // СПбВ. 1856. № 233. 28 окт., четверг. С. 1298; МВ. 1856. № 130. 30 окт., вторник. С. 1144.
- ¹⁹ *Барцев С.И.* О праве помилования: Извлечение из речи, произнесенной профессором Барцевым в торжественном собрании Императорского Московского университета 31-го августа 1856 года // МВ. 4 окт., суббота. Лит. отд. к № 119. С. 505–506. Полностью опубликовано: *Барцев С.И.* О праве помилования: Речь, написанная для произнесения на торжественном собрании Императорского Московского университета по случаю священного коронования и миропомазания их императорских величеств // Речи, стихи и исследования... Паг. 6. С. 1–12.
- ²⁰ Речи, стихи и исследования, написанные по случаю... [Оборот тит. листа].
- ²¹ *Огарев Н.П.* Разбор манифеста 26 августа 1856 года // Полярная звезда. 1857. Кн. III. С. 15.
- ²² *Герцен А.И.* От издателя // Голоса из России. 1857. Кн. III. С. V.
- ²³ Герцен и Огарев смотрели на манифест с публицистической точки зрения, «замешанной» на культе декабристов. В то время как составители манифеста – с точки зрения юридической. В манифесте и других документах при его подготовке, как некогда в приговоре Верховного уголовного суда, бывшие осужденные, а теперь амнистируемые по делу о тайных обществах делились на категории (находящиеся

в Сибири на поселении, находящиеся в Сибири на жительство, служащие в Сибири по гражданскому ведомству и проживающие во внутренних губерниях России). И каждой категории полагалась своя степень помилования, что и получило отражение в специально составленном «Списке лицам, обвиненным в политических преступлениях, которым в день коронавания государя императора высочайше дарованы милости» (Список лицам, обвиненным в политических преступлениях и проступках, которым в день коронации государя императора высочайшие дарованы милости // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 31. Д. 133. Ч. 8. Л. 16–57, списки декабристов на л. 16–19 об.)

- ²⁴ См. об этом: *Кодан С.В.* Амнистия декабристам // *Вопр. истории.* 1982. № 4. С. 180–182; *Кубалов Б.Г.* Указ соч. С. 152–154.
- ²⁵ *Якушкин И.Д.* Записки, статьи, письма декабриста. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 449.
- ²⁶ *Рудницкая Е.Л., Тартаковский А.Г.* Указ. соч. С. 24.
- ²⁷ *Сокольский Л.А.* Указ. соч. С. 235–236.
- ²⁸ *Сиверс А.А.* К истории декабристов после амнистии // *Дела и дни.* 1920. Кн. 1. С. 411–412.
- ²⁹ *Семевский В.И.* Трубецкой Сергей Петрович // *Энциклопед. слов. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона:* В 86 т. СПб.: Тип. Брокгауза и Эфрона, 1901. Т. XXXIII А (66). С. 924.
- ³⁰ Отчет III-го отделения Собственной его императорского величества канцелярии и корпуса жандармов за 1856 год // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 21. Л. 7 об.
- ³¹ *Андреева Т.В., Жуковская Т.Н.* Записки очевидцев 14 декабря 1825 года: Из архива М. А. Корфа // 14 декабря 1825 года: Источники. Исследования. Историография. Библиография. СПб.: Нестор-История, 2000. С. 10.
- ³² Внутренние известия [Заметка о 14 декабря 1825 г.] // СПбВ. 1825. 15 дек., вторник. № 100 (прибавление); МВ. 1825. 23 дек., среда. № 102. С. 3577–3578; РИ. 1825. 19 дек., суббота. № 300. С. 1206–1208; СП. 1825. 19 дек., суббота. № 152. С. [1–2]; *Journal de St. Petersburg.* 1825. 15/27 дек., четверг. № 151. P. 635–636.
- ³³ *Рудницкая Е.Л., Тартаковский А.Г.* Указ. соч. С. 21; *Невелев Г.А.* Декабристы и декабристоведа. СПб.: Технологос, 2003. С. 124.
- ³⁴ Отчет III-го отделения Собственной его императорского величества канцелярии и корпуса жандармов за 1856 год. Л. 2–4 об.
- ³⁵ Цит по: *Рудницкая Е.Л., Тартаковский А.Г.* Указ. соч. С. 22.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ См. об этом: *Сыроечковский Б.Е.* Из записной книжки архивиста: Корф в полемике с Герценом // *Красный архив.* 1925. Т. 3(10). С. 308–310; *Рудницкая Е.Л., Тартаковский А.Г.* Указ. соч. С. 22–25; *Андреева Т.В., Жуковская Т.Н.* Указ. соч. С. 13–18; *Невелев Г.А.* Указ. соч. С. 114–125.
- ³⁸ *Добролюбов Н.А.* Письмо И.И. Бордюгову, 28 августа 1858 г. // *Добролюбов Н.А.* Собр. соч.: В 9 т. М.; Л.: Худож. лит., 1964. Т. 9. С. 320–321.
- ³⁹ *Добролюбов Н.А.* Письмо А.П. Златовратскому, 23 июня 1857 г. // Там же. С. 275–276.
- ⁴⁰ *Толстой Л.Н.* Вступления, предисловия и варианты начал «Войны и мира» // *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: Гос. изд. худож. лит., 1949. Т. 13. С. 54; *Толстой Л.Н.* Письмо А.И. Герцену, 14/26 марта 1861 г. Брюссель // Там же. Т. 60. С. 374.

О.И. Киянская, Д.М. Фельдман

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ: АВТОБИОГРАФИИ АЛЕКСЕЯ ГАРРИ

Статья посвящена анализу автобиографических показаний ведущего журналиста газеты «Известия» Алексея Николаевича Гарри, данных им на следствии в 1930 и 1938 гг. Уточняются дата его рождения, сведения об отце и семье, об образовании, выявляется его роль в Гражданской войне в России. Ставится вопрос о том, каким образом один из главных советских журналистов сумел остаться беспартийным.

Ключевые слова: А.Н. Гарри, Г.И. Котовский, Л.И. Эрлих, газета «Известия», Гражданская война в России, советская журналистика.

Имя корреспондента газеты «Известия» Алексея Николаевича Гарри мало что говорит современному историку литературы и журналистики. Между тем в конце 1920-х и в 1930-х он, участник советской арктической экспедиции спасения Умберто Нобиле и множества авиaperелетов, автор больших известинских «подвалов», был знаменит.

Современники вспоминали: «Популярность и известность ставят его в один ряд с М. Кольцовым, И. Эренбургом, В. Кином, но в отличие от названных его собратьев по перу, Гарри писал главным образом о внутренней жизни страны, о развитии промышленности, о достижениях науки, об открытиях и рекордах»; «Он считался “известинским Кольцовым” – по популярности, по поискам тем»; «Его “подвалы” печатались не как у других газетчиков, с подписью в конце статьи со скромным инициалом вместо имени. Его подпись стояла выше заголовка и была набрана крупным шрифтом и полностью: АЛЕКСЕЙ ГАРРИ. Такой чести удостоивались самые известные: Максим Горький, Николай Бухарин, Алексей Толстой, Илья Эренбург, Михаил Шолохов»; «В двадцатые и тридцатые годы имя Гарри стояло в первом ряду набирающей силу советской журналистики. Кольцов и Гарри! Один – в “Правде”, другой – в “Известиях”. Пожалуй, не было ни одного приметного события

в жизни страны в те годы, в котором бы не участвовал Алексей Гарри в качестве корреспондента “Известий”... Кольцов был политически острее, строже что ли. Гарри писал лиричнее, мягче, он был незаурядным новеллистом»¹.

В начале 1930-х годов Гарри писал не только журналистские тексты. Он был автором нескольких десятков рассказов и книг – по большей части имевших документальную основу. Эти книги, в частности написанное в соавторстве со Львом Кассилем художественно-документальное повествование «Потолок мира» (М., 1934), тоже были популярны у читателей. В 1934 г. Гарри стал членом Союза советских писателей.

Еще одной сферой деятельности Гарри было общение с иностранными корреспондентами и предоставление им – естественно, в интересах советской власти – информации. Соответственно он обладал редким для советского человека опытом: был вхож в круг живущих в Москве иностранных граждан.

В 1930 г. Гарри арестовали, судили и сослали на 10 лет на Соловки – за общение «с представителем агентства “Юнайтед Пресс” американским журналистом Лайонсом». ОГПУ посчитало, что писатель был использован Юджином Лайонсом «как действительный источник информации по всевозможным вопросам». Гарри был приговорен к 10 годам лагерей – но через год полностью реабилитирован по постановлению Политбюро. Причем доклад о необходимости его освобождения на Политбюро делал лично Сталин².

У Гарри были большие связи: выйдя из тюрьмы, он не прекратил общаться с Лайонсом. Другом Гарри – уже после его выхода из лагеря – стал работавший в СССР американский инженер Заря Виткин. Инженер слышал об аресте Гарри, но причина этого ареста виделась Виткину следующим образом:

Боевой журналист, постоянно расследующий причины серьезных препятствий в бурлящем преобразовании нации, расследующий случаи реального или мнимого саботажа, он часто оказывался втянутым в ожесточенные конфликты с чиновниками-бюрократами, на которых он нападал беспощадно. Однажды враги добились его ссылки. По слухам, в Москве он был освобожден благодаря личному заступничеству Сталина.

Вообще Гарри поражал воображение знавших его иностранцев. Виткин рассказывал:

Знаток нескольких языков, блестящий журналист, с углубленным психологизмом и большими техническими знаниями... Казалось, он единственный русский, которого я знал и кому мог вполне доверять.

Поражали иностранцев и связи журналиста. Так, столкнувшийся с советской бюрократией Виткин прибег к его помощи, и Гарри посоветовал написать письмо Сталину. Письмо это, согласно мемуарам, Гарри «сам читал... Сталину. Сталин слушал внимательно, без перерыва, до конца. Затем он задал только один вопрос: “Это честный человек?”». Бюрократические препоны были, таким образом, преодолены³.

Очевидно, именно эти связи поставили точку в карьере Гарри: в 1936 г. Николай Бухарин, ставший редактором «Известий», уволил его из газеты.

* * *

Судя по сохранившимся документам, Гарри был человеком конфликтным. В частности, конфликт возник у него с тем же Михаилом Кольцовым. Об обстоятельствах конфликта он рассказывал следующее: в 1929 г., во время их с Кольцовым совместного европейского перелета на самолете «Крылья Советов», в Риме – в честь советских летчиков и журналистов – был устроен дипломатический прием. «Гостям подали вареных омаров. Кольцов положил омара спинкой вверх и пытался ножом разрезать щит, но ни вилка, ни нож кости не брали».

Напротив Кольцова во время этого приема сидел «итальянской авиации маршал», который начал вести с Кольцовым «политический разговор» на французском языке:

– Вы не находите, что ваш руководитель Сталин великий вождь? – вежливо интересуется итальянец по-французски.

– Да, месье! – отвечает Кольцов, изнемогая от борьбы с омаром. Других слов по-французски Кольцов... тогда не знал.

– А как, по-вашему, наш Муссолини тоже великий вождь? – продолжает маршал.

– Да, месье, – говорит Кольцов.

– А не согласитесь ли вы, что наш Муссолини более крупная фигура и более любим своим народом, чем ваш Сталин? – допытывается маршал.

– Да, месье, – бездумно повторяет Кольцов.

И тогда молчаливый, величественный итальянец-официант наклоняется к Кольцову и отчетливо говорит ему по-русски:

– Муд..., ничего не отвечай маршалу. Поверни омара на спину и бери его мясо ложкой.

Гарри уверял, что «на другой день итальянские газеты с упованием печатали диковинную беседу... А когда наши стали допрашивать обоих журналистов, Кольцов с возмущением сказал, что

он и не думал отвечать на вопросы... – он французским не владеет, а говорил Гарри, который мастак в иностранщине.

«Я зато тогда же придумал про Кольцова смешную новеллу», – рассказывал журналист. Смысл «новеллы» он тоже пересказал своим приятелям: «Гарри говорил, что они побились на пари с Кольцовым, кто быстрее сжует резинку. Гарри свою сжевал еще в Италии. А Кольцов жевал всю Италию, Францию, пока в Париже все наши не заинтересовались: что это у него за непостижимая резинка? Оказалось, презерватив»⁴.

Трудно сказать, насколько эти истории соответствуют истине. Однако можно констатировать: после этого перелета отношения Гарри с Кольцовым оказались безнадежно испорченными. Известинец рассказывал друзьям, что его первый арест, 1930 г., явился следствием именно этой ссоры.

В июле 1937 г. Гарри был вторично арестован. Причиной ареста стали попавшие в НКВД сведения о том, что он «систематически распространяет [...] слухи о массовых арестах» и, в частности, об арестах бывших и действующих чекистов.

Судя по хранящемуся в архиве ФСБ РФ следственному делу Гарри, на разворачивающийся в стране «Большой террор» он смотрел философски: «Говоря о судьбе, ожидающей арестованных, я, взяв кусок бумаги и произведя расчет, заявил, что если даже придется расстрелять 6000 чел[овек], то это, в сущности, будет лишь расстрелом одного из 30 000 и что для истории это никакого значения не имеет»⁵.

В августе 1937 г. Гарри был освобожден – по личному распоряжению Н.И. Ежова.

Однако в 1938 г. он в третий раз попал в тюрьму. В апреле 1939 г., сразу после ареста Ежова, его лишили боевых наград и осудили на 8 лет лагерей – за участие в «антисоветской террористической организации». Обвинялся же бывший журналист, в частности, в том, что согласился совершить террористический акт: бросить бомбу и стрелять из пистолета в машину членов Политбюро⁶.

Наказание он отбывал в Норильском исправительно-трудовом лагере, после освобождения жил в Норильске и Красноярске, работал в местных библиотеках, издательствах и газетах, снова стал писать журналистские и художественные произведения. Гарри дожил до реабилитации в сентябре 1955 г., приехал в Москву и через 5 лет умер.

* * *

В журналистику Алексей Гарри пришел буквально с фронтов Гражданской войны: современники знали, что он провел всю войну рядом с Григорием Котовским, за храбрость получил два ордена Красного Знамени. Собственно, о Котовском и котовцах повествуют две книги Гарри: «Огонь. Эпопея Котовского» (М., 1934) и «Рассказы о Котовском» (М., 1959).

Однако о том, как складывались первые этапы биографии будущего журналиста, каким образом он попал к Котовскому, каковы были функции Гарри в отряде легендарного комбрига, существуют разные версии. Все они восходят к самому Гарри – очевидно, что воображение у журналиста было развито сильно.

Так, знавшая Гарри еще в 1930-е гг. Н. Гвоздарева утверждала: «Путь А.Н. Гарри в ряды защитников советской власти был необычен. Узнав о свершившейся Октябрьской революции, шестнадцатилетний мальчик из семьи русских парижан пробрался через объятую войной Европу в Россию, чтобы с оружием в руках бороться за свои идеалы. Что за семья у него была, почему жили в Париже – узнать неоткуда»⁷.

«Гарри – не псевдоним, а настоящая фамилия по матери, и была она, кажется, гречанкой, но на вопрос о национальности Гарри отвечал: русский. Родился он в Париже, сразу как бы в двух годах: по старому стилю в декабре 1902 года, а по новому – в январе 1903 года. После революции пятнадцатилетний Алексей Гарри порвал с семьей, из пятого класса гимназии ушел в Красную Гвардию. На юге судьба свела его с легендарным Котовским, и до последнего часа жизни комбрига он был его адъютантом», – делился воспоминаниями известинец Яков Селих⁸.

Знавший журналиста уже в последние годы его жизни писатель Теодор Гладков тоже был уверен, что Гарри – это его настоящая фамилия: «В жилах Алексея Николаевича текло множество кровей, фамилия – от деда, то ли француза, то ли итальянца. Сын врача. Вырос в Одессе. В 1918 г. Одесса была белой, и юный Гарри примкнул к большевистскому подполью. Он попал в подпольную боевую дружину Котовского, который стал его кумиром на всю жизнь. С тех пор до конца Гражданской Гарри был “при Григории Ивановиче” – порученец, телохранитель, зовите как хотите. Четырежды ранен, дважды контужен. Имел два ордена Красного Знамени. В Москву приехал в 1923-м после демобилизации, стал журналистом и писателем... С 1927-го – в “Известиях”»⁹.

Собиравший сведения о Гражданской войне одесский исследователь Иван Калмакин называл другую фамилию: «Олизар-Гарри – человек интересный и оригинальный. Он у меня “проходит”

как один из политкомов 3-й Украинской армии... Гарри-Олизар А. был политкомом сформированного в апреле 1919 г. в Одессе 1-го Бессарабского советского стрелкового полка 3-й армии»¹⁰.

А Роман Гуль, знаменитый писатель-эмигрант, не рассуждавший о настоящей фамилии советского журналиста, считал Гарри «бывшим цирковым жонглером», своим человеком в «бандитской Запорожской сечи» – то есть в штабе Котовского¹¹.

* * *

Ниже публикуются автобиографические сведения, которые А.Н. Гарри предоставлял следователям ОГПУ и НКВД в 1930 и 1938 гг. Сведения эти извлечены из протоколов допросов, отложившихся в его следственных делах. Дела эти хранятся в Центральном архиве ФСБ РФ (Р–33346 и Р–2409). Рассказы Гарри о самом себе проливают некоторый свет на детство и юность будущего журналиста. Биография его вполне могла бы послужить основой для приключенческого романа.

Самая яркая страница этого романа – взаимоотношения Гарри и комбрига Котовского, описание которых, конечно же, не попало на страницы книг «Огонь. Эпопея Котовского» и «Рассказы о Котовском». Признания Гарри опровергают расхожую версию, что всю Гражданскую войну будущий журналист прослужил адъютантом Котовского. Взаимоотношения Гарри и Котовского отчасти проливают свет и на удивлявший современников факт: герой Гражданской войны, кавалер боевых орденов был беспартийным. Впрочем, данному в 1930 г. свидетельству Гарри, что партбилет у него отобрал лично комбриг – в минуту ссоры – вряд ли следует безоговорочно доверять. В 1938 г. он показывал, что из партии «выбыл механически».

Впрочем, в любом случае у Гарри и после потери партбилета было достаточно времени вступить в партию заново. И если он этого не сделал – значит, соответствующие партийные и советские инстанции посчитали, что ведущий корреспондент «Известий» должен и дальше оставаться вне партии.

Неясно, кто был отцом Гарри: в 1930 г. в качестве «отца» он называет известного ленинградского врача Леонида Эрлиха. В следственном деле же 1938 г. Эрлих назван его «отчимом». Следовательно, остается невыясненной и настоящая фамилия журналиста, и его отчество. В 1938 г. также выяснилось, что зовут его на самом деле Иона-Яков; следователям 1930 г. этот факт не был известен.

Сам журналист в 1930 г. утверждал, что фамилию Гарри он получил работая в 1919 г. в большевистском подполье. А в 1938 г.

уже повествовал, что «переменил фамилию, имя и отчество в ноябре 1917 г.», желая «оскорбить отца и не иметь ничего общего с ним». В связи с такой путаницей в показаниях нельзя исключать и версии современников: фамилия Гарри вполне могла быть и настоящей фамилией журналиста.

Нельзя сделать вывод и о том, в каком году родился Гарри: на допросе в 1930 г. он утверждал, что год его рождения – 1898, а в 1938 г. назвал другую дату – 1903 г. При этом Гарри уточнил, что указывал в анкетах неверную дату рождения еще с Гражданской войны – чтобы числиться совершеннолетним и иметь возможность занимать командные должности.

Однако в 1930 г. он указал в автобиографии и дату поступления в гимназию – 1911 г. Эту дату ОГПУ вполне могло перепроверить, поэтому, скорее всего, она верна. При этом Гарри сообщал, что из гимназии скоро был изгнан за то, что «принес в класс запрещенную книгу “Мировая скорбь” и во время объяснения с инспектором, обнаружившим [...] эту книгу – обругал последнего площадной бранью». Однако вряд ли такого рода история могла приключиться с восьмилетним ребенком. Скорее всего, в момент «происшествия» ему было все же 13 лет.

Рассказывая о своем образовании, Гарри сообщал, что до поступления в гимназию учился дома. Однако учителя часто отказывались от него – поскольку «характер» был «беспокойным». Но эпизодическое домашнее образование, четыре месяца пребывания в гимназии и последующее самообразование вряд ли могли дать Гарри те знания, которыми он, по его словам, владел: «Предоставленный самому себе, я воспитывал себя на материалистической литературе XIX века, французской, английской, а затем и немецкой. Зная с детства французский, английский, немецкий и итальянский языки – я совершенствовался в них в процессе чтения иностранной литературы. Кроме того, я хорошо знал греческий и латинский языки, так, чтобы читать литературу в подлинниках. Отсюда, между прочим, началось мое увлечение древней философией, от которой я впоследствии перешел к материалистам и к марксизму».

Такой уровень владения иностранными языками, мировой литературой и философией позволяет предположить учебу Гарри за границей – о чем он в показаниях предпочитал умалчивать.

Биография Гарри уникальна. Но в то же время она и вполне типична: поверив в идею переустройства мира, юноша, бывший гимназист, порвал с семьей и с головой ушел в революцию. И в итоге поплатился за это арестами, тюремным заключением, годами лагерей и ссылки.

* * *

Орфография и пунктуация в публикации приведены к современным нормам, сокращения раскрываются в квадратных скобках. К показаниям предложен минимальный комментарий. Общеизвестные имена и реалии, а также имена и реалии, достаточно поясняемые в самих документах, не комментируются.

I. Протокол допроса А.Н. Гарри от 28 августа 1930 г.¹²

Дополнительный протокол допроса
Гарри А.Н. от 28/VIII-30 г.

Родился я в 1898 г. в Париже. Отец мой Эрлих Леонид Иванович¹³ учился и практиковал некоторое время в Париже. Когда меня привезли в Россию – мне было всего несколько месяцев от роду. Отец по образованию хирург, мать – домашняя хозяйка. Кроме меня в нашей семье было еще две сестры и брат. Одна сестра, кажется, умерла. Вторая сестра и брат живут совместно с родителями в Ленинграде.

До 1911 г. я занимался дома с учителями, но так как у меня был неспокойный характер, они часто от меня отказывались.

В 1911 г. меня определили в 6-ю б[ывшую] Петербургскую гимназию¹⁴, но через 4 месяца я был исключен с «волчьим билетом» за хулиганское поведение, выразившееся в том, что я принес в класс запрещенную книгу «Мировая скорбь»¹⁵ и во время объяснения с инспектором, обнаружившим у меня эту книгу – обругал последнего площадной бранью. Я очень смутно помню этот период моей жизни и поэтому не могу дать определение тому состоянию, которое способствовало развитию у меня такого буйного характера. Я помню лишь, что после исключения из гимназии это так называемое хулиганство переключилось у меня в «вольнодумство», под влиянием моего двоюродного брата Шапиро Льва – анархиста по убеждению. На почве этого вольнодумства у меня произошел разлад со своей семьей, и хотя я и продолжал жить вместе, но в вопросах дальнейшего воспитания и установки миросозерцания – я был предоставлен самому себе. Помимо этого с малых лет у меня было какое-то обособленное положение в семье, так как [я] не признавал ничьего авторитета. На этой почве у меня возникли разногласия, особенно с отцом, который старался привить нам, детям, мелкобуржуазные понятия в вопросах дальнейшей жизни, карьеры и т. п. Предоставленный самому себе, я воспитывал себя на материалистической литературе XIX века, французской, английской, а затем и немецкой. Зная с детства французский, английский, немецкий и итальянский языки – я совершенствовался

в них в процессе чтения иностранной литературы. Кроме того, я хорошо знал греческий и латинский языки, так, чтобы читать литературу в подлинниках. Отсюда, между прочим, началось мое увлечение древней философией, от которой я впоследствии перешел к материализму и к марксизму.

Так как по степени своего умственного развития я стоял гораздо выше своих сверстников по гимназии – это обстоятельство, вероятно, играло некоторую роль в характере моего «хулиганского» поведения в гимназии.

Жил я совместно с родителями до момента февральской революции, после чего ушел из дому и окончательно разошелся с семьей.

Гарри

Уп[олномоченный] 4 отд[еления]

К[онтр]Р[еволюционного] О[тдела] – Л.П. Сливняк

II. Протокол допроса А.Н. Гарри от 4 сентября 1930 г.¹⁶

Дополнительный протокол допроса

Гарри Алексей Николаевича

От 4 сентября 1930 г. –

Допросил – уп[олномоченный] 4 Отд[еления]

К[онтр]Р[еволюционного] О[тдела] –
Сливняк

Продолжение допроса от 29/VIII – 30 г.

Еще до ухода из семьи я с 1916 г. состоял в организации скаутов, но был исключен за нарушение пункта устава, говорящего о «любви к родине». После исключения я организовал группу вольных скаутов, примерно около 70 человек, которые после Февральской революции влились в студенческую милицию, а затем перешли в районный совет Петербургской стороны в качестве боевой дружины молодежи. За несколько месяцев до октябрьской революции я совместно с несколькими дружинниками вступил в РКП и принимал активное участие в Октябрьском перевороте, в частности участвовал в штурме Владимирского юнкерского училища.

В начале 1918 г. из Москвы приехали братья Шнейдеровы¹⁷, которые ранее были в Московской дружине скаутов. Шнейдеровы, узнав, что группа ленинградских скаутов примкнула к Октябрьской революции – предложили нам влиться в московский отряд, куда мы и выехали.

Летом 1918 г. нас из Москвы отправили в I-ю Продармию¹⁸, которая дралась на Самарском фронте. Наш эшелон до фронта не дошел и вскоре эвакуировался в Москву. Здесь я пробыл до января 1919 г.,

после чего получил предложение, через начальника отряда юных коммунистов Бауманского района т. Фатьянова¹⁹ – отправиться на подпольную работу на Украину, куда я выехал, имея при себе командировку.

По приезде в Коренево (за Курском) я был переотправлен на Гомель, где в политотделе Шатовской дивизии – получил явку в Киев и документ на свою фамилию. В Киев я прибыл эшелонам. Там в это время находились петлюровцы. Придя по явочному адресу, я связался с т. Софией, которая сообщила мне, что Киев вскоре будет занят Красной армией. Через неделю Киев был занят красными, и таким образом подпольной работы я там никакой не вел.

Из областного комитета я получил назначение в Одессу на подпольную работу, куда я поехал через Николаев, получив для проезда паспорт на имя Гарри А.Н. По прибытии в Одессу я явился на явку к секретарю Областка т. Елене и получил работу по пропаганде и распространению литературы среди французских оккупационных войск. Через несколько дней на явке я познакомился с т. Котовским, который был начальником боевой дружины при подпольном Ревкоме²⁰. Так как я проявлял склонность к террористической работе – я был направлен Областком в бессарабский батальон в Одессе, который должен был после переворота быть переформированным в Советский полк. По получении распоряжения от Областка – мы совершили переворот, расстреляли офицеров и объявили себя I-м Бессарабским повстанческим полком и приняли участие в боях с эвакуировавшимися интервентами²¹.

После ухода интервентов я был утвержден в должности комиссара этого полка, который занял участок фронта по Днестру от моря до Тирасполя. Наш полк подчинялся по двум линиям: штабу Бессарабской дивизии и Бессарабскому Совнаркому и 5-й Укр[аинской] дивизии 3-й армии. Вторая инстанция настаивала на том, чтобы наш полк только оборонял участок фронта, в то время как первая инстанция требовала активных действий, в частности, диверсионной работы на Бессарабском берегу²².

Мое положение было двусмысленным в связи с тем, что, являясь комиссаром полка, я в то же время был избран [членом] ЦК Бессарабской компартии и членом Совнаркома Бессарабии.

В итоге я выполнил предписания обеих сторон и сохраняя пассивный участок – вел диверсионную работу. По предписанию Совнаркома Бессарабии я совместно с комиссаром 3 бригады т. Озерянским, собрав отряд добровольцев в 250 ч[еловек] и, переправившись через Днестр, занял г. Бендеры. Так как наша операция не была поддержана – мы вынуждены были отступить, потеряв половину людей убитыми. По прибытии в Тирасполь я был немедленно арестован уполномо-

ченным Одесской губчека и доставлен в Одессу. Здесь, по выяснению обстоятельств дела, я был освобожден и назначен пом[ощником] комиссара в бригаду т. Котовского²³.

В этой бригаде я принимал участие в боях с петлюровцами, где получил первое ранение и контузию. В августе 1919 г., при наступлении белых – наша бригада, в составе южной группы, отступила на Житомир, пробиваясь сквозь кольцо²⁴.

В Житомире, за отличия в боях – я был награжден золотыми часами и грамотой Р[еволюционного] В[оенного] С[овета]. Здесь мы пробыли неделю и были отправлены на отдых в Вязьму, откуда через две недели нас отправили на фронт Юденича в Детское село²⁵. Драться здесь нам не пришлось и нас отправили на Деникинский фронт²⁶. Здесь надо отметить, что т. Котовский, заболев тифом, остался в Детском селе, и я перед отъездом с ним поссорился, так как он настаивал, чтобы я остался с ним до его выздоровления.

На Деникинском фронте я пробыл до января 1920 г., пройдя с боем от г. Глухова через Екатеринослав, Вознесенск, Одессу – до Тирасполя. В этих боях я был вторично ранен и получил ценное оружие и грамоту. За это время т. Котовский догнал бригаду в Екатеринославле, но был назначен командиром вновь организованной кавбригады²⁷. Так как я был с Котовским в ссоре – я к нему не перешел, а остался в 2-й бригаде в должности сначала пом[ощника] комиссара, а затем пом[ощника] нач[альника] штаба и начальника конной разведки. В этой должности я оставался до окончания Польской войны и перехода в кав[алерийскую] бригаду Котовского²⁸.

После ликвидации деникинского фронта наша бригада расположилась в районе Тульчинских сах[арных] заводов, где в течение недели вела бои с бандитами, после чего была переброшена на польский фронт. Здесь во время наступательных боев в Галиции я получил третье по счету ранение в конном бою и контузию, за что награжден первым орденом Красного Знамени, который не получил по следующим обстоятельствам: при отступлении из Галиции я со своей конницей прикрывал отступление 2-й бригады. В одном из сел, где мы расположились на ночлег, мы подверглись нападению польской кавалерии, причем после отбития атаки выяснилось, что это нападение было вызвано действиями местного священника, который сигнализировал полякам о нашем расположении и численности. За это священник был мною расстрелян. Когда я примкнул к бригаде – я донес о своих действиях командиру бригады Зайцеву, который услышав о расстреле священника – начал кричать на меня и оскорбил, назвав белогвардейцем. Я тут же выхватил шашку и ударил ею командира бригады, поцарапав ему плечо. Здесь я был обезоружен, арестован и отправлен под конвоем в штаб дивизии, где был предан

партийному суду. Меня исключили на 3 месяца из партии и разжаловали в рядовые, отправив в распоряжение Котовского. Впоследствии оказалось, что личным распоряжением командира дивизии – я за эту историю был лишен ордена. Надо отметить, что командир бригады Зайцев был полковником белой армии, был взят в плен и месяца через три после моего инцидента с ним – перебежал обратно к белым.

После перемирия с поляками мы дрались с армией Савинкова и петлюровцами, которых уничтожали, заняв г. Волочиск.

В мае 1921 г. наша бригада была окончательно выделена из состава 41 дивизии и в качестве отдельной бригады была брошена на ликвидацию Тамбовского восстания. Здесь я уже был восстановлен в партии и назначен нач[альником] полевого штаба. В этих боях я был ранен 4-й по счету раз и был награжден орденом Красного Знамени, грамотой ВЧК и представлен к ордену по линии ВЧК.

После ликвидации «антоновщины» бригада Котовского вернулась на Украину, где занималась ликвидацией бандитизма. В ноябре 1921 г. бригада была брошена навстречу перешедшей из Польши крупной банды Тютюнника²⁹. Банда была ликвидирована, и я был награжден 2-м орденом Красного Знамени.

Нужно отметить, что с номерами орденов группы котовцев, полученных за ликвидацию банды Тютюнника, произошла путаница, выяснившаяся лишь сейчас, старые ордена были сданы, а новые еще не получены.

В 1923 г. после ссоры с Котовским, во время которой я требовал демобилизовать меня, – Котовский в присутствии комиссара корпуса т. Ястребова³⁰ отобрал у меня партийный билет и отправил меня в Москву в Академию Генштаба³¹, обещав мне прислать партбилет в случае, если я доеду до Москвы и действительно поступлю в Академию.

По дороге в Москву я встретил лично знавшего меня т. Раковского³², которому пожаловался на действия Котовского.

Раковский дал мне записку к т. Фрунзе в Харьков³³, по прибытии к которому – я был демобилизован. Тут же в Харькове я был направлен т. Раковским на работу в Наркоминдел.

В последующие два года я в партийном отношении занимал двусмысленное положение, так как числился членом партии (ибо таковым меня представил т. Раковский), но фактически билета не имел. За это время в Харьков несколько раз приезжал т. Котовский, который обещал возратить мне партбилет, в случае, если я брошу Наркоминдел и перейду в Академию. Я на это не соглашался, отчаявшись в возможности получить партбилет – подал заявление о вступлении в партию на общих основаниях, как это порекомендовало мне бюро ячейки.

В 1925 г. я случайно познакомился в Харькове с т. Домбалем, который предложил мне перейти на работу в Крестинтерн³⁴, в Москву. Через некоторое время на имя ЦК КП(б)У³⁵ прибыла телеграмма из ЦК РКП с требованием направить меня в распоряжение ИККИ. Хотя кандидатской карточки у меня еще не было, но ЦК КП(б)У дал мне партийную путевку, которую я и сдал в ячейку Крестинтерна, по прибытии в Москву.

Вскоре в Москву прибыл т. Котовский, который, узнав, что я был утвержден членом Президиума Крестинтерна – сдался наконец и обещал по возвращении из отпуска пойти со мною в ЦКК и оформить мое партийное дело.

Как известно, т. Котовский во время отпуска был убит³⁶.

В апреле 1926 г. из-за создавшейся в Крестинтерне склоки я подал заявление о болезни и был освобожден от работы.

Как раз в это время из Харькова прибыло мое партийное дело с кандидатской карточкой, которое было направлено ячейкой Крестинтерна в райком без моего ведома.

Еще во время работы в Крестинтерне, не получая из Харькова моего дела, я в третий раз вступил в партию на общих основаниях, причем самая лучшая рекомендация была дана мне тов. Домбалем.

Когда я ушел из Крестинтерна и мое дело направили в райком, – т. Домбаль снял свою рекомендацию.

Расследование моего дела в райкоме задержалось вследствие того, что Президиум Крестинтерна попал под партийный суд ЦКК за склоку и был распущен.

В конечном итоге я партбилета так и не получил.

После ухода из Крестинтерна я работал в Большой советской энциклопедии и готовился к поступлению в Институт Красной профессуры³⁷, надеясь, что партбилет рано или поздно я получу.

В 1927-м году отделом печати ЦК ВКП (б) я был направлен на работу в «Известия», где я рассказал редактору т. Степанову-Скворцову³⁸ о своих партийных зловключениях. Т. Степанов-Скворцов обещал через год восстановить меня в партии. По истечении года моей работы т. Степанов-Смирнов собрался оформить мое личное дело, но уехал в отпуск и там умер.

В процессе своей работы в «Известиях» я, в феврале 1928 г., познакомился с корреспондентом американского агентства «Юнайтед-Пресс» Лайонсом³⁹, с которым поддерживал личные взаимоотношения и снабжал его копиями информации «Известий», характер которых изложен в моих предыдущих показаниях.

За время пребывания на работе в «Известиях» я получил две грамоты ЦИКа, золотые часы к 10-летию Красной армии, золотые часы за участие в экспедиции спасения Нобиле⁴⁰, а также награжден знаком

почетного активиста Осоавиахима⁴¹ «за выдающиеся заслуги в деле пропаганды советской авиации».

Изложенное мне прочитано и с моих слов записано верно, что и свидетельствую своей подписью.

Гарри.

Допросил:

Уполн[омоченный] К[онтр]Р[еволюционного]

О[тдела]-4 Л.П. Сливняк.

III. Из протокола допроса А.Н. Гарри от 13 июля 1938 г.⁴²

Считаю необходимым внести некоторую ясность в свои автобиографические данные. Родился я не в Ленинграде и не в 1898 году, как указано в моем паспорте.

Фактически я родился в 1903 году, в гор[оде] Париже (Франция). Изменения автобиографических данных произошли по следующим причинам: в 1929 году я участвовал в европейском перелете «Крылья Советов»⁴³ и должен был остановиться в Париже. Во избежание розысков моего происхождения французскими властями, при получении мною визы в Москве во французском посольстве мне было предложено изменить место своего рождения на Ленинград.

В 1919 году, будучи в Одессе, Реввоенсоветом 3-й Украинской Красной Армии я был назначен комиссаром румынского фронта. При получении мною мандата я, заполняя анкету, указал свой фактический возраст 16 лет. Руководством армии мне было предложено изменить свой возраст на 21 год, что я и сделал. С тех пор в своих официальных документах я значусь уроженцем гор. Ленинграда, 1898 г. рождения.

(А. Гарри)

Допрашивал: Эстрин

Верно (подп нрзб)

VI. Показания А.Н. Гарри от 11 декабря 1938 г.⁴⁴

Протокол допроса
Обвиняемого Гарри Алексея Николаевича
от 11-го декабря 1938 г.

Вопрос: Вам предъявлены материалы следствия в соответствии со ст. 206 УПК?

Ответ: Да, материалы следствия мне были предъявлены, и я их читал.

Вопрос: Почему Вы при предъявлении Вам материалов следствия не уточнили свои анкетные данные?

Ответ: Я не уточнил данные только в отношении своей национальности. О месте рождения и своем возрасте я дал точные показания.

Вопрос: Как Вы числились по документам до ареста: уроженцем какой местности, возраст, национальность и пр.?

Ответ: По паспорту я числился уроженцем гор. Ленинграда, рождения 1898 г., по национальности русский.

Вопрос: А фактически кто вы и где родились?

Ответ: Родился я в Париже, а не в Ленинграде, в 1903 г. январь месяц 6-го дня. Данные о моем рождении в 1898 г. неверные, возраст мне был увеличен еще в 1919 г., когда я был на фронте. По национальности я еврей, а в документах значится русский, потому что я всегда считал себя русским.

Вопрос: Вы были членом ВКП (б)?

Ответ: Был членом ВКП (б) с июня 1917 до апреля 1923 г.

Вопрос: Вас исключили тогда из партии?

Ответ: Нет, я выбыл механически.

Вопрос: Когда вы были членом РКП, вы заявляли в парт[ийную] организацию о том, что вы не русский, а еврей, не 1898 г. рождения, а 1903 и уроженец Парижа, а не Ленинграда?

Ответ: Этот вопрос возник в 1921 г. во время чистки, но документы у меня остались по-старому.

Вопрос: А в последующие годы, когда Вы получали официальные документы, например паспорт, Вы пытались определить истинное положение вещей о Вашем возрасте, национальности и т. п.?

Ответ: Нет, я этого не сделал.

Вопрос: Почему?

Ответ: Я не придавал этому значения. Перед официальными органами, т. е. милицией при получении паспорта, я это все скрыл, хотя по службе и дома многие знали, кто я такой.

Вопрос: Сообщите настоящую свою фамилию, имя и отчество.

Ответ: Эрлих Иона Леонидович, помимо Иона у меня было еще одно имя Яков.

Вопрос: Значит, Вы являетесь Эрлихом Иона-Яков Леонидовичем?

Ответ: Да, это так.

Вопрос: А по документам?

Ответ: Гарри Алексей Николаевич.

Вопрос: Почему?

Ответ: Я переменял фамилию, имя и отчество в ноябре 1917 г. в возрасте 14 лет, я этим хотел оскорбить отца и не иметь ничего общего с ним.

Вопрос: Что вы еще скрыли от официальных административных органов?

Ответ: Больше ничего.

Вопрос: Что вы еще хотите добавить после предъявления Вам следственных материалов в соответствии со ст. 206 УПК?

Ответ: Еще раз подтверждаю, что со всеми материалами следствия я ознакомился, данные о моей национальности я не уточнил потому, что это не было записано в протоколе, но об этом у меня спрашивали. Больше ничего не имею что-либо добавить⁴⁵.

Протокол с моих слов записан правильно и мною прочитан: Гарри

Допросил: Опер. Уполномоченный ОО ГУГБ НКВД СССР
Сержант Гос. Безопасности (подп) /ПЕТУХОВ/

Примечания

- ¹ *Гвоздарева Н.* Он был романтиком // Наука и жизнь. 2003. № 12. С. 96. Воспоминания Т. Гладкова цитируются по статье: Котовец // Известия. 2006. 24 апр. [Электронный ресурс] URL: <http://izvestia.ru/news/313171> (дата обращения: 07.03.2016); *Щеглов-Норильский С.* «Первые норильские писатели прошли здесь лагерь, потом были ссыльными...» // О времени, о Норильске, о себе... Кн. 11 / Ред.-сост. Г.И. Касабова. М.: ПолиМЕдиа, 2010. [Электронный ресурс] URL: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=13215> (дата обращения: 07.03.2016); *Кудреватых Л.* Репортер «Известий» // Заполярная правда. 1969. 16 февр. С. 4.
- ² Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) о пересмотре дела А. Гарри, 20 октября 1931 г. // Лубянка: Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. М.: МФД, 2003. С. 286.
- ³ An American Engineer in Stalin's Russia: The Memoirs of Zara Witkin, 1932–1934. Berkeley: University of California Press, 1991. P. 153–161, 167–179, 202–204, 211–212.
- ⁴ *Снегов С.* «Прошло полсотни лет» // Заполярная правда. 1993. 24 авг. С. 2; *Норильский С.* «Поверни омара на спину...» // Заполярный вестник. 2002. 18 окт. С. 3.
- ⁵ Уголовное дело Гарри А.Н., 1930 г. // ЦА ФСБ РФ. Д. Р-33346; То же, 1937 г. // Там же. Д. Р-26768. Л. 17.
То же, 1938 г. // Там же. Д. Р-2409. Л. 121.
- ⁶ *Гвоздарева Н.* Указ. соч. С. 96.
- ⁷ *Кудреватых Л.* Указ. соч.
- ⁸ Известия. 2006. 24 апр.
- ¹⁰ *Львов А.* Три жизни Алексея Гарри // Заполярная правда. 1993. 11 янв. С. 2.
- ¹¹ *Гуль Р.Б.* Котовский: Анархист-маршал. Нью-Йорк: Мост, 1975. [Электронный ресурс] URL: <http://lib.ru/RUSSLIT/GUL/kotovskiy.txt> (дата обращения: 6.03.2016)
- ¹² Протокол написан следователем, вставки сделаны Гарри. Следователем и подследственным подписан каждый лист протокола.
- ¹³ *Эрлих Леонид Иванович* (1868–1939) – врач-венеролог и дерматолог, доктор медицины, автор ряда статей и монографий, а также учебных пособий по

- лечению кожных и венерологических болезней. Педагог, с середины 1920-х гг. заведовал кафедрой кожных и венерических болезней Научно-практического института по охране материнства и младенчества.
- ¹⁴ 6-я Петербургская классическая гимназия основана в 1862 г., с 1904 – получила имя наследника цесаревича и вел. кн. Алексея Николаевича, закрыта в 1917 г.
- ¹⁵ Очевидно, имеется в виду книга французского философа-анархиста Себастиана Фора (1858–1942) «Мировая скорбь. Опыт независимой философии» (СПб., 1906).
- ¹⁶ Протокол написан следователем Л.П. Сливняком, вставки сделаны Гарри. Следователем и подследственным подписан каждый лист протокола.
- ¹⁷ Имеются в виду братья-близнецы Шнейдеровы (Шнейдеры). *Шнейдеров Владимир Адольфович* (1900–1973) – впоследствии советский кинорежиссер и организатор кино и телевидения, народный артист СССР. *Шнейдер Виктор Адольфович* (1900–1962) – впоследствии советский и партийный деятель, сотрудник ОГПУ–НКВД–МГБ.
- ¹⁸ С августа 1918 г. части Продовольственной армии, созданной для изъятия излишков продовольствия у населения, охраны и сопровождения продовольственных грузов, переводились в ведение Народного комиссариата по военным делам и посылались на фронт.
- ¹⁹ Очевидно, имеется в виду *Фатьянов Николай Иванович* (1898–1922) – один из организаторов скаутского движения в России, в 1917 г. примкнувший к большевикам.
- ²⁰ Имеются в виду события декабря 1918 – апреля 1919 г., периода присутствия в Одессе интервентов из стран Антанты. Подпольным областным комитетом (областкомом) руководил *Иван Федорович Смирнов (Николай Ласточкин, 1885–1919, казнен белыми)*, секретарем комитета была *Софья Ивановна (Елена) Соколовская (1894–1938)*. Областкому подчинялся подпольный городской революционный комитет (ревком), во главе которого стоял будущий начальник Одесской ЧК *Калистрат Григорьевич Саджая* (ум. в 1937 или 1938 г.). При ревкоме существовали несколько террористических групп, одной из них руководил *Григорий Иванович Котовский (1881–1925)*. В задачи террористических групп входила борьба с провокаторами, ограбление банков и т. п. В феврале 1919 г. террористы подорвали штабной вагон, в котором находились офицеры Антанты.
- ²¹ Бессарабский батальон формировался в Одессе для поддержки действий войск Антанты в Одессе местными жителями, выходцами из Молдавии и Румынии. После ухода интервентов, в мае 1919 г., на базе батальона была сформирована 1-я Бессарабская стрелковая дивизия, задачей которой был поход в Румынию.
- ²² Гарри описывает события апреля–мая 1919 г., связанные с планом захвата Румынии и революционного похода в Венгрию. Котовский, заручившись поддержкой секретаря Одесского губкома партии Я.Б. Гамарника, пытался организовать в пограничной с Одессой Бессарабии коммунистическое подполье, поднять там восстание и поддержать его силами советского десанта. В конце апреля 1919 г. в Одессе было образовано Временное рабоче-крестьянское правительство Бессарабии, провозглашена Бессарабская Советская Социалистическая республика и объявлено о создании Бессарабской Красной армии. Эти реформы происходили под контролем войск 5-й Украинской дивизии 3-й армии, занявшей город после

- ухода интервентов. 1 мая 1919 г. Румынии был предъявлен ультиматум с требованием в 48 часов покинуть Бессарабию. Однако план захвата Румынии был сорван на первом же этапе – в связи с наступлением А.И. Деникина и мятежом командира 6-й советской дивизии Н.А. Григорьева, отказавшегося двинуть свои войска против румын.
- ²³ Гарри описывает события 5 мая 1919 г., захват г. Бендеры по приказу Г.И. Котовского. Утром этого дня состоявшему из добровольцев отряду Гарри удалось захватить ключевые объекты обороны и жизнедеятельности города, однако к концу дня румынские войска выбили большевиков из Бендер.
- ²⁴ В июле 1919 г. Котовский принял под командование 2-ю кавалерийскую бригаду 45-й стрелковой дивизии. В конце августа – сентябре бригада вела тяжелые бои, пробиваясь по тылам петлюровцев на соединение с основными силами дивизии.
- ²⁵ *Детское село* – в 1918–1937 гг. так называлось Царское Село. Бригаду Котовского перебросили на Петроградский фронт в начале ноября 1919 г.
- ²⁶ На Деникинский фронт бригаду Котовского перебросили в декабре 1919 г.
- ²⁷ Котовский был назначен командиром Отдельной кавалерийской бригады, наступавшей на Одессу, в январе 1920 г.
- ²⁸ Советско-польская война окончилась в октябре 1920 г.
- ²⁹ *Тютюнник Юрий Осипович* (1891–1930) – в годы Гражданской войны первоначально сторонник советской власти, в мае 1919 г. – участник антибольшевистского Григорьевского восстания, после подавления которого во главе самостоятельного отряда влился в состав Армии Украинской народной республики, воевавшей против большевиков. Участник советско-польской войны на стороне поляков, после окончания войны вел самостоятельные действия. В 1923 г. арестован, но отпущен из-под ареста после того, как заявил о переходе на сторону советской власти. В 1929 г. вновь арестован, расстрелян.
- ³⁰ Имеется в виду советский военачальник Григорий Герасимович Ястребов (1884–1957).
- ³¹ Академия Генерального штаба Красной армии была образована в 1918 г. на базе Николаевской военной академии и готовила офицеров для занятия ключевых постов в штабных структурах.
- ³² *Христиан Георгиевич Раковский* (1873–1941) в 1923 г. был председателем Совнаркома и наркомом иностранных дел (наркоминдел) Украины.
- ³³ *Михаил Васильевич Фрунзе* (1885–1925) в 1923 г. был заместителем председателя Совнаркома Украины.
- ³⁴ *Домбаль Томаш Францевич* (1890–1937) – польский революционер, в 1923 г. приехавший в СССР и ставший видным советским государственным деятелем. Один из создателей *Крестинтерна* – Крестьянского интернационала, международной организации, призванной объединить крестьянские организации разных стран под эгидой Коминтерна.
- ³⁵ В печатном варианте ошибочно: ВКП(б).
- ³⁶ Котовский убит 6 августа 1925 г. его знакомым Меером Зайдером. Обстоятельства убийства до сих пор до конца неясны.
- ³⁷ Для издания *Большой советской энциклопедии* в 1925 г. создано акционерное общество «Советская энциклопедия», в которое, очевидно, и перешел на работу Гарри. *Институт красной профессуры* создан в 1921 г. для подготовки партийных кадров и преподавателей общественных наук в вузах.

- ³⁸ *Степанов-Скворцов (Скворцов-Степанов) Иван Иванович (1870–1928)* – государственный деятель, журналист и публицист, с 1925 г. ответственный редактор газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК». Умер во время отпуска в Сочи от брюшного тифа.
- ³⁹ *Лайонс Евгений (Eugene Lyons, 1898–1985)* – американский журналист, в 1924–1932 гг. корреспондент американского агентства «Юнайтед Пресс» в Москве, в годы работы в СССР сочувствовал советской власти, по возвращении в США – один из последовательных критиков советского строя.
- ⁴⁰ Имеется в виду организованная СССР экспедиция по спасению итальянского исследователя и путешественника Умберто Нобиле и других участников покорения Северного полюса; дирижабль Нобиле потерпел крушение 25 мая 1928 г. на льдах Северного Ледовитого океана. Большая часть путешественников спасена советским ледоколом «Красин» 12 июля. Действия СССР по спасению Нобиле и его команды легли в основу множества журналистских публикаций как в СССР, так и за рубежом.
- ⁴¹ *Осоавиахим* – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству, существовало в СССР в 1927–1948 гг.
- ⁴² Написано следователем. Подписано Гарри.
- ⁴³ Европейский перелет состоялся 10 июня 1929 г. на самолете АНТ-9, носившем название «Крылья Советов», по маршруту Москва – Травемюнде – Берлин – Париж – Рим – Марсель – Лондон – Париж – Берлин – Варшава – Москва. Пилотировал самолет летчик Михаил Громов, на борту было восемь пассажиров. Кроме Гарри, в полете участвовали, в частности, журналист Михаил Кольцов и карикатурист Борис Ефимов. Этот перелет широко освещался в советской печати.
- ⁴⁴ Написано рукой следователя. Подписано Гарри собственноручно.
- ⁴⁵ Так в тексте.

М.П. Одесский

А.А. ЖДАНОВ – Л.М. ЛЕОНОВ – ДАНИИЛ ХАРМС
Очерки советской «публичной культуры»
(1938–1940 гг.)

В статье анализируется пропагандистская кампания, которая была инициирована решениями XVIII съезда Коммунистической партии СССР. В частности, не прекращая «большой террор», партия лицемерно призывала к прекращению репрессий и реабилитации невинных. Эта кампания нашла отражение в пьесе «Метель» официального драматурга Л. Леонова и рассказе «Реабилитация» авангардиста Даниила Хармса.

Ключевые слова: Леонид Леонов, Даниил Хармс, публичная культура, XVIII съезд Коммунистической партии, реабилитация.

В условиях тоталитарного социума журналистский текст – прежде всего, газета – не просто литературная форма, а носитель официального послания всемогущей и всепроникающей власти, которое транслируется в центральной «Правде», вслед за ней – в других СМИ, затем повторяется в частных разговорах и т. д. Обозначая этот идеологический комплекс термином «публичная культура» («искусство, музыка, литература, кино, драму, публичные чтения, радио и многое другое»), Дж. Брукс выделял в качестве наиболее показательной именно прессу, «партийную газету “Правду”, которую коммунисты 20-х годов уподобляли по влиянию и авторитету Библии [...]»¹.

Для январской «Правды» 1938 г. в качестве доминирующей темы следует назвать торжественное начало работы такого государственного органа, как Верховный Совет СССР. Этот новый институт предполагался пресловутой Сталинской конституцией, выборы прошли 12 декабря 1937 г.

Редакционная статья от 13 января 1938 г. «Высший орган власти страны социализма» провозглашала: «Вчера в Кремле открылась первая Сессия Верховного Совета СССР, избранного волей всего советского народа на основе всеобщих, равных и прямых выборов при тайном голосовании. <...> Живет и действует советский

парламент [...]». Основная идея статьи выражается в акцентировании универсальных демократических ценностей («всеобщие, равные и прямые выборы при тайном голосовании!») и в несвойственном советской идеологии отождествлении Верховного Совета с подозрительно-буржуазным «парламентом». Мотив «демократизации» развивается на протяжении всего месяца, публикуются фотографии и речи депутатов, а депутат А.А. Жданов (Первый секретарь Ленинградского обкома и горкома, секретарь ЦК) – при заслушивании Верховным Советом В.М. Молотова – отчет главы правительства одобрил, но высказал и принципиальные замечания.

А вот 17 января «Правда» заявляет другую тему, весьма неожиданную, которой суждено остаться сквозной для всего месяца. Застрельщиком выступил М.Е. Кольцов. В фельетоне «О лжеразоблачителях и клеветниках» он, используя отличительный прием жанра – апелляцию к «факту, письму [читателей]»² – гневно атакует практику незаконного преследования честных членов партии. Журналист приводит выношенную классификацию инициаторов подобных преследований. Их три типа: 1) «метатель копий», который в определенной степени бескорыстно занимается доносом на коллег; 2) «карьерист», тот, кто строит на «разоблачениях» карьеру; 3) «перестраховщик, трус, бездушный антипартийный, антисоветский бюрократ». Автор приводит конкретные факты – случаи ложных разоблачений и клеветы, губительных для честных коммунистов. В финале фельетон тонко примиряется с базовыми идеями «большого террора», который ведь никто не останавливал: «Наркомвнудел безошибочно добирается до всех тех, кто, вместо честной помощи советской разведке, пробует создавать путаницу, напускать тумана, оклеветывать, лишать работы неповинных ни в чем людей. Клеветников, злостных карьеристов он рассматривает как ненавистников советского строя. И правильно делает».

Рассмотрение январской подборки номеров «Правды» – если кто-то сомневался – доказывает, что выступление Кольцова не было самоубийственным протестом против «ежовщины». 18 января печатается статья «За что исключали из партии». Автор – Н. Токарев, редактор «Сталинградской правды»; композиция та же, что в фельетоне Кольцова – обличение «лжеразоблачителей и клеветников», которое иллюстрируется примерами из жизни; автор – редактор региональной газеты и примеры тоже региональные, сталинградские.

Интрига разрешается 19 января: в «Правде» публикуется Постановление Пленума ЦК ВКП (б) «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП (б) и о мерах по

устранению этих недостатков». С докладом на этом Пленуме выступил Г.М. Маленков (в 1936 г. сменивший Н.И. Ежова в должности заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК).

Пленум сообщал: «Известно немало фактов, когда партийные организации без всякой проверки и, следовательно, необоснованно исключают коммунистов из партии, лишают их работы, нередко даже объявляют, без всяких к тому оснований, врагами народа, чинят беззакония и произвол над членами партии».

Пленум считает, что

среди коммунистов существуют, еще не вскрыты и не разоблачены *отдельные карьеристы-коммунисты, старающиеся отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, на репрессиях* (так! – М.О.) *против членов партии, старающиеся застраховать себя от возможных обвинений в недостатке бдительности путем применения огульных репрессий против членов партии* (акцентирующий курсив «Правды». – М.О.). <...> Такой карьерист-коммунист, желая выслужиться, без всякого разбора разводит панику насчет врагов народа и с злостью вопит на партсобраниях об исключении членов партии из партии на каком-нибудь формальном основании или вовсе без основания.

Поражает вывод: «Пленум ЦК ВКП (б) требует от всех партийных организаций и их руководителей всемерного повышения большевистской бдительности партийных масс, разоблачения и выкорчевывания до конца всех вольных и невольных врагов партии». Поражает и обращение «бдительности», освящавшей практику «большого террора», теперь против тех, кто «бдит» неправильно; поражает и молитвословная аллюзия – «вольных и невольных»³.

Самое захватывающее в Постановлении Пленума ЦК – использование идеологом «репрессии» (описание недолжного) и «реабилитация» (восстановление должного), которые в годы «оттепели» станут основой для десталинизации.

Постановление, намекая – вслед за Кольцовым – на тождественность действий «лжеразоблачителей и клеветников» с действиями врагов народа, снова прибегает к термину «репрессии»:

...многие наши парторганизации и их руководители до сих пор не сумели разглядеть и разоблачить *искусно замаскировавшегося врага, старающегося криками о бдительности замаскировать свою враждебность и сохраниться в рядах партии – это во-первых, – и, во-вторых, стремящегося путем проведения мер репрессий, – перебить наши большевистские кадры, посеять неуверенность и излишнюю подозрительность в наших рядах* (курсив «Правды». – М. О.).

<...> Такой замаскированный враг – гнусный двурушник – всячески стремится создать в парторганизациях обстановку излишней подозрительности, при которой каждого члена партии, выступившего в защиту другого коммуниста, оклеветанного кем-либо, немедленно обвиняют в отсутствии бдительности и в связях с врагами народа⁴.

А вот и «реабилитация». В результативной части имеется седьмой пункт, который содержит требование: «Обязать партийные организации [...] полностью реабилитировать этих членов партии и публиковать в печати свои постановления в тех случаях, когда предварительно в печати были помещены дискредитирующие члена партии материалы».

Публикация постановления – подобно фельетону Кольцова – поддерживается и развивается другими январскими материалами. В том же номере от 19 января выходит в свет редакционная статья «По-большевистски выполнить решения Пленума Сталинского Центрального Комитета». Здесь – вслед за Кольцовым – «репрессии» и «реабилитация» адаптируются к «большому террору». Оказывается, работа партии по реализации сталинского призыва на февральско-мартовском Пленуме 1937 г. «о ликвидации идиотской болезни – беспечности, о повышении бдительности», который собственно вычеканил «террористическую» идеологию того времени, «была бы большей, если бы не ошибки партийных организаций в ходе очищения своих рядов от агентов фашизма». Другими словами, ложная «бдительность» прямо враждебна истинной.

Передовица в номере от 22 января «Решения Пленума ЦК ВКП (б) делать достоянием каждого коммуниста» напоминает, что Пленум подверг критике «грубейшие извращения принципов большевизма, имевшие место в партийных организациях при решении вопросов об исключении из партии». И далее: в номере от 25 января – редакционная статья «Большевистская бдительность»; в номере от 26 января – «Реабилитировать неправильно исключенных, сурово наказать клеветников!»; в номере от 29 января – статья «О большевистской бдительности и чуткости»: очевидно, актуальность уменьшилась, статья помещена на второй странице, но зато автор – А.С. Щербаков, в ту пору – секретарь Иркутского обкома партии, в будущем один из ближайших к Сталину политиков.

В исторической перспективе пристального рассмотрения требует редакционная статья «Реабилитировать неправильно исключенных, сурово наказать клеветников!» от 26 января, которая дополняет Постановление Пленума ЦК ВКП (б) и в которой рассматривается идеологема «реабилитация».

Термин «реабилитация», которому была уготована столь блистательная будущность после смерти Сталина, в российском и советском праве влачил жалкое, маргинальное существование. Если, например, во Франции этот термин обозначал «восстановление в правах» или «официальное восстановление репутации», то в отечественной традиции он не был востребован и никогда не был ясно описан. Толкование сводилось к отождествлению с официальными терминами: реабилитация обозначала «снятие судимости» или «отмену обвинительного приговора в результате возобновления уголовного дела по вновь открывшимся обстоятельствам». Позднее этот термин – опять же по аналогии – ассоциировался с восстановлением репутации, а потому имел специфическое хождение в партийной среде. В этом качестве и был актуализирован в Постановлении и в редакционной статье⁵. 26 января «Правда» констатировала:

Партийные руководители, рядовые члены партии стараются осмыслить те ошибки, на которые с такой прямотой и резкостью указал в своем постановлении Пленум ЦК. Все мысли направлены к тому, чтобы в кратчайший срок исправить ошибки, допущенные при исключении коммунистов из партии, чтобы в кратчайший срок устранить формально-бюрократическое отношение к апелляциям исключенных. Начинается практическая работа по осуществлению решений Пленума. Задача прежде всего в том, чтобы восстановить в партийных рядах товарищей, незаслуженно исключенных из партии стараниями карьеристов, усердствующих перестраховщиков и замаскированных врагов.

Статья подчеркивала:

Пленум сурово осудил тех партийных руководителей, которые «наивно считают, что исправление ошибок в отношении неправильно исключенных может подорвать авторитет партии и повредить делу разоблачения врагов народа, не понимая, что каждый случай неправильного исключения из партии – на руку врагам партии».

Полужирным шрифтом выделено: **«Коммунист, неправильно исключенный, оклеветанный, а затем восстановленный, должен возвращаться в свою партийную семью как равноправный член партийной организации».**

Анонимный автор возмущен: «Во многих партийных организациях утвердилась неправильная, вредная практика, когда исключенных из ВКП (б) немедленно снимали с работы. Пленум ЦК подвиг суровому осуждению такое отношение к исключенным».

В статье содержался призыв к советским журналистам:

Наиболее ловкие карьеристы и пройдохи сумели использовать в клеветнических целях и газеты. Немало невинных людей оказались оклеветанными и на страницах газет. Подчас достаточно было оказаться партийцу исключенным по ложному доносу из партии, как его немедленно же безответственно шельмовали в газете. <...> Если человека неправильно, легкомысленно или ошибочно ошельмовали в газете, значит надо столь же громогласно заявить о том, что человек не виновен.

Достоин внимания, что призыв к газетам «громогласно заявить о том, что человек не виновен» напоминает о восстановлении репутации, то есть о классическом толковании реабилитации⁶.

Пикантность Постановления январского Пленума «Сталинского Центрального Комитета», как и всей газетой кампании, заключается в том, что все это происходило не до и не после, а на самом пике репрессий – позади масштабные процессы 1936 и 1937 гг., впереди уже маячит бухаринский процесс. Внимательный соглядатай М.М. Пришвин, фиксируя реакцию общества, сопоставил Постановление январского пленума – по его идеологическим последствиям – со статьей И.В. Сталина «Головокружение от успехов»: «“Постановление” (историческое), второе “головокружение”... Как и тогда, тоже некоторые глупо рады, некоторые глупо погибли за “перегиб”»⁷. Действительно, знаменитая статья генсека некогда осудила «перегибы» коллективизации строго в разгар коллективизации.

Литераторы неосталинистской ориентации буквально понимают решения Пленума, интерпретируя их как борьбу Сталина и Жданова с эксцессами «большого террора». По их мнению, осенью 1937 г. Жданов был направлен Сталиным для организации «чисток» в Башкирию; там он пришел к выводу, что из-за размаха репрессий возможна дезорганизация промышленности, и в этом духе составил несколько записок на имя Сталина; Сталин заинтересовался его выводами и поручил подготовить проект решений ЦК об ограничении репрессивной практики; в январе 1938 г. Жданов внес решение «Об ответственности прокуроров за необоснованный арест специалистов», призванное прекратить избиение НКВД директорского корпуса, но ведомство Ежова игнорировало постановление ЦК⁸.

Специалисты по политической подоплеке «большого террора» – в их числе историк А.В. Антонов-Овсеенко – считают, что Пленум готовил снятие Наркома внутренних дел Н.И. Ежова и его

замену на Л.П. Берию, тогдашнего первого секретаря ЦК КП (б) Грузии, Закрайкома ВКП (б)⁹.

С этой точки зрения замечателен еще один пассаж в статье: «Партия очищала, очищает и будет очищать свои ряды от тайных и явных врагов и их приспешников. Однако к этой огромной очистительной работе поспешили примазаться шкурники и карьеристы, старавшиеся отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, старавшиеся на этом прослыть бдительными партийцами. Рука об руку со шкурниками и карьеристами действовали и замаскированные враги, которые, крича о бдительности и требуя исключения ни в чем не повинных людей, заматали собственные следы, прикрывали показной, фальшивой бдительностью собственные преступления». Допустив, что «шкурники и карьеристы» – намек на команду Ежова, можно выдвинуть гипотезу о тогдашней политической актуализации термина «реабилитация».

С точки зрения же газетной поэтики, не исключено, что тема прекращения «репрессий» и «реабилитации» удачно вторила ведущей теме «демократизации», заданной информацией о созыве Верховного Совета.

В марте 1939 г. на XVIII съезде ВКП (б) такого рода игры продолжались. С одной стороны, в Отчетном докладе И.В. Сталин – в полемике с самим Ф. Энгельсом – сформулировал теоретически тезис о том, что, пока существует капиталистическое окружение, государство будет существовать – и при социализме, и, возможно, при коммунизме. Тезис был грозным. С другой стороны, вожьд подводил некоторые итоги борьбы с внутренними врагами, что позволяло надеяться на наступление более вегетарианских времен. В общем, по словам М.М. Пришвина: «Весь XVIII съезд посвящен выработке правил управления страной»¹⁰.

Практическое уточнение генеральных идей было доверено А.А. Жданову (выбран на съезде в состав Политбюро ЦК), который докладывал делегатам об изменениях в уставе партии (заседание 18 марта, председательствующий Н.С. Хрущев). 20 марта доклад был опубликован в «Правде», и советское общество обрело возможность принять сказанное к сведению и исполнению.

Казалось бы, обсуждение устава – вопрос технический, но в большевистской системе (по образцу В.И. Ленина) он, наоборот, занимал первостепенное место:

В организационных формах устава, как и в развитии марксистской теории, наша партия стоит на почве творческого марксизма, обогащая формы организационного устава новым опытом, в зависимости от развивающихся условий классовой борьбы и новых политических задач¹¹.

В продолжение линии «демократизации» Жданов призвал отказаться от привилегий, которые давались рабочим при вступлении в коммунистическую партию, а развитию темы январского Пленума 1938 г. посвятил целый раздел доклада – «Об отмене массовых чисток».

Партия на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 года и январском пленуме ЦК 1938 года осудила практику формального и бездушно-бюрократического отношения к вопросу о судьбе членов партии, об исключении из партии и о восстановлении исключенных из партии. Эта практика, как известно, была широко использована проникшими в партию карьеристскими элементами, стремившимися отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, а равно замаскированными врагами внутри партии, стремившимися путем широкого применения мер репрессий перебить честных членов партии и посеять излишнюю подозрительность в партийных рядах. Враг, изменив тактику, уцепился за бдительность и спекулировал на этом, стремясь под прикрытием фальшивых речей о бдительности перебить как можно больше честных коммунистов, имея в виду посеять взаимное недоверие и дезорганизовать наши ряды. Клевета на честных работников под флагом «бдительности» является в настоящее время наиболее распространенным способом прикрытия, маскировки враждебной деятельности. Незаблаженные осиные гнезда врагов ищите прежде всего среди клеветников.

Разоблачение опасной деятельности «клеветников» и «карьеристов», которые ведут «фальшивые речи о бдительности», иллюстрировалось живописными анекдотами:

В некоторых организациях клеветники настолько распоясались, что кладут ноги на стол. Вот, например, в одном из районов Киевской области был разоблачен клеветник Ханевский. Ни одно из многочисленных заявлений, поданных Ханевским на коммунистов, не подтвердилось. Однако, этот клеветник не потерял присутствия духа и в одном из своих разоблачительных заявлений в обком КП(б)У обратился с такой просьбой: «Я выбился из сил в борьбе с врагами, а поэтому прошу путевку на курорт». (*Громкий смех.*)

Еще красочней ждановский анекдот о карьеристе, предложившем оригинальную классификацию «врагов народа»:

«Деятельность» некоторых клеветников приняла настолько широкий размах, что они начали вводить в нее некую «рационализа-

цию». Вот, например, Алексеев – член партии с 1925 года, заведующий Ирбейским районным партийным кабинетом (Красноярский край). Работал он плохо, все свое время отдавая писанию клеветнических заявлений на честных коммунистов и беспартийных учителей. Здесь «дел» было у него много, и он завел себе список со специальными графами: «большой враг», «маленький враг», «вражек», «враженок». (*Общий смех.*) Нечего и говорить, что он создавал в районе совершенно невозможную обстановку. В конце концов, он был исключен из партии как клеветник.

Докладчик, смакуя яркость примера, проявляет эрудицию и апеллирует к Н.В. Гоголю:

В связи с Алексеевым я думал, кого напоминает такой тип, и мне вспомнился Собакевич из повести Гоголя «Мертвые души». Собакевич, как известно, всех считал мошенниками и разбойниками. Когда Чичиков признался Собакевичу, что ему более всех в губернском городе нравится полицмейстер за прямоту и простосердечие, Собакевич хладнокровно ответил: «Мошенник! Продаст, обманет, еще и победает с вами! Я их знаю всех: это все мошенники, весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все хриstopродавцы. Один там только и есть порядочный человек: прокурор, да и тот, если сказать правду, свинья». (Хохот в зале.) Очевидно, праправнуки Собакевича дожили и до наших времен, кое-где даже пробрались в партию. Надо взять метлу покрепче и вымести из нашего партийного дома подобный мусор. (*Дружные аплодисменты.*)

Оказывается, честные люди – по вине «карьеристов» и «клеветников» – повально опасались быть обвиненными в связи с врагами народа на основании совершенно случайных фактов и совпадений:

На этом основании было огульно исключено из партии немалое количество честных работников, вся вина которых заключалась в том, что им приходилось по условиям работы встречаться и видеться с врагами народа, – «проходить по одной улице». Эта ходкая формула – «связь с врагами народа» – широко использовалась антипартийными элементами для избиения честных коммунистов. Она, эта формула, употреблялась в таком широком и расплывчатом толковании, когда под нее подводились самые разнообразные вещи – и обычное знакомство, и совместная по обязанности работа с врагами, и действительная связь с врагами, и участие в контрреволюционной работе – без каких бы то ни было градаций, все тонуло за общей формулой. На этом основании было допущено, да и сейчас еще допускается, большое количество ошибок.

Жданов отдельно оговорил недопустимость преследования родственников «врагов народа»:

Довольно широко у нас укоренилась теория своеобразного «биологического» подхода к людям, к членам партии, когда о коммунисте судят не по его делам, а по делам его родственников – близких и дальних, когда недостаточная идеологическая выдержанность и социальная направленность какой-нибудь прабабушки может испортить карьеру потомков на целый ряд поколений. (*Смех.*) Подобный подход ничего общего с марксизмом не имеет. Мы должны исходить из того положения, которое неоднократно развивалось и подчеркивалось товарищем Сталиным, что сын за отца не ответчик, что нужно судить о члене партии по его делам. У нас же на практике, к сожалению, распространенным явлением является определение делового и политического лица работника не по его собственной работе, а по физиономии его родственников и предков – близких и дальних. Нельзя сказать, чтобы представители этой «теории» выступали открыто. А в то же время они потихонечку свою работу ведут да ведут и судят о человеке не по его работе, а по его родословной. С этим «биологическим» подходом надо кончать. (*Шумные аплодисменты.*)

Таково было официальное послание власти, которое произнес съезд ВКП (б) – высшая инстанция в СССР. Разумеется, советская «публичная культура» должна была реагировать. И логику этой ответной реакции можно распознать в пьесе Л.М. Леонова «Метель», над которой писатель закончил работу к концу 1939 г. Леонов к тому времени был сложившимся писателем, со своими темами и узнаваемой поэтикой, и тем не менее проблематика «Метели» закономерно соответствует пафосу партийного съезда.

«Действие происходит на периферии в наши дни»¹² – в семье Степана Светозарова, на Новый год (как в «Днях Турбиных»). Степан – образцовый советский гражданин: он – директор завода, делает доклады о преодолении индивидуализма в переходную эпоху и т. п. Вместе с тем в семье Светозарова нет ни счастья, ни покоя, напротив – «метель». В прошлом брат советского директора сражался на стороне белых и эмигрировал; Степан женился на его супруге; с ними живет и дочь Порфирия – Зоя, которая пребывает в постоянной тревоге (действие I, сцена 2):

Снова раздали анкету: кто, что, когда и почему... <...> Спрашивают про отца. <...> Я не могу больше лгать, мамочка. Уже столько раз, столько раз... Через это я поступила в институт, стипендию получила, овладела дружбой товарищей. Ведь это все кража, мамочка. (*Сквозь слезы.*) Мне так совестно, что я такая молодая и уже такая дрянь.

Под гнетом страшной тайны находится и вся семья: «Останешься без диплома, одна, и никто не посмеет даже кивнуть тебе в окошко!» Да и другие персонажи подвержены паническим атакам (I, 7):

А у нас жуткий сосед по комнате. Коридор-то общий!.. Табуретку поставит у двери и слушает, как в театре. Всегда за порожком свеженькие окурочки лежат. (*Озабоченно.*) Да говорят еще, что теперь через электрическую лампочку подслушивать научились... верно это, а?

На завод прибыл ревизор, о Степане ходят негативные слухи, и его жена волнуется (I, 8):

Ты слишком спокоен, Степан. Я бы ночей не спала на твоём месте. Кричи, в кровь дерись за своё честное имя!.. Слушай, может быть мне самой сходить к нему? Я объясню ему эту клевету. Я тебя давно знаю. Ты никогда ничего лишнего не подписывал, не шумел, был всегда осторожен...¹³

Именно об опасности «клеветы» предупреждала партия, и Степан поначалу предстает одной из ее невинных жертв.

Однако драматург усложняет ситуацию. Дело в том, что брат Порфирий раскаялся, сражался в Испании и теперь законно вернулся в СССР. Наоборот, Степан отнюдь не образцовый советский директор. Он сам – тот «клеветник», который извлекает пользу из атмосферы репрессий и практики доносов. Приспешник Степана открывается (I, 9):

(*Оглянувшись.*) У Карякиной-то сын взят. И знаешь, как это я его ухитрился?.. Письмо ему послал. Такое. Кому надо, те прочтут. А места подо всеми склизкие...

Правда, Степан не «карьерист», а казнокрад и мошенник: его цель поехать в командировку за границу, где открыт счет в банке (на имя брата). Тем не менее, Степан вполне подходит под определение псевдолояльных граждан, которые, пользуясь ошибками государства и партии, преследуют своекорыстные интересы. Показательно, что даже о свойственной ему показной добродетельности («Без единого взыскания, не пьет, не курит», II, 8) Жданов предупредил на съезде:

Клеветники орудуют там, где им помогают самостраховщики. Вот один из примеров такой самостраховки. <...> Вот справка, выданная одному гражданину: «Тов. (имя рек) по состоянию своего

здоровья и сознания не может быть использован никаким классовым врагом для своих целей. Райпсих Окт. р-на г. Киева (подпись)». (*Громкий смех.*)

Однако в итоге символическая «метель» стихает. Дочь Зоя находит мужество признаться перед товарищами в своих «биологических» грехах (II, 13): «Слушайте. Мой отец, прапорщик Порфирий Сыроваров, уже давно бежал за границу. Может быть он... я ничего о нем не знаю. Письма его я жгла. Теперь все. Теперь прощайте!» Недостойные друзья готовы отречься и предать: «Неплохо придумано: позвать друзей и угостить их пирогом с гвоздями»; «У Карякиной сын тоже получал некоторые странные письма!» Один из женихов-комсомольцев (сын русского рабочего) колеблется, не бросить ли теперь скомпрометированную девушку: характеристика автора – «в жизни он будет преуспевать, потому что никогда не совершит никаких глупостей. Лет через десять это будет беспощадный человек» (замечания для исполнителей роли) – относит его к той же опасной категории «умеренных и аккуратных», о которой предупреждал Жданов. Зато другой жених (сын таджикского пастуха) выдерживает испытание, а что самое главное – поступок Зои одобряют старые большевики. Степан свободно уезжает в командировку (несмотря на призывы положительных героев покарать его), но в СССР покончено с репрессиями, а кара его будет состоять в том, что Порфирий уже перевел украденные деньги на родину и беглеца ждет позорная жизнь на помойке. А сам Порфирий обретает место в новом обществе, устроившись работать в колхозе.

Автор современной биографии Леонова З. Прилепин уже указывал на необходимость учитывать при анализе «Метели» «сложившуюся к сороковым годам ситуацию»: «Начиная с 1936 года страна стала совершать очевидный поворот, во-первых, в сторону ценностей национальных, а во-вторых, наметился некоторый крен в сторону, не побоимся этого слова, либерализации сферы культуры»¹⁴. Соглашаясь с таким подходом, вместе с тем необходимо уточнить хронологические рамки «поворота» и начинать не с 1936-го, даже не с января 1938-го, а с марта 1938-го – с XVIII съезда. И тогда станет ясно, что Леонов, оформив сюжет по законам собственного художественного мира, одновременно корректно воспроизвел тот конфликт, который собственно обрисовал Жданов. Репрессии в стране во многом проходили по злой воле «карьеристов»-руководителей, гнавших под видом «врагов народа» честных людей. Потому вроде не стоит удивляться, что в апреле–марте 1940 г. состоялось 13 театральных премьер «Метели» и в августе 1940 г. пьесу собирались выдвинуть на Сталинскую премию по разряду драматургии.

В газетах печатались однозначно положительные рецензии (данные Н.Л. Леоновой, основанные на архиве ее отца¹⁵). При самом поверхностном просмотре ключевых формул из этих рецензий заметно, что там как позитивные доминируют темы «честности» («честность советского человека перед Родиной» – «Большевистская молодежь», 28 апреля 1940 г., «пьеса о честности и мужестве» – «Советское искусство», 5 сентября 1940 г.) и «чистоты» («зритель почувствует, как прекрасен очищенный от грязи человек» – «Большевистская молодежь», 28 апреля 1940 г., «Тема “Метели” – это проблема моральной чистоплотности людей» – «Советское искусство», 5 сентября 1940 г., «проблема моральной чистоты» – «Правда Востока», 4 сентября 1940 г.).

А значит, авторы рецензий адекватно читали идеологический контекст пьесы. Ведь и Жданов в докладе обвинял «врагов внутри партии» в стремлении «путем широкого применения мер репрессий перебить честных (!) членов партии». Тема же «чистоты», заданная термином «чистка», в его докладе вообще должна быть причислена к базовым:

Стало быть, в условиях, когда партия уже провела большую очистительную (!) работу, метод массовых чисток (!) не вызывается необходимостью. Об этом говорит тот факт, что наиболее серьезная работа по очищению (!) партии от врагов народа, изменников, предателей и агентов фашизма развернулась после массовых чисток (!).

Однако неожиданно все переменилось. 18 сентября 1940 г. Общий отдел ЦК ВКП (б) и Политбюро ЦК выпустили специальное постановление, осуждавшее «Метель» «как идеологически враждебную, являющуюся злостной клеветой на советскую действительность» (председателю Комитета по делам искусств при СНК СССР М.Б. Храпченко указывалось, «что он допустил грубую политическую ошибку, разрешив к постановке пьесу “Метель”». Предупредить т. Храпченко, что при повторении подобных ошибок он будет смещен с должности»). По словам Прилепина, «били Леонова много – но Политбюро взялось за него впервые»¹⁶. И «реабилитировали» пьесу «Метель» только в годы правления Хрущева.

Попытка разгадать причину перемены участи произведения Леонова – тема отдельной статьи, но, очевидно, она была обусловлена очередной радикальной переменой установок «публичной культуры». Любопытно здесь свидетельство современника – Даниила Хармса, который в своей неофициальной прозе не обязан был играть по правилам «публичной культуры» и поставил абсурдистский диагноз советским идеологическим играм.

В рассказе Хармса «Реабилитация» (10 июня 1941 г.) патологически преступная личность произносит речь, хладнокровно повествуя о совершенных злодеяниях. Финальный пуант заключается в том, что подсудимый венчает описание отвратительных деяний невинным выражением надежды на «полное оправдание»:

Ну, хорошо: во всем этом (я могу согласиться) можно усмотреть некоторую жестокость с моей стороны. Но считать преступлением то, что я сел и испражился на свои жертвы, – это уже, извините, абсурд. Испражняться – потребность естественная, а следовательно, и отнюдь не преступная. Таким образом, я понимаю опасения моего защитника, но все же надеюсь на полное оправдание¹⁷.

Персонаж в рассказе Хармса убежден, что он заслуживает «полного оправдания». Автор же, озаглавив рассказ «Реабилитация», тем самым приравнял «полное оправдание» к «реабилитации» и охарактеризовал советскую действительность при помощи этого абсурдного термина из арсенала 1938 г. Термина, который декларировал мнимую установку на милость посреди тотальных судебных злоупотреблений и казней.

Примечания

- ¹ Brooks J. Thank you, comrade Stalin!: Soviet public culture from Revolution to Cold War. Princeton: Princeton University Press, 2000. P. XIII–XIV.
- ² Шкловский В.Б. Зорич // Шкловский В.Б. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). М.: Сов. писатель, 1990. С. 359.
- ³ Ср. редакционную статью «За большевистскую бдительность» в «Литературной газете» (27 января 1938 г.).
- ⁴ См.: Фельдман Д.М. Терминология власти: Советские политические термины в историко-культурном контексте. М.: РГГУ, 2006. С. 237–238.
- ⁵ Там же. С. 67–86.
- ⁶ См. анализ этой «правдинской» передовицы и ее деконструкции в рассказе Д. Хармса «Реабилитация»: Одесский М.П. Абсурдизм Даниила Хармса в политико-судебном контексте // Russian Literature. 2006. LX (III/IV). С. 441–449.
- ⁷ Пришвин М.М. Дневники: 1938–1939 / Подгот. текста Я.З. Гришиной, А.В. Киселевой. СПб.: Росток, 2010. С. 18.
- ⁸ См., напр.: Елисеев А. Кто развязал «большой террор» // Молодая Гвардия. 2005. № 3.
- ⁹ Антонов-Овсеенко А. Путь наверх // Берия: Конец карьеры. М.: Политиздат, 1991. С. 60.
- ¹⁰ Пришвин М.М. Указ. соч. С. 296.
- ¹¹ Доклад Жданова цит. по: Правда. 1939. 20 марта. С. 2–6.

- ¹² Здесь и далее цит. по с указанием действия и явления: *Леонов Л.* Метель. М.: Управление по охране авторских прав, 1940.
- ¹³ Ср.: «Да ... я решилась поговорить начистоту ... об этой клевете» (III, 11).
- ¹⁴ *Прилепин З.* Леонид Леонов: «Игра его была огромна». М.: Молодая гвардия, 2010. Серия «Жизнь замечательных людей». С. 326.
- ¹⁵ *Леонова Н.Л.* Из воспоминаний: «Метель» // Леонид Леонов в воспоминаниях, дневниках, интервью / Сост. Н.Л. Леонова. М.: Голос, 1999. [Электронный ресурс] URL: http://www.mirleonova.org/leonov_live_v_metel.html (дата обращения: 15.03.2016).
- ¹⁶ *Прилепин З.* Указ. соч. С. 330.
- ¹⁷ *Хармс Д.И.* Полн. собр. соч.: В 6 т. Т. 2: Проза. Драматические произведения. Авторские сборники. Незавершенное / Сост., примеч. В.Н. Сажина. СПб.: Академический проект, 1997. С. 161.

Ю.Г. Бит-Юнан

РОМАН В.С. ГРОССМАНА «ЖИЗНЬ И СУДЬБА»
В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ
И ПУБЛИЦИСТИКЕ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 1980-х гг.

Автор статьи анализирует специфику критической рецепции романа В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба» в среде русскоязычной эмиграции. Исследователь обращает внимание на скудное количество отзывов о книге и ее нерегулярное рецензирование и приходит к выводу, что это было обусловлено негласным противопоставлением Гроссмана А.И. Солженицыну, чей авторитет считался тогда непрекращаемым среди многих эмигрантов. Против романа «Жизнь и судьба» было и то обстоятельство, что литературная репутация Гроссмана в русском зарубежье считалась крайне противоречивой. Это было вызвано публикацией гроссмановской повести «Все течет...», содержание которой оказалось крайне неудобным для представителей русскоязычной эмиграции.

Ключевые слова: В.С. Гроссман, А.И. Солженицын, Е.Г. Эткинд, Ш.П. Маркиш, «Жизнь и судьба», «Все течет...», «Архипелаг ГУЛАГ», эмигрантская пресса, эмигрантская критика.

Биографы В.С. Гроссмана, в том числе и лично его знавшие, утверждают, что после ареста романа «Жизнь и судьба» в феврале 1961 г. о писателе забыли. Ему перестали звонить, к нему перестали приходить гости. А вскоре после его смерти, в 1964 г., забвение перешло в формальную плоскость: его перестали издавать¹. На протяжении 1970-х – первой половины 1980-х гг. в СССР только и было опубликовано, что один рассказ – «Жизнь»². Сохранили же имя Гроссмана от забвения друзья и союзники, спрятав рукописи его неопубликованных сочинений и переправив их затем на Запад. Таким образом, в 1970 г. эмигрантским издательством «Посев» была опубликована повесть «Все течет...», а в 1975 – 1976 гг. в журналах «Континент», «Посев» и «Грани» публиковались главы из романа «Жизнь и судьба»³. В 1980 г. швейцарское

издательство L'aged'homme выпустило первое книжное издание романа⁴. Таким образом, имя Гроссмана должно было войти в историографию «тамиздата» и выйти из истории советской литературы. Но все сложилось практически с точностью до наоборот.

Несмотря на то, что в СССР Гроссмана почти не издавали, о нем все же и не забывали. Во-первых, в 1970 г. на родине прозаика вышла первая монография о нем и его произведениях – критико-биографический очерк А.Г. Бочарова «Василий Гроссман». В 1971 г. Б.Е. Галанов напечатал в главном литературоведческом журнале страны, «Вопросах литературы», статью о Гроссмане «Частное и общее», дал отзыв и о монографии Бочарова. О Гроссмане тепло отзывался В.П. Некрасов в автобиографической книге 1971 г. «В жизни и письмах». О Гроссмане писали в 1973 г. Ю.А. Левин и Д.И. Ортенберг. Тогда же в сборнике работ литературоведа В.Я. Канторовича была напечатана статья «Поэзия и философия одного очерка»⁵. Бесспорно, это лишь упоминания. Прежних пространственных статей о Гроссмане и его сочинениях в прессе уже не появлялось. Но это и нетрудно объяснить. Гроссман официально считался вполне успешным советским прозаиком – но не более того. Он начал литературную карьеру в первой половине 1930-х, был особенно активен во время войны и какое-то время после нее. Начал и не закончил сталинградскую диологию. В начале 1960-х гг. написал очерк о поездке в Армению «Добро вам», опубликованный уже посмертно⁶. Было бы странно, если бы ему отводилось особое место в советской периодике.

Труднее объяснить другое. Почему о Гроссмане, опубликованном и как бы «продолжившемся» за границей, там писали очень мало, будто обходили его стороной. На протяжении 1970–1980-х гг. в эмигрантских изданиях, периодических и непериодических появилось около десяти публикаций о повести «Все течет...» и романе «Жизнь и судьба» (для сравнения, когда «Жизнь и судьба» была опубликована журналом «Октябрь», советская пресса буквально взорвалась: около 90 рецензий на произведения Гроссмана в 1988–1991 гг.).

Асимметрия, таким образом, налицо: в СССР Гроссмана не публикуют, но вспоминают, а в русском зарубежье публикуют, но стараются не вспоминать. В данной статье и анализируется характер рецепции романа «Жизнь и судьба» в критике русского зарубежья.

* * *

О том, что эмигрантская критика не отреагировала на появление глав «Жизни и судьбы» в периодических изданиях, мемуаристы упоминали. Они же предложили и объяснение: главы не

рецензировались, потому что рецензировать было, по сути, нечего⁷. Однако это мнение не выдерживает критики при обращении к самим источникам – т. е. к публикациям в эмигрантских журналах. «Континент» напечатал не какие-то плохо выбранные главы, а 23 главы, пятую часть книги. Публикация была непрерывной, и представлены были все сюжетные линии. Позаботилась редакция журнала и о послесловии – в качестве такового были напечатаны воспоминания Б.С. Ямпольского «Последняя встреча с Гроссманом», где было рассказано об аресте романа и последних месяцах жизни Гроссмана⁸. Также было анонсировано книжное издание романа. Иначе говоря, история обещала стать более чем интригующей – однако таковой не стала, а книга вышла только через четыре года и тоже будто не вызвала интереса.

Называлась, правда, и другая причина. Эмигранты не были заинтересованы в Гроссмане и не стремились опубликовать его книгу, поскольку главной персоной русского зарубежья был в то время А.И. Солженицын, написавший уже о лагерях⁹. Эта версия кажется правдоподобной, однако её также необходимо проверить – для этого обратимся к рецензиям на гроссмановские произведения.

Первой сравнила Гроссмана с Солженицыным Д.М. Штурман, известный израильский литературовед. Ее критической обзор повести «Все течет...» под заголовком «Стукачи и гонг справедливости» появился в 1979 г. в израильском журнале «Время и мы»¹⁰; основывался он именно на сопоставлении того, как интерпретировали проблему доносительства Гроссман и Солженицын. Приоритет был отдан Гроссману, пытавшемуся, как утверждала Штурман, вникнуть в психику осведомителя, а не просто призывавшему к немедленной с ним расправе, как то было в процитированных ею фрагментах «Архипелага ГУЛАГ».

Первую же рецензию на «Жизнь и судьбу» написал израильский критик Е.Г. Эткин, подготовивший вместе с исследователем литературы Ш.П. Маркишем книжное издание романа. Называлась рецензия «Двадцать лет спустя» и анонсировала скорое появление второго тома сталинградской дилогии. Примечательно, что помещен материал был также в журнале «Время и мы» и все в том же 1979 г. И, подобно статье Штурман, композиционной и содержательной основой был контраст между Гроссманом и Солженицыным. Можно было бы предположить, что в тех эдиционных условиях было недостаточно просто опубликовать роман – требовалось его продвижение на рынке, а это, в свою очередь, требовало контраста Гроссман – Солженицын. Впрочем, это противопоставление в статье Эткина было более тонким, нежели у Штурман:

Через 12 лет после книги Гроссмана удостоилась ареста еще только одна рукопись – Солженицынский «Архипелаг ГУЛаг»... Но почему «Архипелаг ГУЛаг» был страшен властям и прежде всего, КГБ, понятно: «художественное исследование» Солженицына ломится от фактов, от реальных судеб, от имен жертв и имен палачей. Книга же В. Гроссмана – плод вымысла, роман [...] Опасность разоблачительных и обвиняющих документов несомненна. <...> Не бывало никогда, чтобы художественное сочинение погубило политический строй или партию... <...>

Арест романа – наивысшая оценка, какую может заслужить художественное произведение от государственной власти. Вымысел приравнен к реальности¹¹.

С одной стороны, Эткинд будто пытается уравнивать статус Гроссмана и Солженицына. С другой же стороны, это равенство отнюдь неполное. Жанровое сопоставление двух книг явно было не в пользу «Архипелага ГУЛАГ». По сути, критик утверждал, что работа Солженицына не входит в корпус художественных произведений, подобно «Жизни и судьбе». Такая характеристика, вероятно, звучала нелестно для нобелевского лауреата по литературе Солженицына.

Дополненная редакция этой статьи была использована в качестве предисловия к книжному изданию 1980 г. Причем дополнения все были в пользу Гроссмана:

Но почему «Архипелаг ГУЛаг» страшен властям и, прежде всего, КГБ, понятно: «художественное исследование» Солженицына ломится от фактов, от реальных судеб, от имен жертв и имен палачей. Книга же В. Гроссмана – плод вымысла, роман [...] Опасность разоблачительных и обвиняющих документов несомненна. Но разве может быть опасна беллетристика? Бывало, что публикация документальных материалов влекла падение политических деятелей, правительств, и даже режимов; вспомним хотя бы Уотергейт и судьбу Ричарда Никсона или, почти за столетие до того, дело Дрейфуса в истории Третьей республики и памфлет Э. Золя «Я обвиняю». Не бывало никогда, чтобы художественное сочинение погубило политический строй или партию; даже документальная поэма Данте не одолела гибеллинов или черных гвельфов. Тот же Золя, потрясший Францию памфлетом в «Орор», не опрокинул папство романами «Рим» и «Париж»; его судили за «Я обвиняю», а не за «Ругон-Маккаров» или «Три города».

Арест романа – наивысшая оценка, какую может заслужить художественное произведение от государственной власти.

Вымысел приравнен к реальности. Размышления писателя – к выдаче государственной тайны. Власть испытывает страх перед выдуманными персонажами и писательскими мыслями, даже если они не превратились в многотиражные книжные листы, даже если они покоятся в книжном столе автора¹².

Эткинд не просто возвысил Гроссмана-писателя над Солженицыным-документалистом. Имя Гроссмана оказывается в одном ряду с именами классиков мирового значения.

Однако литературной сенсации не произошло. Единственной публикацией того года о Гроссмани стали мемуары эмигрировавшего в 1978 г. из СССР бывшего ответственного секретаря «Нового мира» Б.Г. Закса. Назывались они «Немного о Гроссмани». О поэтике «Жизни и судьбы» там не было сказано ни слова, зато содержались интересные сведения о сложных, но всегда доверительных отношениях между Гроссманом и А.Т. Твардовским¹³.

Закс вспоминал, что в тот момент, когда «Жизнь и судьбу» рассматривали в редакции журнала «Знамя», два прозаика были в ссоре. Но как-то раз они столкнулись на лестнице в СП СССР – и поздоровались друг с другом. Гроссман, за бутылкой коньяка, рассказал Твардовскому, что «Жизнь и судьба» застряла в «Знамени» – Твардовский попросил, чтобы Гроссман дал прочитать ему роман. Дочитав рукопись, опытный редактор сразу понял, что Гроссман в опасности, и страшно мучился от бессилия помочь. Около года Гроссман ждал вердикта «Знамени» – и наконец этот день настал. 14 февраля 1961 г. рукописи «Жизни и судьбы» были конфискованы КГБ. Тот экземпляр, что хранился в сейфе «Нового мира», передать в руки сотрудника с Лубянки пришлось именно Заксу. Он видел своими глазами, как некий полковник Бардин убрал рукописи романа в портфель.

После этой трагедии Твардовский в гостях у Закса и уже за бутылкой водки умолял Гроссмана, чтобы тот пошел на уступки перед ЦК, обещал помочь ему – лишь бы спасти роман. Но Гроссман наотрез отказался.

Мемуары Закса возбуждают не просто исследовательский, а следовательский интерес. Слишком уж много здесь очевидных противоречий. Во-первых, из дневника Твардовского следует, что Гроссман сначала отнес роман ему – и только потом В.М. Кожевникову, возглавлявшему журнал «Знамя», а затем уже снова Твардовскому на консультацию¹⁴. Во-вторых, Гроссман никак не мог ждать ответа почти год – прошло около двух месяцев. В-третьих, странно выглядет процедура ареста рукописей в самом «Новом мире». Машинопись «Жизни и судьбы» занимает около 1000 страниц – вряд ли

ее можно было без труда уместить в портфель. Однако подобные неточности часто встречаются в мемуарах. Нередко возникают они неслучайно: их цель – создать образ персоналии – и ореол вокруг этого образа. Лично же знавший мученика тоже несколько возвышается в глазах читателя. Воспоминания Закса, видимо, не исключение. Он явно стремился изобразить не двух опытных советских писателей, а отвергнутого правдоискателя Гроссмана и борца за справедливость Твардовского. Поэтому так важно еще одно замечание, вынесенное в отдельный абзац:

Бесполезно гадать, как поступил бы Твардовский, будь он в тот день в редакции. Хочу лишь напомнить об одной детали, которая мне кажется существенной, но вряд ли кому-нибудь знакома: поскольку роман официально не поступал в редакцию, а был дан Твардовскому из рук в руки для дружеского прочтения, его никто нигде не регистрировал; ни в одной книге, ведомости, ни на одной карточке роман не значился находящимся в «Новом мире»¹⁵.

Исследователи Гроссмана не обращали внимания на этот фрагмент, хотя он многое объясняет. К моменту публикации материала на Западе многие уже знали, что роман был арестован. Знали также и о том, что он находился не только в «Знамени», но и в «Новом мире». Более того, еще в 1975 г. Солженицын заявил в мемуарах «Бодался теленок с дубом», что решил забрать из редакции «Нового мира» роман «В круге первом» именно потому, что помнил о прецеденте с «Жизнью и судьбой»: «Я вижу лучше! я вижу дальше! я решил! Я помню, как роман Гроссмана забрали именно, из новомирского сейфа»¹⁶. Солженицын – культовая фигура русского зарубежья, поэтому его версию, вероятно, знали почти все. Следовательно, кто-то мог бы предположить, что к аресту романа причастна не только редколлегия «Знамени», но и редколлегия «Нового мира». Могло возникнуть предположение, что кто-то в «Новом мире» принял меры раньше, чем «Знамя» вынесло резолюцию. Воспоминания Закса, очевидно, должны были пресечь кривотолки и обеспечить «свежеэмигрировавшему» литератору репутацию диссидента.

В 1981 г. о Гроссмани снова вспомнил Эткинд. Журнал «Синтаксис» поместил его статью «Советские табу». Задачей материала было классифицировать запреты в советской литературе. Таковых Эткинд насчитал восемь. Среди них – табу на «иррациональное», табу на религию, на отклонение от нравственной нормы, на отклонения от социально-языковой нормы, на использование диалектных выражений, на так называемое

«кощунственное отношение» к именам вождей, памятникам и т. п., табу на описание физиологических отравлений – и самое главное табу – на описание социальных конфликтов. В последней категории Эткинд выделяет несколько элементов: табу на описание конфликтов между государством и личностью, господствующим народом и угнетенными народностями, чиновничеством и творческой интеллигенцией¹⁷.

И если первые семь табу так или иначе нарушались советскими писателями, имена которых предавались забвению («умолчание» о книге и авторе, согласно Эткинду, одна из наиболее частых защитных реакций советской историографии), то последнее, восьмое табу, так никто и не снял. Если бы кто-то и справился с этой задачей, то, конечно, Гроссман, которого уже нет на свете, или Солженицын, которого нет в литературе:

Вот роман, который помог бы нам понять самих себя, а значит помог бы нам жить. Но нет его – да и когда он родится? В.С. Гроссмана, который был бы способен на такой подвиг, погубили – он умер от рака в 1964 году. А.И. Солженицын ушел в историю и занят обличением сатанинского российского либерализма, породившего безбожную революцию¹⁸.

Это замечание, впрочем, было смягчено в конце публикации. Эткинд писал, что сами советские табу «ждут художника великой смелости, который опрокинет все табу сразу и создаст панораму советского общества последних десятилетий с такой же убедительной беспощадностью, с какой В. Гроссман представил в романе “Жизнь и судьба” советское общество военной поры, а Солженицын изобразил Архипелаг ГУЛаг».

Таким образом, Гроссман и Солженицын были примирены. И хотя последнему будто снова отказывали в праве называться писателем, можно было надеяться на его возвращение.

На этом все. Воцарилось молчание. Высоко оцененный единственным своим критиком, Эткиндом, роман Гроссмана «утонул». Сложилась история, чем-то напоминающая историю рецепции романа «Двенадцать стульев», одна из первых рецензий на который была озаглавлена – «Книга, о которой не пишут»¹⁹.

* * *

Однако в 1985 г. произошло самое настоящее критико-библиографическое чудо. О Гроссмане вдруг вспомнили – и причины молчания сразу объяснились.

Во втором номере израильского общественно-политического журнала «Народ и земля» была опубликована статья Ш.П. Маркиша «Пример Василия Гроссмана», анонсировавшая издание комментированного двухтомника произведений Гроссмана²⁰.

Маркиш, как и многие до него, задался вопросом, что подвигло Гроссмана на неравный бой с политическим режимом СССР и как получилось, что успешный и довольно популярный советский писатель переродился в диссидента и «стал первым доподлинно инакомыслящим в советской литературе, создав в романе “Жизнь и судьба” [...] историософскую и художественную концепцию, полностью противостоящую официальной идеологии со всеми ее догмами и мифологемами».

Предложенное объяснение вполне соответствовало редакционной политике и территориальной принадлежности журнала: «Я думаю, нельзя сомневаться, что этот роман не был бы написан, не перенеси Гроссман ударов судьбы, которые выпали ему именно как еврею. Собственное горе, несправедливости, жертвою которых стал он сам, открыли ему глаза на чужое горе, на боль и муки жертв иных несправедливостей – и он написал обо всем, что увидели его глаза, освободившись от шор, и в истоке нового, универсального видения лежит его еврейская судьба»²¹. Маркиш даже вводит понятие «писатель еврейской судьбы», т. е. писатель, чей дар формируется в эпоху преследования и расовой ненависти и вынуждает его говорить правду.

Рецензент анализирует историософскую концепцию «Жизни и судьбы» и повести «Все течет...». Обе книги резко противопоставлены произведениям Солженицына, в первую очередь – «Архипелагу ГУЛАГ»:

«Все течет...» предвосхищает «Архипелаг ГУЛАг». Часть лагерных глав вполне соответствует тому жанровому определению, которое дал своему труду Солженицын – опыт художественного исследования. Исследуются эволюция ГУЛага, разряды его обитателей, их типическое поведение в тюремной камере и в зоне, «душа и колючая проволока» (так назвал Солженицын четвертую часть «Архипелага») <...> Но Солженицын полон гнева и убийственного сарказма, он неукротимый боец, он памфлетист. Гроссман, и особенно в позднюю пору жизни, и вдвое – после катастрофы с «Жизнью и судьбой», смотрит и говорит горько, устало, в нем больше снисходительности, отчасти презрительной.

Далее следует сравнение главы «Тихая Машенька» из гроссмановской повести с 8-й главой «Архипелага ГУЛАГ» – «Женщина в лагере»:

Эта новелла о жизни, угасающей по мере угасания надежды, написана в духе и ключе тихого причитания, придушенного воя плакальщицы. Так не написал (не захотел? не смог?) не только Солженицын, но и Шаламов и Евгения Гинзбург. Особый голос Гроссмана незаменим и необходим в многоголосье лагерного реквиема, и десяток страничек новеллы о тихой Машеньке стоят среди шедевров лагерной темы, рядом с тремя томами «Архипелага».

Наконец, Маркиш переходит к самому болезненному вопросу – к историко-политической проблематике повести, к горькому выводу Гроссмана, что история России – это история тысячелетней рабщины и «пора русской свободной человеческой души», быть может, никогда и не настанет. И его комментарий к этому утверждению заслуживает особого внимания:

Во-первых, здесь нет и следа ненависти к России, здесь бесконечная жалость, рожденная любовью. Ни прежние, довоенные апологеты русской души и русской истории из числа эмигрантов (примером может служить профессор Иван Ильин), ни новейшие, вроде Солженицына, не вправе были бы укорять Гроссмана в русофобстве.

Само по себе предположение, что Гроссмана могли обвинить в русофобстве, достаточно тривиально: для этого достаточно просто прочесть повесть. Как бы деликатно ее ни интерпретировали, с какой бы оправдательной интонацией о ней ни писали, чтобы нейтрализовать ее эффект, толкование этого сочинения как русофобского – кратчайший и кажущийся наиболее простым путь. Слова же Маркиша ценны, поскольку они не просто служат оправданием Гроссмана перед читателем – они документируют, что Гроссмана действительно обвиняли в русофобии. И главным обвинителем был не кто иной, как Солженицын.

Следующее замечание не менее ценно:

Во-вторых, по сравнению с «Жизнью и судьбой» историософская позиция не изменилась. Иной, более скептической, чтобы не сказать пессимистической, стала только оценка исторической перспективы, взгляд в будущее, и изменение это вполне объяснимо личными испытаниями последних лет жизни Гроссмана.

Перед нами снова комментарий не столько к тексту, сколько к его интерпретации. Маркиш таким образом отвечает подразумеваемому оппоненту, что становится ясно: были те, кто считал, что историософские воззрения Гроссмана, выраженные в романе

«Жизнь и судьба», как-то изменились за время работы над «Все течет...». Это снижало идейное качество романа, поскольку приходилось признать, что в нем не была высказана последняя правда автора. Гроссман либо впоследствии изменил точку зрения, либо писал под надзором внутреннего цензора, т. е. лукавил. Вероятно, поэтому Маркиш, не описав предшествующих полемических ходов, убеждает читателя в том, что «и в романе, наивно предназначенном для печати, и в повести, писавшейся тайно, для себя, может быть, – для потомства, Гроссман один и тот же, в нем нет “двурушнического” раздвоения, которое так часто метит советскую инакомыслящую интеллигенцию».

Иначе говоря, целью Маркиша было явно не обсудить сильные и слабые стороны гроссмановских сочинений, а убедить читателя, что Гроссман не лицемер. Критик, по сути, был вынужден стать адвокатом – проблема, вероятно, была серьезной. Оправдание же Гроссмана было невозможным без устранения идеологического разрыва между «Жизнью и судьбой» и «Все течет...». Для этого причины возросшего литературного пессимизма Маркиш списал на личные проблемы Гроссмана. Аргумент этот, однако, не был новым: он был использован еще в 1971 г. эмигрантским критиком А.П. Столыпиным, пытавшимся в статье «Ошибочная историческая концепция Василия Гроссмана» обезвредить неведомо как оказавшуюся за границей повесть «Все течет...»²².

Впрочем, еще большим критико-библиографическим событием стал очерк Г.Ц. Свирского «Восемь минут свободы», опубликованный в том же 1985 г. журналом «Грани». Эта публикация уникальна своей простотой и прямоотой: об истории хождения романа «Жизнь и судьба» в русском зарубежье здесь рассказано без намеков. Открывается статья сохранявшей свежесть «антитезой» Гроссман–Солженицын:

Роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» был арестован Госбезопасностью СССР почти в тот самый год, когда в журнале «Новый мир» была напечатана повесть Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

Тюремную правду разрешили. Ну, а в с ю тюремную правду, по обе стороны решетки, затолкали в темницу. Почти на двадцать лет.

Ныне Василий Гроссман стал на Западе сенсацией, как ранее – Солженицын. Имена Гроссмана и Солженицына звучат рядом, особенно часто в европейской прессе, принявшей последнюю книгу Гроссмана как крупнейшее событие литературной, и не только литературной, жизни.

Более полугода, к примеру, французский перевод романа находился в списке бестселлеров. Насколько значительным было его влияние на читателя, свидетельствует и такое, несколько неожиданное, заключение одного из известных критиков: «Думая о России, мы говорили: Солженицын! Сейчас мы говорим: Солженицын и Гроссман! Пройдет время, и мы будем говорить: Гроссман и Солженицын...»²³.

Далее – самокритика, граничащая с самобичеванием:

Писателей не только сравнивают, но, как видим, и противопоставляют.

Наверное, это не заслуживало бы внимания (история в наших подсказках не нуждается), если бы не одно обстоятельство, по крайней мере, странное: книгу-арестанта, погибшую, казалось, навсегда – были изъяты, как известно, не только все экземпляры рукописи и черновики, но даже копия, – такую книгу русская эмигрантская пресса постаралась не заметить. «Континент» В. Максимова, напечатав в свое время несколько глав из романа, когда книга, наконец, предстала перед читателем во всей полноте... дал блеклую отписку. Остальные вообще зажмурились, пугаясь противопоставления Солженицына – эмигрантского солнца тех лет, «какому-то» Гроссману. Младенческая «игра в жмурки» длилась целых пять лет, с 1980-го до конца 1984-го, пока внимание русского читателя к книге Василия Гроссмана не привлек и н о я з ы ч н ы й мир, назвавший роман «Жизнь и судьба» романо м века.

Таким образом, европейская аудитория оказалась более прозорливой и независимой в суждении, нежели русское зарубежье. Это, видимо, особенно ранило Свирского, поскольку свидетельствовало о духовной и интеллектуальной несвободе даже тех русскоязычных, которые покинули тоталитарный СССР:

Что позволили себе замалчивать, и замалчивать бдительно, поводыри русской эмиграции, называющие себя борцами за свободу России?

Главный герой романа «Жизнь и судьба» – с в о б о д а. Свобода, которой в родной стране нет. Никакая цензура не могла бы купировать, «сократить» этого героя, ибо он жив в каждом, без преувеличения, образе, он пульсирует страхом и болью о потерянной свободе, памятным глотком свободы, жаждой воли вольной.

Безусловно, слова Свирского не имеют статуса истины. Однако хроника литературной жизни Русского Зарубежья позволяет пред-

полагать, что утверждения его отнюдь небеспочвенны. На французский язык роман был переведен еще в 1980 г., еще через четыре года – на немецкий и итальянский²⁴. В 1984 г. во Франкфурте проходила книжная ярмарка, на которой был представлен немецкий перевод романа. Там же впервые В.Н. Войновичем была поведена история спасения и переправки рукописей за границу²⁵.

* * *

Полемика между сторонниками Солженицына и признавшими Гроссмана на этом не закончилась²⁶. А уже после распада СССР этому заочному спору придал новый статус и новое звучание сам Солженицын. Законодатель новой российской прозы регулярно выступал в «Новом мире» в качестве критика. Уделил он внимание и автору «Жизни и судьбы»: тот был удостоен оценки чуть выше среднего²⁷. Однако это тема другого исследования.

Подводя же итог этой статьи, можно сказать, что молчание критики о «Жизни и судьбе» было знаковым и обусловлено оно было политическими причинами. Роман Гроссмана оказался в настоящей информационной блокаде, поскольку к моменту публикации как глав романа, так и его полного текста, репутация Гроссмана уже стала крайне противоречивой. Выпавшему из советской парадигмы прозаику не нашлось места в парадигме эмигрантской. И причиной тому стала повесть «Все течет...». Она создавала Гроссману репутацию русофоба и глубокого скептика, не верившего в способность русского народа к историческому развитию. Это, в свою очередь, подразумевало, что любые попытки литературного противостояния русского зарубежья и Советского государства бессмысленны. Абсурдной в поэтике Гроссмана становилась и сама идея борьбы за освобождение России от большевизма, поскольку большевизм осмыслялся писателем не как временное отклонение от исторического пути, а как естественное следствие и выражение рабского менталитета российского общества. По сути, Гроссман вольно или невольно выразил ту же мысль, что и сменовеховцы еще в 1921 г., только патетика и эмоциональность были контрастными.

Пафос же солженицынских сочинений соответствовал идеологии диссидентского сообщества, полагавшего, что борьба с большевизмом – одна из важнейших задач человечества. Без идеи такой борьбы существование русскоязычных диаспор лишалось цели. Допущение, что русское общество обречено на раскол, причем лучшая и меньшая его часть вынуждена будет жить на чужой земле, по чужим законам и сохранять свою культуру исключительно для своих детей, которые, возможно, уже не будут в ней нуждаться, было слишком болезненным. Таким образом, Гроссман просто

оказался персоной нон-грата и, вероятно, оставался бы в этом статусе очень долго, если бы не высокая оценка европейской аудитории, превознесшей общечеловеческие, а не политические идеи «Жизни и судьбы». Перефразируя слова известного литературного героя, можно сказать, что зарубежье помогло Гроссману, правда не русское, а европейское.

 Примечания

- ¹ *Таратута Е.А.* Честная жизнь и тяжкая судьба: Воспоминания о В. Гроссмане // *Огонек*. 1987. № 40. С. 22–23; *Ямпольский Б.С.* Последняя встреча с Василием Гроссманом // *Континент*. 1976. № 8. С. 135–138.
- ² *Гроссман В.С.* Жизнь. М.: Детгиздат, 1972.
- ³ *Гроссман В.* За правое дело. Главы из второй книги романа // *Континент*. 1975. № 4. С. 179–216; № 5. С. 7–39; *Он же.* Жизнь и судьба // Там же. 1976. № 6. С. 151–171; № 7. С. 95–112; № 8. С. 111–133; *Гроссман В.С.* Тихая Машенька: Главы из книги «Все течет...» // *Посев*. 1970. № 11. С. 51–56; *Гроссман В.С.* За правое дело: Отрывок из второго тома романа // *Грани*. 1975. № 97. С. 3–32.
- ⁴ *Гроссман В.С.* Жизнь и судьба. Lausanne: L'aged'homme, 1980.
- ⁵ *Бочаров А.Г.* Василий Гроссман: Критико-библиографический очерк. М.: Советский писатель, 1970.; *Галанов Б.Е.* Частное и общее // *Вопросы литературы*. 1971. № 8. С. 194–197; *Некрасов В.П.* В жизни и письмах. М., 1971. С. 149–155; *Левин Ю.А.* Строки о друзьях // *Урал*. 1973. № 5. С. 129–141; *Ортенберг Д.И.* В те памятные годы... // *Литературная газета*. 1973. 21 февр.; *Канторович В.Я.* Поэзия и философия одного очерка // *Канторович В.Я.* Заметки писателя о современном очерке. М.: Советский писатель, 1973. С. 114–121.
- ⁶ *Гроссман В.С.* Добро вам // *Литературная Армения*. 1965. № 6. С. 32–53; № 7. С. 27–51.
- ⁷ *Липкин С.И.* Жизнь и судьба Василия Гроссмана // *Липкин С.И.* Жизнь и судьба Василия Гроссмана. Берзер А.С. Прощание. М.: Книга, 1990. С. 119–120; *Сарнов Б.М.* Как это было: К истории публикации романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» // *Вопросы литературы*. 2012. № 6. С. 9–47.
- ⁸ *Ямпольский Б.С.* Указ. соч. С. 133–155.
- ⁹ *Сарнов Б.М.* Указ. соч. С. 11–12.
- ¹⁰ *Штурман Д.* Стукачи и гонг справедливости // *Время и мы*. 1979. № 42. С. 133–149.
- ¹¹ Здесь и далее цит. по: *Эткинд Е.Г.* Двадцать лет спустя // *Время и мы*. 1979. № 45. С. 7–8.
- ¹² *Эткинд Е.Г.* Двадцать лет спустя // *Гроссман В.С.* Жизнь и судьба... С. VI–VIII.
- ¹³ См.: *Закс Б.Г.* Немного о Гроссмане // *Континент*. 1980. № 26. С. 352–364.
- ¹⁴ См. подробнее: *Бит-Юнан Ю.Г.* История ареста романа В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба» в освещении периодики и публицистики русского зарубежья // *Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Журналистика. Литературная критика»*. 2013. № 12. С. 79–86.
- ¹⁵ *Закс Б.Г.* Указ. соч. С. 359.

- ¹⁶ *Солженицын А.И.* Бодался теленок с дубом. Paris: YMCA-press, 1975. С. 114.
- ¹⁷ См.: *Эткинд Е.Г.* Советские табу // Синтаксис. 1981. № 9. С. 3–20.
- ¹⁸ Здесь и далее цит. по: *Эткинд Е.Г.* Указ. соч. С. 19–20.
- ¹⁹ См. подробнее: *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Миры И.А. Ильфа и Е.П. Петрова: Очерки вербализованной повседневности. М.: РГГУ, 2015. С. 64–88.
- ²⁰ *Гроссман В.С.* На еврейские темы: Избранное: В 2 т. / Сост. и коммент. Ш.П. Маркиш. Jerusalem: Библиотека Алия, 1985.
- ²¹ Здесь и далее цит. по: *Маркиш Ш.П.* Пример Василия Гроссмана // Народ и земля. 1984. № 2. С. 173–179.
- ²² *Столыпин А.П.* Ошибочная историческая концепция В. Гроссмана // Грани. 1971. № 80. С. 216–223.
- ²³ Здесь и далее цит. по: *Свирский Г.Ц.* Восемь минут свободы // Там же. 1985. № 136. С. 295–305.
- ²⁴ *Grossman V.* Vie et Destin. Lausanne: L'aged'homme, 1980; *Grossman W.* Leben und Schicksal. München: Albrecht Knaus, 1984; *Grossman V.* Vitaedestino. Milano: Jaca Book, 1984.
- ²⁵ *Войнович В.Н.* Жизнь и судьба Василия Гроссмана и его романа // Посев. 1984. № 11. С. 53–55.
- ²⁶ См.: *Альтшуллер М.Г., Дрыжакова Е.Н.* Путь отречения. N.Y.: Эрмитаж, 1985. С. 301–316; *Косинский И.А.* Трава пробивает асфальт // Континент. 1986. № 48. С. 372–383.
- ²⁷ См.: *Солженицын А.И.* Приемы эпопеи: Из литературной коллекции // Новый мир. 1999. № 1. С. 172–190; *Он же.* Диалогия Василия Гроссмана: Из литературной коллекции // Там же. 2003. № 8. С. 154–169.

Д.Р. Муртазина

ФИЛЬМ «ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ» ГЛАЗАМИ СОВЕТСКИХ КРИТИКОВ

В статье с опорой на материалы советской периодики анализируются, как статьи об искусстве помогали решать задачи пропаганды во время холодной войны с США на примере рецензий на голливудский фильм «Звездные войны». Автор выявляет, какие приемы и языковые средства используют в публикациях о фильме советские критики для формирования у читателей образа врага.

Ключевые слова: пропаганда, холодная война, кинокритика, «Звездные войны», «Известия», «Литературная газета», «Искусство кино».

Среди разнообразных форм ведения войны (как в прямом, так и в переносном смысле слова «война») не последнее место занимает пропаганда – целенаправленное распространение информации для воздействия на общественное сознание. В свою очередь, в пропагандистской деятельности важную роль играет устное и письменное слово. Отсюда – возможное понимание политики как совокупности речевых практик, оказывающих влияние на формирование представлений об объекте, который они представляют¹.

В данной статье анализируется одна из таких речевых практик – советская газетно-журнальная кинокритика, решавшая в первую очередь не эстетические, а пропагандистские задачи.

«Холодная война» между СССР и США, как и любое политическое противостояние, актуализировала в официальном дискурсе оппозицию «свой-чужой»². Это отчетливо прослеживается в текстах, относящихся к области искусства. Уже с 1940-х гг. увлечение западной культурой приравнивалось к предательству, что выразилось в известной фразе «Сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст», которая приписывается С.В. Михалкову.

Одной из арен идеологического противостояния на всем протяжении холодной войны был кинематограф. Еще в 1922 г. в беседе с А.В. Луначарским В.И. Ленин призвал обратить на кино особое внимание: «Вы должны твердо помнить, что из всех искусств для нас важнейшим является кино»³.

Особую остроту противоборство в этой сфере обрело в 1970-х гг., когда в США было снято несколько знаковых голливудских фильмов, которые вошли в историю кино и принесли большую прибыль. Один из них – «Звездные войны» (позже стал называться «Звездные войны. Эпизод IV: Новая надежда») режиссера Дж. Лукаса.

Фильм вышел в прокат в США 25 мая 1977 г. (в СССР официально – только в 1990 г.). Среди советских периодических изданий первой откликнулась на американскую премьеру «Литературная газета», опубликовавшая в рамках рубрики «Массовая культура-77» статью «Космические киноужасы»⁴. Помимо рубрики, статья относилась к разделу «Их сенсации», в который включали зарубежные новости. Местоимение «их» – элемент концепта «они», ключевого для оппозиции «свой-чужой» в политическом дискурсе. Слово выполняет отчуждающую функцию.

Автор публикации Ю. Варшавская сообщает, что «американские кинотеатры захлестнула новая волна “кинопсихоза”». Предложение содержит в себе коммуникативную импликацию: это не первый психоз по поводу кино в США, были и другие. Советский читатель тех лет, конечно, понимал, о каких фильмах идет речь: имелись в виду «Кинг-Конг», «Челюсти» и некоторые другие.

Примерно половина рецензии посвящена не самой картине «Звездные войны», а ажиотажу вокруг нее. Используется много цифровых показателей: «60 миллионов прибыли за первый месяц демонстрации», «билет с рук за баснословную цену – 50 долларов». Автор отмечает, что помимо съемок фильма было предпринято «еще несколько аналогичных коммерческих операций» (речь идет о выпуске книг, комиксов и игрушек), то есть выход фильма приравнивается к «коммерческой операции».

При этом создается впечатление, что Ю. Варшавская фильма не видела: она ссылается на «сообщения печати», в том числе французского еженедельника «Экспресс» (по его утверждению, «сюжет довольно примитивен»). Некомпетентность критика следует и из не вполне точных характеристик, которые даны персонажам фильма: «круглолицая принцесса» (принцесса Лея), «деревенский юноша» (Люк Скайуокер жил в небольшом домике на пустынной планете Татуин), «старый рыцарь Круглого стола» (Оби Ван Кеноби действительно рыцарь, но джедай). Примечательно, что автор навешивает социальные ярлыки, за которыми зритель наших дней с трудом узнает знакомых героев.

В тексте активно используются кавычки, которые придают заключенным в них словам иронический смысл⁵: «холодящий душу “шедевр”», «главная “находка” фильма – игрушечная лазерная

рапира», «подобные образчики “искусства”», «так выглядит один из “героев”» (подпись к кадру из фильма с изображением галактического воина-штурмовика). Заключенные в кавычки слова приобретают противоположное значение.

Из манипулятивных приемов используется оценочная лексика, с помощью которой автор влияет на отношение читателя к американскому кинематографу, отражающему состояние общества: «кинопсихоз», «баснословная цена», «ужасы поистине космического масштаба», «чудовищные тираны», «кошмарные чудовища» (плеоназм), «холодящий душу».

В заключение рецензент вновь напоминает о финансовой стороне киноискусства США и подчеркивает непримечательность фильма, говоря о продолжении картины, что и эта часть «будет столь же посредственна, сколь и прибыльна». А для чего западному зрителю такие картины? «Чтобы потом, выйдя из зала, почувствовать, что за его пределами все-таки спокойнее» – в этих словах используется импликатура – подразумевается, что людям в Америке живется не очень хорошо.

Заметно отличается от материала в «Литературной газете» посвященный «Звездным войнам» фрагмент статьи М.С. Шатерниковой «Реальность и мифы американского экрана» в журнале «Искусство кино»⁶. В первой части отрывка Голливуд обвиняется во вторичности, комиксы – в навязывании публике «борьбы за успех» (она контекстуально противопоставлена положительно оцениваемой «борьбе за справедливость») и «культу силы» (он контекстуально противопоставлен положительным «нравственным принципам»). Но даже несмотря на такую осуждающую направленность, автор публикации использует преимущественно нейтральный стиль.

Пересказывая сюжет фильма, М.С. Шатерникова допускает серьезную ошибку: главного злодея Дарта Вейдера она называет Мофф Таркином (этот персонаж командует кораблем «Звезда Смерти» и постоянно находится рядом с Дартом Вейдером, но не является особенно важной фигурой). Это в очередной раз подтверждает то предположение, что многие советские критики не видели фильма и писали о нем только по материалам западной прессы.

Интересно, как автор материала переходит к теме политики. Во-первых, Шатерникова обращается к авторитету исследователя кинофантастики Ю.М. Ханюгина⁷, написавшего, что комиксы (а новый фильм является частью этой культуры) воспитывают «жизненную позицию, от которой до фашизма один шаг». Во-вторых, опираясь на слова А. Любоу (журнал «Филм коммент») «эта

Сила – вариация бергсоновского *elan vital* и “коллективного бессознательного” Юнга», Шатерникова делает вывод, что у фильма «философские источники те же, откуда было немало почерпнуто нацистской идеологией». Очевидно, что фашизм и нацизм – идеологемы, несущие в данном контексте негативную оценку⁸. Разумеется, фильмы, содержащие хотя бы намек на следование такой идеологии, маркируются как вражеские.

Интересно используются идеологемы и в описании Люка (в переводе Шатерниковой – Небохода, а не Скайуокера): «Защитник демократии и борец с тиранией». Здесь применен традиционный для советской пропаганды прием интерпретации любой позитивной деятельности как революционной.

Газета «Известия» отреагировала на премьеру фильмов «Звездные войны» и «Супермен» статьей «И вновь супермен»⁹ в рубрике «По чужим страницам», что в очередной раз обращало читателя к оппозиции «свой-чужой» и маркировало чуждость голливудского кинематографа. В основе материала лежит стратегия дискредитации, создание образа «МЫ-группы» через очернение противника – достаточно традиционный прием политической борьбы¹⁰. Дискредитация включает в себя следующие коммуникативные ходы: прямое оскорбление («эффектные съемки космических битв, дуэли на лазерах и сногшибательные костюмы персонажей лишь подчеркивают бедность авторской мысли», «по сути дела пустышек, несмотря на все технические эффекты»); развенчание притязаний («“фабрика грез” подсчитывает убытки. Причина – выпуск фильмов, лишенных оригинальности и весьма далеких от острых проблем реальной действительности», «поговаривают о новом кризисе Голливуда»).

Как и в «Литературной газете», в «Известиях» упор делается на материальную сторону вопроса: анализируемые фильмы «стали событиями в американской кинематографии благодаря десяткам миллионов долларов», что делает их «привлекательными и принесет немалые прибыли». Автор рисует мир капитализма, где самое важное – деньги, что неприемлемо для советской идеологии. Кроме того, подчеркивание коммерческой, а не художественной природы голливудских кинопроизведений способствует дискредитации идейного противника через снижение его социального статуса.

Интересно, что рецензент «Известий» ссылается на слова режиссера об «эскапизме», то есть уходе от реальных проблем жизни благодаря фильму: «Пускай зрители хоть на два часа отвлекутся от невеселых раздумий о безработице, росте цен, преступности, политических потрясениях». Как и Ю. Варшавская, автор указывает таким образом на тяготы жизни в условиях капитализма.

«Звездные войны» оказались очень удобным фильмом для решения пропагандистских задач в годы холодной войны. Им были свойственны многие признаки «чужой» реальности: крупные денежные обороты, причастность к неглубокой «массовой культуре» комиксов и – как следствие – вторичность, неоригинальность, а также необычно выглядевшие персонажи, одержимые странными, с точки зрения советского человека, идеями. Работавшие в СССР критики, основывая свои впечатления и оценки преимущественно на публикациях западной прессы, интерпретировали фильм и ажиотаж вокруг него как отражение кризисного состояния общества в США и на Западе в целом. Фантастические «Звездные войны» стали частью вполне реальной идеологической войны.

Примечания

- ¹ См.: Романов А.А., Романова Е.Г., Воеводкин Н.Ю. Имя собственное в политике: Язык власти и власть языка. М.: Лилия ЛТД, 2000.
- ² Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
- ³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 44. С. 579.
- ⁴ Варшавская Ю. Космические киноужасы // Литературная газета. 1977. № 36. С. 15.
- ⁵ Зализняк А.А. Семантика кавычек // Русский филологический портал. [Электронный ресурс] URL: http://www.philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-07.htm (дата обращения: 23.03.2016).
- ⁶ Шатерникова М.С. Реальность и мифы американского экрана // Искусство кино. 1978. № 7. С. 129–131.
- ⁷ Ханютин Ю.М. Реальность фантастического мира: Проблемы западной кинофантастики. М.: Искусство, 1977.
- ⁸ Мальшева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4.
- ⁹ Гоманов Ю. И вновь супермен // Известия. 1977. № 196. С. 4.
- ¹⁰ Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2008. С. 160.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ДЕЛОВОЙ ПРЕССЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США

Статья описывает историю развития деловых изданий в Великобритании и США до начала XX в. Рассматриваются факторы, которые стимулировали развитие бизнес-прессы и этапы, которые она прошла на пути к современности. На примере нескольких крупных изданий сравнивается подход деловых журналов к освещению вопросов экономики.

Ключевые слова: деловая пресса, бизнес-журналистика, история медиа, англоязычные СМИ.

Исторически наиболее знаковыми аренами функционирования бизнес-журналистики стали Великобритания и, несколько позднее, Соединенные Штаты Америки, поэтому процесс становления этого типа периодики целесообразно проследить на их примере.

Движущей силой для возникновения деловых коммуникаций является торговля, и некоторые исследователи, например, американский ученый Д. Форсит, начинают историю деловой журналистики со времен Древнего Вавилона и Египта¹. Однако деловые издания, от которых можно было бы вести историю современных бизнес-медиа, возникли существенно позже. В целом можно представить следующие этапы их развития: 1) первая половина XVI в. – середина XVIII в.; 2) вторая половина XVIII в. – начало XX в.; 3) XX в.; 4) современный этап (с начала XXI в.)

Первый и последний этапы не являются предметом рассмотрения данной статьи, цель которой изложить и проанализировать исторический аспект развития бизнес-медиа.

Вторая половина XVIII в. – начало XX в.

На протяжении XVI – первой половины XVIII в. складывалась начальная форма обмена специализированной информацией, необходимой бизнесу. Со второй половины XVIII в. уже можно говорить о зарождении целой системы деловых изданий.

Важным примером бурного развития деловой журналистики стала «денежная», как ее тогда называли, колонка в лондонской «Таймс» (“The Times”). Постепенно появляются также по-настоящему специализированные издания в области экономики, а также регулярные приложения к уже существующим газетам общей тематики.

В 1843 г. возникает британский журнал «Экономист» (“Economist”), который и сегодня остается одним из самых влиятельных деловых изданий мира. Изначально он создавался с вполне конкретной целью – лоббировать отмену тарифов на импорт зерна. «Экономист» стал одним из первых примеров использования СМИ в качестве инструмента борьбы за интересы предпринимателей. На протяжении всей своей истории журнал позиционируется как либеральное издание, отстаивающее принципы свободной торговли.

Благодаря развитию коммуникаций и налаживанию международных связей, ко второй половине XIX в. деловая журналистика становится все более интернациональной. Как отмечает исследователь деловой прессы Великобритании И.С. Смирнова, «надежная и исчерпывающая информация по интересующим деловой мир вопросам – вот в чем нуждался потенциальный инвестор конца XIX в. Подобную информацию можно было ожидать только от ежедневного финансово-экономического издания, нового явления на европейском рынке». Таким изданием стала «Файнэншэл ньюс» (“Financial News”), прародительница современной «Файнэншэл таймс» (“Financial Times”). Ее основатель Гарри Маркс (Harry Marks, 1855–1916) оказал огромное влияние на формирование ежедневной деловой прессы, так как «был основателем не только газеты, но новой школы в журналистике»². Первый номер газеты, которая в то время еще носила название «Файнэншэл энд майнинг ньюс» (“Financial and Mining News”), вышел 23 января 1884 г. Меньше чем через год название было урезано до «Файнэншэл ньюс» (“Financial News”), а сама газета, помимо Лондона, уже распространялась более чем в 10 районах Великобритании.

Таким образом, к началу XX в. в Великобритании уже существовали два основных издания, ставшие «лицом» современной английской деловой прессы – еженедельник «Экономист» и газета «Файнэншэл таймс».

В XIX в. происходило становление и бурное развитие деловой печати и в Соединенных Штатах Америки. Путь развития деловой прессы здесь во многом повторил британский сценарий. Первыми на рынке также появились издания, содержащие чисто практическую информацию о ценах на различное сырье – хлопок, табак, пушнину и т. д. Эти прейскуранты были необходимы, в первую очередь, местным купцам, активно вовлеченным в морскую торговлю.

Вскоре после того как в стране заработали первые фабрики, в свет вышло издание под названием «Нью-Йорк прайс каррент» (“New York Price Current”). Оно просуществовало под разными названиями более века и по большей части состояло все из тех же данных о ценах, обменных курсах, стоимости акций.

Успех «Нью-Йорк прайс каррент» подвиг ее издателя на создание первой ежедневной газеты, посвященной бизнесу, – «Дейли айтемс фор мерчэнтс» (“Daily Items for Merchant”, издавалась с 1815 г.). Несмотря на то, что это издание просуществовало менее 2 лет, как отмечает исследователь деловой журналистики А.В. Вырковский, именно этот опыт доказал, что ежедневные бизнес-газеты имеют право на существование³.

Надо отметить, что большинство американских специализированных изданий экономической тематики, появившихся в XIX столетии, как и «Нью-Йорк прайс каррент», просуществовали недолго. Причинами тому были как высокие расходы на пересылку изданий, так и отсутствие опыта издательской деятельности в бизнес-сфере.

До 1830-х гг. большинство деловых изданий распространялось по ежегодной подписке, стоимость которой была довольно высока, что серьезно ограничивало их аудиторию. Когда же газеты стали доступны не только по подписке, а стоимость их существенно снизилась, издания с финансовой тематикой завоевали множество читателей, которые по своему роду деятельности далеко не всегда были связаны с бизнесом. Это привело к тому, что лексика и направленность подобных изданий стали менее специальными, ориентированными на более широкую аудиторию. Авторы материалов рассуждали, например, о том, почему те или иные акции могли потерять свою стоимость или как принятие определенного закона может сказаться на ценах.

С развитием и диверсификацией экономики начали появляться узкоспециализированные издания, пишущие только на ту или иную деловую тематику. Наиболее ярко эту тенденцию иллюстрирует появление сразу нескольких десятков журналов, пишущих на тему железнодорожной отрасли. Это вполне объяснимо: к 1860 г. в США функционировало уже порядка 300 железнодорожных компаний.

В 1882 г. тремя американскими журналистами – Чарльзом Доу (Charles Henry Dow, 1851–1902), Эдвардом Джонсом (Edward Davis Jones, 1856–1920) и Чарльзом Бергштрессером (Charles Milford Bergstresser, 1858–1923) была основана «Доу-Джонс энд компани» (“Dow Jones and Company”). Она продавала биржевым брокерам и спекулянтам собранную в банках, маклерских конторах и различных фирмах информацию. Информация представляла собой рукописные листки, которые рассылались клиентам курьером несколько раз в день⁴. Через семь лет эти же люди создали газету «Уолл-стрит джорнэл» (“The Wall Street Journal”). Именно ей суждено было в XX в. стать основным изданием деловых кругов США, которое имело успех не только среди финансистов, но и среди интеллигенции и научных кругов. В 1884 г. «Доу-Джонс энд компани» опубликовала свой первый индекс ценных бумаг, что впоследствии стало одним из основных направлений ее работы.

К концу XIX в. деловая печать в США постепенно становится массовой, а развитие индустриального производства, урбанизация и возникновение крупных корпораций привело к формированию потребности в достоверной информации о работе гигантов бизнеса. При этом часто крупные корпорации сами давали информационный повод, привлекая таким образом внимание к собственной деятельности: в бизнесе процветали монопольные сговоры, взяточничество и другие проявления коррупции.

На этой почве среди репортеров возникает так называемое движение макрейкеров (англ. “muckraker”, «разгребатель грязи») – журналистов, занимающихся расследованиями деятельности крупнейших частных компаний. При этом далеко не всегда эти расследования публиковались на страницах деловых изданий, напротив, большей частью они появлялись на страницах изданий общей тематики, так как имели оттенок скандальности.

Хрестоматийный пример работы макрейкера – статья “The History of the Standard Oil Company”, написанная Идой Тарбелл (Ida Minerva Tarbell, 1857–1944) и напечатанная в журнале «МакКлорс» (“McClure’s”) в 1902 г. Тарбелл провела полномасштабное расследование деятельности одной из крупнейших нефтяных компаний США, принадлежавшей Джону Рокфеллеру (John Davison Rockefeller, 1839–1937), и опубликовала компрометирующий материал об ее далеко не всегда чистых методах ведения бизнеса. Эта работа стала первым критическим взглядом на огромную компанию, принадлежащую к «акулам бизнеса». По мнению многих исследователей, именно статья Тарбелл привела к тому, что Верховный суд Соединенных Штатов в 1911 г. принял решение о разделении «Стэндрд ойл компани» на несколько

более мелких компаний. Расследование Тарбелл обратило внимание правительства США на деятельность крупных монополий⁵.

Подводя итоги краткому экскурсу в историю деловой прессы до начала XX в., имеет смысл указать важную цифру: к 1900 г. уже существовало порядка 800 деловых изданий⁶, однако большинство из них представляли собой узкоспециализированные вестники отдельной отрасли, а значит, по-прежнему имели весьма ограниченную аудиторию.

XX век

Первая половина XX в. ознаменована появлением нескольких деловых журналов, которые по сей день занимают ключевые позиции на рынке современных качественных англоязычных медиа. Трём крупнейшим журналам бизнес-тематики суждено было появиться в Соединенных Штатах Америки в первой трети XX в.: «Форбс» (“Forbes”), «Бизнес уик» (“BusinessWeek”) и «Форчун» (“Fortune”).

Чтобы конкурировать с ежедневными газетами, журналы все больше концентрировались на интерпретации фактов и экономическом анализе и прогнозах, читателю предлагались материалы о работе отдельных компаний, которые зачастую были настолько многослойными, что могли готовиться неделями и включали в себя интервью руководителей, рядовых служащих, а порой бывших сотрудников и даже потребителей.

Кроме того, вклад в развитие деловой журналистики вносили и издания общей тематики, такие как «Ньюсуик» (“Newsweek”) и «Тайм» (“Time”). Они уделяли немало внимания освещению событий деловой жизни страны.

В 1917 г. обозревателем Берти Форбсом (Bertie Charles Forbes, 1880–1954), переехавшим незадолго до этого в США из Великобритании, был основан одноименный журнал «Форбс» (“Forbes”), ставший одним из самых популярных и влиятельных деловых изданий мира. Несмотря на то что он был четко ориентирован на поддержку большого бизнеса, ему удалось одновременно привлечь и широкую читательскую аудиторию.

Первый выпуск журнала продавался за 15 центов, что было достаточно дорого, и содержал интервью с богатейшим бизнесменом Джоном Рокфеллером. Подход Берти Форбса резко отличался от того, который наблюдался у макрейкеров: материал был подчеркнуто уважительным и даже хвалебным. Интервью строилось по принципу рассказа о том, как создавался бизнес Рокфеллеров,

а также содержало советы всем американцам о том, как преуспеть в жизни.

Особенно важно, что уже с первого номера журнал «нащупал» свою нишу, сконцентрировавшись на роли личности в бизнесе. Почти каждый выпуск содержал описания жизни бизнесменов и их историю успеха. Этот «персонализированный» подход к освещению не самой увлекательной по сути тематики создал лицо издания. Благодаря этому его стали читать также люди, весьма далекие от мира большого бизнеса.

Во время Великой депрессии возникли еще два классических деловых журнала – «Бизнес уик» (“Business Week”, 1929) и «Форчун» (“Fortune”, 1930).

Журнал «Бизнес уик» был основан издательской компанией «МакГроу-Хилл» (“McGraw-Hill Financial”) под руководством Малькольма Мюра (Malcolm Muir, 1885–1979). Как и «Форбс», он нашел свой фирменный почерк, уделяя особое внимание не персоналиям, а вопросам макроэкономики. Одной из особенностей журнала стал термометр, который в течение почти тридцати лет (вплоть до 1960-х гг.) помещался в журнале, демонстрируя «температуру» американской экономики. Можно сказать, что «Бизнес уик» был создан для того, чтобы комментировать события делового мира США. В нем, помимо событий на фондовом рынке, обсуждались проблемы отдельных индустрий, рынка труда, политические решения, которые могли оказать влияние на бизнес, а также деловой климат за рубежом.

Что касается аудитории издания, то она была довольно узкоспециализирована, в течение многих лет журнал нельзя было купить в газетных киосках, он распространялся исключительно по подписке среди корпоративного менеджмента. Подписчики должны были подавать заявку, указывая при регистрации свои данные о месте работы и занимаемой должности. Это было дальновидным решением: в то время как многие рекламодатели мечтали найти выход к успешной и обеспеченной аудитории, «Бизнес уик» не просто мог утверждать, что имеет таковую, но мог и поименно предоставить данные о каждом из подписчиков. Такая модель дистрибуции просуществовала несколько десятилетий вплоть до 1970-х гг., когда журнал начал активно привлекать читателей не только из бизнес-кругов.

Третий журнал из так называемого «большого трио» американской деловой прессы – «Форчун» – был создан в 1930 г. медиаменеджером Генри Люсом (Henry Robinson Luce, 1898–1967). Люс к тому моменту уже 7 лет издавал журнал «Тайм» и все чаще отмечал, что со временем журналу приходится отказываться от

существенного числа материалов экономической тематики по той причине, что выпуск просто не мог их вместить. Так ему пришла в голову идея, что ежемесячный аналитический журнал о мире бизнеса смог бы привлечь ту аудиторию, чьим запросам не в полной мере отвечает «Тайм».

Люсу необходимо было искать новую нишу. Во-первых, он решил сделать упор на художественную составляющую – привлечь к сотрудничеству видных иллюстраторов, графиков, фотографов. В частности, штатным фотографом «Форчуна» стала Маргарет Бурк-Уайт (Margaret Bourke-White, 1904–1971), завоевавшая впоследствии международное признание. Кроме того, среди авторов текстов были именитые литераторы, например, Арчибальд МакЛиш (Archibald MacLeish, 1892–1982) – известный писатель и лауреат Пулитцеровской премии (1933). Разумеется, МакЛиша нельзя было назвать бизнес-журналистом, но уровень владения словом, умение облечь сухие факты в яркие публицистические образы создали репутацию «Форчуну» как изданию высшего уровня.

Первый номер журнала, вышедший в феврале 1930 г., стоил весьма существенно для американского обывателя периода Великой депрессии – 1 доллар, а ежегодная подписка – 10 долларов⁷. В то же время уровень издания, его первоклассное художественное и литературное наполнение привлекли достаточное количество рекламодателей, что позволяло изданию успешно держаться на плаву и компенсировало не очень большое число подписчиков.

В 1950-х гг. «Форчун» стал постепенно менять свою концепцию элитарного издания и повернулся к более широкой аудитории, например, отказался от художественного оформления и начал размещать на обложке фотографии, иллюстрирующие основной материал номера, переходя к привычному для большинства читателей формату.

В 1955 г. журнал впервые опубликовал рейтинг «Форчун 500», в который вошли 500 крупнейших компаний Соединенных Штатов по объему выручки. Позже появился аналогичный рейтинг мировых компаний «Глобал 500», а также иные списки самых заметных компаний по тому или иному критерию.

Жанр рейтинга был довольно популярен среди деловых журналов. Так, в 1971 г. свой оригинальный рейтинговый продукт представил «Форбс», опубликовав список самых высокооплачиваемых топ-менеджеров, а в 1982 г. он же впервые составил рейтинг, который и сегодня служит ему визитной карточкой – список 400 богатейших людей Соединенных Штатов.

Появление транснациональных корпораций, общая тенденция к глобализации бизнеса привели к тому, что во второй половине XX в. ведущие деловые издания, в частности тот же «Форчун» или крупнейшая финансовая газета «Уолл-стрит джорнэл» (“Wall Street Journal”), начали открывать свои офисы и дочерние издания на других рынках, в первую очередь, азиатских. Подобные издания появляются в Японии, Гонконге и других странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Эти издания включали блок общемировых новостей, но были большей частью сфокусированы на региональных экономических процессах. Очевидный подъем экономики в этом регионе неизбежно вызывал повышенную потребность в достоверных и качественных материалах деловой тематики.

В это же время в США дала о себе знать еще одна тенденция – росло количество и влияние местных деловых изданий. В 1970-х гг. еженедельные деловые газеты появились во многих крупных американских городах («Тексас Бизнес» (“Texas Business”), «Бизнес Атланта» (“Business Atlanta”) и т. д.). К началу 1980-х гг. большинство из них перешло под контроль нескольких крупных компаний. Например, «Скриппс-Говард» (“Scripps Howard Foundation”) владела 13 деловыми еженедельниками, «Бизнес джорнэл групп» (“The Business Journal Group”) издавала шесть таких газет⁸.

К началу 1990-х гг. деловая журналистика Великобритании и Соединенных Штатов Америки испытала небывалый подъем. Ключевыми факторами для этого стали бум на фондовом рынке и распространение Интернета. Именно последнее обстоятельство открыло для массмедиа доселе недоступные возможности моментальной и непрерывной передачи информации. Как следствие появляются и новые формы и пути развития деловой журналистики. Например, в 1990 г. было организовано агентство деловой информации «Блумберг» (“Bloomberg”), которое сегодня является владельцем еженедельника «Блумберг Бизнес Уик» (“Bloomberg Business Week” – измененное название «Бизнес Уик»).

* * *

Подводя итоги, отметим, что современному этапу развития деловых СМИ предшествовали несколько веков, в течение которых формировались наиболее эффективные способы подачи деловой информации. Движущей силой для бизнес-медиа всегда выступал общий уровень экономического развития, а также конкуренция изданий друг с другом.

-
- ¹ *Forsyth D.* The business press in America: 1750–1865. Philadelphia: Chilton Books, 1964. P.1.
- ² *Смирнова И.С.* Становление и развитие финансово-экономической прессы Великобритании (на примере Financial Times): Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999. С. 35.
- ³ *Вырковский А.В.* Сравнительный анализ моделей деловых журналов США и России: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. С. 21.
- ⁴ См. подробнее: *Ган М.П.* Газета американских деловых кругов «Уолл-стрит джорнэл» в системе современной ежедневной буржуазной печати США: история, типологические особенности и основные аспекты пропагандистской деятельности: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. С. 18–36.
- ⁵ Деловая журналистика / Под ред. А.В. Вырковского. М.: МедиаМир, 2012. С. 33.
- ⁶ Там же. С. 34.
- ⁷ *Соколов В.С., Михайлов С.А.* Периодическая печать Соединенных Штатов Америки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 68.
- ⁸ *Вырковский А.В.* Указ. соч. С. 32.

Проблемы теории журналистики

Н.Я. Макарова

МАСТЕР-КЛАСС В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ЖУРНАЛИСТА

Статья посвящена практике реализации компетентностного подхода в профессиональном журналистском образовании при использовании мастер-класса. Определяется круг общепрофессиональных и профессиональных компетенций, которые эффективно формируются при включении мастер-класса в образовательную программу по направлению подготовки «Журналистика». Прослеживается взаимосвязь между применением мастер-класса и процессами формирования профессионального самоопределения и идентичности будущих журналистов.

Ключевые слова: мастер-класс, профессиональное журналистское образование, компетентностный подход, оценка качества образования, профессиональная идентичность.

В существующей системе профессионального образования студенту предлагаются готовые цели, которые он должен принять, стандартное, жесткоструктурированное содержание образования, устоявшаяся форма работы и контроля. Подобная организация педагогического процесса, по сути, исключает необходимость и возможность выбора и построения собственной программы профессионального образования и самообразования, снимает с него личную ответственность за процесс и результат профессиональной подготовки. Система педагогических технологий высшей школы также достаточна стабильна. Без лекций, семинаров, практических и лабораторных занятий невозможно представить высшее образование. К ряду этих классических форм сложно отнести мастер-класс, его еще относят все-таки к инновационным технологиям. При этом эта форма организации образовательного процесса прочно вошла в систему гуманитарного образования, чего не скажешь

про технические и естественнонаучные направления. В практико-ориентированных гуманитарных направлениях подготовки, таких как журналистика, PR и реклама, психология и педагогика и др., мастер-классу отводится особое место.

Инновационную форму проведения занятий российская система образования позаимствовала у французских коллег. С 90-х годов прошлого столетия мастер-класс используется на всех ступенях отечественного образовательного пространства. В отечественной и зарубежной педагогике существуют разнообразные толкования этого понятия. Если рассматривать мастер-класс в системе высшего образования, то наиболее актуальным представляется определение О.В. Бобряшовой: «Мастер-класс – это эффективная форма передачи знаний и умений, обмена опытом обучения и воспитания, центральным звеном которой является демонстрация оригинальных методов освоения определенного содержания при активной роли всех участников занятия»¹. Но для практико-ориентированных программ гуманитарного образования предлагаем более узкое трактование данной технологии – интерактивное выступление эксперта, обладающего общепрофессиональными и профессиональными компетенциями в области направления подготовки слушателей. От других педагогических технологий мастер-класс отличается: во-первых, креативное и интерактивное взаимодействие всех участников (ведущего и слушателей), во-вторых, высокая степень свободы действий слушателей, в-третьих, вариативность в планировании и проведении, в-четвертых, свобода в выборе контента и приемов, применяемых при ведении, в-пятых, высокая степень импровизации ведущего.

С течением времени мастер-класс не претерпел существенных изменений – к слушателям приходит гость, который является носителем уникального опыта и компетенций, рассказывает о своем профессиональном опыте, делится с младшими коллегами секретами своего мастерства. Однако практика применения мастер-класса достаточно неоднозначна. Некоторые преподаватели теоретических курсов просто боятся приглашать к себе практиков, дабы не разрушить стройность системы, которую они излагают на лекциях. В результате студент овладевает знаниями, но сталкивается со сложностями в применении их на практике, таким образом, компетенции формируются частично. Пресловутый разрыв между теорией и практикой налицо. Как следствие – оценка качества образования работодателем невысока.

Концепция профессионального журналистского образования, реализуемая на факультете журналистики РГГУ, предусматривает регулярное и систематическое проведение мастер-классов в ходе

образовательного процесса в рамках программ как бакалавриата, так и магистратуры. Эта педагогическая технология применяется на всех образовательных профилях: «Телевизионная журналистика», «Международная журналистика», «Мультимедийная журналистика и современные медиатехнологии» и магистерских программах «Международная журналистика», «Медиариторика», «Медиапублицистика». Мастер-классы организуются в рамках базовой и вариативной части цикла дисциплин для студентов всех курсов, но реализуемые компетенции различны. В зависимости от года обучения мастер-классы способствуют реализации различных общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, соответствующих ФГОС ВО по направлениям подготовки 42.03.02 и 42.04.02 «Журналистика».

Рассмотрим практику применения мастер-классов на курсах бакалаврской программы факультета журналистики РГГУ.

На первом курсе мастер-классы проводят преподаватели кафедр журналистики и телевизионных, радио- и интернет-технологий, а также приглашенные журналисты.

Первый мастер-класс для первокурсников проводит директор Института массмедиа РГГУ Н.К. Сванидзе. Эта встреча проходит в рамках тьюторской недели – первой недели учебного года. На этом этапе стратегическими задачами всех мастер-классов являются: интеграция студентов в образовательную среду вуза, получение первых профессиональных, качественных представлений о специфике журналистской деятельности. Безусловно, у студентов есть представление о журналистской деятельности, но часто оно сформировано под влиянием стереотипов и бытового понимания. Именно на первых таких встречах у студентов происходит переосмысление своего профессионального выбора. Проблема мотивации в выборе образовательной программы в вузе стоит очень остро. По итогам опросов первокурсников (2009–2016 гг.) большинство из них самостоятельно осуществили выбор направления подготовки (70%), у части выбор продиктован желанием родителей (20%), у незначительного числа опрошенных на выбор повлияли друзья и знакомые (5%), 5% – не смогли ответить на вопрос.

Однако многолетняя практика проведения дней открытых дверей свидетельствует об обратном. Абитуриенты приходят вместе с родителями и именно родители проявляют наибольшую активность: задают вопросы касательно поступления, об образовательной программе, интересуются перспективами трудоустройства. Первые мастер-классы направлены на понимание «общественной миссии журналистики, социальной ответственности журналистики и журналиста», что соответствует ОПК-1 ФГОС ВО². Далее на

первом курсе мастер-классы проходят в рамках дисциплин «Введение в профессию», «Современные информационные технологии», «Теория и практика современных медиасистем». В таблице представлены компетенции, которые формируются в ходе мастер-классов на различных курсах, в рамках дисциплин образовательной программы.

Помимо формирования компетенций мастер-класс активно способствует развитию профессионального самоопределения первокурсников. Профессиональное самоопределение мы рассматриваем как нахождение личностью смыслов в выполняемой работе. Иными словами, профессиональное самоопределение – это «проектирование и строительство трудового и, в целом, жизненного пути»³. Данное понятие относится к выбору, поиску профессии, смыслов профессиональной деятельности, способов ее реализации. Посредством мастер-класса на этой стадии формирования идентичности у студента постепенно складывается образ профессии, который играет существенную роль в дальнейшем профессиональном самоопределении. На основе соотнесения образа ведущего мастер-класса и его опыта и знаний, которые имеются у человека о самом себе, формируется и профессиональное самосознание. Благодаря коммуникации с действующим журналистом на стадии профессионального самоопределения студент соотносит между собой ключевые понятия: хочу – могу – имею – требуется. Система высшего профессионального образования является центральным звеном в профессиональном самоопределении молодежи. Если общеобразовательная школа ориентирована на выявление профессиональных склонностей, то высшие учебные заведения – на выбор профессии. Только при условии сформированности профессионального самоопределения может быть запущен процесс конструирования профессиональной идентичности. Под профессиональной идентичностью понимается «функциональное и экзистенциальное соответствие личности и профессии, которое включает в себя понимание своей профессии, умение хорошо выполнять свои профессиональные компетенции»⁴. Применение мастер-класса на старших курсах обеспечивает позитивную идентификацию, является успешной реализацией журналиста в профессии через ощущение единства с профессиональным сообществом, профессиональными ценностями, нормами, устоями. Для старшекурсников актуальным являются перспективы реализации своего творческого потенциала, самостоятельное решение профессиональных задач и достижение успеха в журналистской деятельности.

№	Название дисциплины	Формируемые компетенции в соответствии с ФГОС ВО по направлению 42.02.03 Журналистика	Ведущие мастер-классов
Первый курс			
1	Введение в профессию	Способность работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия (ОК-7); способность к самоорганизации и самообразованию (ОК-8); способность осуществлять общественную миссию журналистики, эффективно реализовывать функции СМИ, понимать смысл свободы и социальной ответственности журналистики и журналиста и следовать этому в профессиональной деятельности (ОПК-1); способность ориентироваться в наиболее распространенных форматах печатных изданий, теле-, радиопрограмм, интернет-СМИ, современной жанровой и стилиевой специфике различного рода медиатекстов, углубленно знать особенности новостной журналистики и представлять специфику иных направлений	А.А. Венедиктов, главный редактор радиостанции «Эхо Москвы», А.Е. Чибисов, главный редактор ИД «Отраслевые ведомости», А.С. Светенко, обозреватель радиостанции «Вести FM», Д.А. Глуховский, журналист, писатель
2	Современные информационные технологии	Способность понимать специфику работы в условиях мультимедийной среды, владеть методами и технологиями подготовки медиaproдукта в разных знаковых системах (вербальной, аудио-, видео-, графика, анимация) (ОПК-19); способность использовать современную техническую базу и новейшие цифровые технологии, применяемые в медиасфере, для решения профессиональных задач, ориентироваться в современных тенденциях дизайна и инфографики в СМИ (ОПК-20); способность в рамках отведенного бюджета времени создавать материалы для массмедиа в определенных жанрах, форматах с использованием различных знаковых систем (вербальной, фото-, аудио-, видео-, графической) в зависимости от типа СМИ для размещения на различных мультимедийных платформах (ПК-2);	Е.В. Дружниева, корреспондент телеканала «Пятница», А.К. Кула, продюсер телеканала НТВ, М.В. Лагтева, ведущая телеканала 360°

3	Теория и практика современных медиасистем	<p>способность к сотрудничеству с представителями различных сегментов общества, уметь работать с авторами и редакционной почтой (традиционной и электронной), организовывать интер-активное общение с аудиторией, используя социальные сети и другие современные медийные средства, готовность обеспечить общественный резонанс публикаций, принимать участие в проведении на базе СМИ социально значимых акций (ПК-6)</p>	
		<p>Способность ориентироваться в мировых тенденциях развития медиаотрасли, знать базовые принципы формирования медиа-систем, специфику различных видов СМИ, особенности национальных медиамodelей и реалии функционирования российских СМИ, быть осведомленным в области важнейших инновационных практик в сфере массмедиа (ОПК-2); способность понимать сущность журналистской профессии как социальной, информа-ционной, творческой, знать ее базовые характеристики, смысл со-циальных ролей журналиста, качеств личности, необходимых для ответственного выполнения профессиональных функций (ОПК-3); способность понимать сущность журналистской деятельности как многоаспектной, включающей подготовку собственных пуб-ликаций и работу с другими участниками медиапроизводства; индивидуальную и коллективную деятельность; текстовую и вне-текстовую работу (проектную, продюсерскую, организаторскую), следовать базовым профессиональным стандартам журналистской работы (ОПК-12); способность следовать принципам работы жур-налиста с источниками информации, знать методы ее сбора, селек-ции, проверки и анализа, возможности электронных баз данных и методы работы с ними (ОПК-13)</p>	<p>Г.В. Тимченко, главный редактор интернет-издания «Meduza», Л.Г. Парфенов, журналист, М.С. Гусман, заместитель генерального директора ИТАР-ТАСС</p>

Второй курс	
4	<p>Техника и технологии СМИ</p> <p>Способность понимать специфику работы в условиях мультимедийной среды, владеть методами и технологиями подготовки медиапродукта в разных знаковых системах (вербальной, аудио-, видео-, графика, анимация) (ОПК-19); способность использовать современную техническую базу и новейшие цифровые технологии, применяемые в медиасфере, для решения профессиональных задач, ориентироваться в современных тенденциях дизайна и инфографики в СМИ (ОПК-20); способность участвовать в производственном процессе выхода печатного издания, теле-, радиопрограммы, мультимедийного материала в соответствии с современными технологическими требованиями (ПК-7)</p>
5	<p>Основы творческой деятельности журналиста (печатные СМИ и радиовещание)</p> <p>Способность понимать сущность журналистской деятельности как многоаспектной, включающей подготовку собственных публикаций и работу с другими участниками медиапроизводства; индивидуальную и коллективную деятельность; текстовую и внетекстовую работу (проектную, продюсерскую, организаторскую), следовать базовым профессиональным стандартам журналистской работы (ОПК-12); способность выбирать актуальные темы, проблемы для публикаций, владеть методами сбора информации, ее проверки и анализа (ПК-1); способность в рамках отведенного бюджета времени создавать материалы для массмедиа в определенных жанрах, форматах с использованием различных знаковых систем (вербальной, фото-, аудио-, видео-, графической) в зависимости от типа СМИ для размещения на различных мультимедийных платформах (ПК-2)</p>
	<p>О. Мустафаев, журналист телеканала НТВ</p> <p>К.Н. Белов, главный редактор журнала «GQ», К.А. Ларина, журналист радиостанции «Эхо Москвы», В.Л. Аверин, журналист радиостанции «Маяк»</p>

Третий курс	
6	<p>Основы теории коммуникации</p> <p>Способность учитывать в профессиональной деятельности психологические и социально-психологические составляющие функционирования СМИ, особенности работы журналиста в данном аспекте (ОПК-10); способность участвовать в реализации медиапроекта, планировать работу, продвигать медиапродукт на информационный рынок, работать в команде, сотрудничать с техническими службами (ПК-5)</p>
7	<p>Тележурналистика</p> <p>Способность ориентироваться в наиболее распространенных форматах печатных изданий, теле-, радиопрограмм, интернет-СМИ, современной жанровой и стилиевой специфике различного рода медиатекстов, углубленно знать особенности новостной журналистики и представлять специфику других направлений (ОПК-15); способность в рамках отведенного бюджета времени создавать материалы для массмедиа в определенных жанрах, форматах с использованием различных знаковых систем в зависимости от типа СМИ для размещения на различных мультимедийных платформах (ПК-2)</p>
Четвертый курс	
8	<p>Информационно-аналитическая журналистика</p> <p>Способность анализировать основные тенденции формирования социальной структуры современного общества, ориентироваться в различных сферах жизни общества, которые являются объектом освещения в СМИ (ОПК-6); способность выбирать актуальные темы, проблемы для публикаций, владеть методами сбора информации, ее проверки и анализа (ПК-1); способность разрабатывать локальный авторский медиапроект, участвовать в разработке, анализе и коррекции концепции СМИ (ПК-4)</p>
	<p>Н.А. Сацирова, ведущая программы «Интервью» телеканала 360°</p> <p>Л.Г. Парфенов, журналист, А.Н. Архангельский, автор ток-шоу «Тем временем» (Россия-Культура)</p> <p>Майкл Бом, журналист, А.Н. Архангельский, автор ток-шоу «Тем временем» (Россия-Культура), А.Ю. Юров, член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека</p>

9	Журналистика глазами журналиста	Способность осуществлять общественную миссию журналистики, эффективно реализовывать функции СМИ, понимать смысл свободы и социальной ответственности журналистики и журналиста и следовать этому в профессиональной деятельности (ОПК-1); способность понимать сущность журналистской профессии как социальной, информационной, творческой, знать ее базовые характеристики, смысл социальных ролей журналиста, качества личности, необходимых для ответственного выполнения профессиональных функций (ОПК-3); способность базироваться на знании особенностей массовой информации, содержательной и структурно-композиционной специфики журналистских публикаций, технологии их создания, готовность применять инновационные подходы при создании медиатекстов (ОПК-14)	А.А. Венедиктов, главный редактор радиостанции «Эхо Москвы», М.Е. Швыдкий, автор ток-шоу «Культурная революция», О. Мустафаев, журналист телеканала НТВ
10	Технология интервью	Способность учитывать в профессиональной деятельности психологические и социально-психологические составляющие функционирования СМИ, особенности работы журналиста в данном аспекте (ОПК-10); способность базироваться на знании особенностей массовой информации, содержательной и структурно-композиционной специфики журналистских публикаций, технологии их создания, готовность применять инновационные подходы при создании медиатекстов (ОПК-14)	Н.А. Сацирова, ведущая программы «Интервью» телеканала 360°, М.С. Гусман, заместитель генерального директора ИТАР-ТАСС
11	Профессиональная этика журналиста	Способность осуществлять общественную миссию журналистики, эффективно реализовывать функции СМИ, понимать смысл свободы и социальной ответственности журналистики и журналиста и следовать этому в профессиональной деятельности (ОПК-1); способность следовать в профессиональной деятельности основным российским и международным документам по журналистской этике (ОПК-8)	С.Б. Пархоменко, журналист, Ольга Алленова, журналист газеты «Коммерсантъ»

¹ *Бобряшова О.В.* Мастер-класс и творческая мастерская как педагогические технологии активного обучения будущих дизайнеров // Вестник ОГУ. 2011. № 11 (130). С. 170.

² Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Уровень высшего образования бакалавриат. Направление подготовки 42.03.02 Журналистика. Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации 07.08.2014 № 951 // Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. [Электронный ресурс] URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/420302_Gurnal.pdf (дата обращения: 10.03.2016).

³ *Шнейдер Л.Б.* Профессиональная идентичность. М.: МОСУ, 2001. С. 158.

⁴ Там же. С. 157.

КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ФАКТОРОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНКУРЕНЦИИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Вопросу качества высшего образования уделяется все больше внимания в глобальном образовательном пространстве. Существуют разные подходы, и разные методы оценки качества высшего образования. Особенно в настоящее время в процессе формирования требований к оценке качества высшего образования возрастает роль работодателей как одной из основных заинтересованных сторон.

Ключевые слова: качество образования, модели оценки качества высшего образования, профессиональные стандарты.

Современное общество живет в эпоху быстрых и глобальных преобразований. Информационная экономика и информационное общество оказывает влияние на все стороны жизни современных людей. Процессы современной глобализации мирового сообщества влияют на многие аспекты деятельности, в том числе, безусловно, и на образование.

По утверждению Simon Schwartzman, требования общества в XXI в. формируют три фокуса развития образования, особенно гуманитарного¹:

- превращение классических университетов в систему массового высшего образования;
- растущее во всем мире доминирование англо-саксонской модели высшего образования;
- превращение науки, техники и образования в большой бизнес-сектор, «экономику знаний».

В основе этих трех элементов лежит именно глобализация, характеризующаяся, среди прочего, ростом международной торговли и преодолением коммуникационных барьеров.

Однако признанными драйверами развития высшего образования в глобальном мире (по мнению Ernst&Young, например) являются²:

1) демократизация, то есть широта и доступность знаний, что продемонстрировала, например, Coursera и MIT;

2) digital-технологии (MOOC, on-line learning, blended learning);

3) интеграция с производством (что в наибольшей степени оказывает влияние на качество образования, так как формирует профиль компетенций, необходимый выпускнику; кроме того, именно промышленность поддерживает проводимые исследования и создает рынок независимой сертификации, например);

4) глобальная мобильность;

5) конкуренция рынков и возможностей финансирования (здесь нужно отметить и конкуренцию между национальными и мировыми образовательными рынками, возможности формирования фондов финансирования исследований и оплаты обучения и т. д.).

В целом, учитывая все вышеизложенное, необходимо отметить, что современное высшее образование с точки зрения мирового тренда находится в состоянии устойчивого развития, и сфера высшего образования Российской Федерации не является исключением. И в траектории этого развития важным и во многом принципиальным вопросом становится вопрос достижения заявленного качества образования.

Подходов к формированию качества образования достаточно много. Что-то пришло из бизнеса, что-то выработано в системе общего и высшего образования.

Интересным представляется сравнение подходов к оценке качества образования, пришедших из бизнес-среды.

Оценка качества программ высшего образования может строиться на подходе по оценке управления качеством образования (CIPP evaluation model), оценке качества результатов образования (OVE evaluation model) и оценке эффективности обучения по модели Дэвида Киркпатрика (D. Kirkpatrick model).

В основе первого подхода лежит оценка управления качеством образования, которая включает в себя оценку уровней образования, контекст, процесс, продукт и входную оценку уровня образования студентов. Модель оценки обучения по результатам также включает в себя разделение по уровням образования. Но ключевыми факторами являются оценка содержания программы и методов обучения, эффективность обучения, политика обучения и воздействия. И, наконец, в модели Д. Киркпатрика (одном из старейших из

предложенных подходов) оценивается реакция на обучение сразу же после проведения программы/занятия, уровень полученных знаний, изменение поведения и конечный результат³.

Подходы к определению качества образования зависят от задач и от фокусов результата. С какой позиции формируется программа оценки качества высшего образования, зависит от того, какие требования будет диктовать рынок.

Оценивая опыт европейских стран необходимо отметить следующее. Существует исторически сформированная «английская модель», в основе которой лежит внутренняя самооценка вузовского академического сообщества, и «французская модель», основанная на внешней оценке вуза с точки зрения его ответственности перед обществом и государством. «Американская модель» аккредитации образовательных учреждений и образовательных программ представляет сбалансированное сочетание идей «английской» и «французской» моделей.

В том или ином виде вопрос качества образования сегодня реализуется в большинстве своем через процесс аккредитации вуза.

Аккредитация – это система контроля качества образования, которая позволяет учесть интересы всех заинтересованных в развитии образования сторон и сочетает общественную и государственную формы контроля. Основные цели аккредитации состоят в том, чтобы⁴:

- обеспечить прогресс в высшем образовании за счет разработки критериев и принципов оценки эффективности образования;
- стимулировать развитие образовательных учреждений и совершенствование образовательных программ путём непрерывного самообследования и планирования;
- гарантировать обществу, что учебное заведение или конкретная образовательная программа имеют правильно сформулированные цели и условия их достижения;
- обеспечить помощь в становлении и развитии вузов и в реализации образовательных программ;
- защитить учебные заведения от вмешательства в их образовательную деятельность и ущемления их академических свобод.

Таким образом, в том или ином виде речь идет о соответствии требованиям образовательных стандартов, соответствии образовательных программ заявленным требованиям Министерства образования. Но в современных условиях этого недостаточно.

И в этом случае наиболее интересным представляется еще один подход к оценке результатов и формированию стандартов качества образования через репутационный подход, результативный и комплексный подходы.

Репутационный подход использует экспертный механизм для оценки уровня профессиональных образовательных программ и учебных заведений в целом. Результативный подход основан на измерении количественных показателей деятельности вуза. Комплексный подход базируется на принципах «всеобщего управления качеством» (Total Quality Management, TQM) и требований к системам менеджмента качества Международной организации по стандартизации (International Organization for Standardization, ISO).

Однако существующие в XXI в. вызовы для высшего образования диктуют необходимость более расширенной трактовки и подхода к определению качества программ высшего образования.

В специальном докладе National Center for Public Policy and Higher Education отмечаются следующие вызовы для высшего образования⁵:

- оптимизация процесса обучения (сюда вкладывается оптимизация и времени, и технологий, и усилий);
- сочетание собственных интересов обучающегося и социальных интересов (в данном случае речь идет о сочетании личных интересов студента с общественными интересами, требованиями рынка труда и требованиями со стороны работодателей);
- измерение результатов в достижении целей обучения (это крайне важный момент; вопрос о конкретном измерении качества полученного образования определяется как вызов);
- практическое лидерство (новый вызов для высшего образования в целом во всем мире. Речь идет не просто о развитии лидерских компетенций как таковых, но и о практическом использовании лидерских навыков. Обучение лидерству на практике, внутри образовательных инструментов и технологий – один из важнейших фокусов определения инновационности обучения).

В связи с новыми условиями и новыми вызовами в развитии современного высшего образования возникает необходимость нового подхода к определению и оценке качества самого образования и образовательных программ. Такой новый подход можно назвать интегрально-квалиметрическим.

В мировом тренде оценки качества образования можно отметить следующие факты:

- в США самая старая традиция внешних оценок программ университетов с начала прошлого века;
- в начале 1990-х гг. менее половины европейских стран имели программы обеспечения качества национального образования;
- к 2003 г. почти каждая европейская страна имела программу обеспечения оценки качества реализации обучения в секторе высшего образования;

– к 2010 г. осталось очень мало стран в мире, которые не разрабатывают национальные программы по обеспечению качества в высшем образовании.

Чем интересны эти цифры? Не только тем, что развитые и развивающиеся страны массово разрабатывают вопросы обеспечения качества образования. Впечатляет скорость распространения и развития данного вопроса. Вопрос конечного результата высшего образования, и самое главное, качество этого результата становится национальным приоритетом.

И здесь речь идет не только о важности оценки качества программ внутри страны, т. е. локальной конкуренции. Учитывая драйверы развития высшего образования, указанные выше, это вопрос глобальной конкуренции и возможностей глобального развития экономики страны в целом.

Необходимо учитывать множество факторов, которые в том или ином виде будут влиять в глобальном фокусе на качество образования и возможности измеримых показателей его оценки.

Именно акцент на измеримость показателей в том или ином виде является ключевым требованием внутри оценки.

Stakeholders, или заинтересованных сторон, в оценке качества образования множество, и каждая из них имеет свои интересы и свои параметры и фокусы понимания качества.

Например, как минимум среди заинтересованных сторон окажутся:

- студенты;
- профессорско-преподавательский состав;
- менеджмент и администрация;
- родители;
- министерства и ведомства;
- общество в целом;
- политики;
- работодатели в целом;
- market makers – крупнейшие работодатели и производители на данном рынке.

Каждая из заинтересованных сторон имеет свое представление о качестве образования и о критериях и способах его измерения.

Все принципиально новые концептуальные модели, предложенные в последние годы, так или иначе не просто учитывают интересы и цели вышперечисленных сторон, но и предлагают принципиально иной взгляд на качество – вопрос учета мнения потребителя/клиента. Например, модели Абдуллах (Abdullah), Вун (Voon), Лэндрум и остальные (Landrum et al), Патрик

Бабиарж, Мацей Пойтровски, Малгожата Вавржинкевич (Patrik Babiarz, Maciej Poitrowski, Malgoezata Wawrzynkiewicz) и т. д.⁶ Все они в том или ином виде включают в себя компоненты, связанные с ориентацией⁷:

- на потребителя/клиента (Customer orientation);
- на конкурентов (Competitor orientation);
- на бизнес-процессы (Inter-Functional Orientation);
- на достижение целей (Performance Orientation);
- на долгосрочные цели (Long-Term Orientation);
- на работодателей (Employee Orientation).

Все вышеперечисленные факторы в том или ином виде составляют современные требования к качеству образования и определяют возможности глобальной конкуренции образовательных программ.

Разные подходы, разные критерии, но единое понимание и единые базовые требования к результатам обучения – вот основа формирования модели оценки качества высшего образования.

Анализируя все вышесказанное, более точным будет предложение интегральной модели оценки качества высшего образования, которая позволит оценить многофакторность понимания качества в современном образовательном пространстве. В ее фокусах могут быть:

- физические аспекты (инфраструктура, современное оборудование, сервисная поддержка);
- достоверность (аккуратность сбора данных, своевременность и надежность источников, последовательность, поддержка временных сроков);
- компетентность (знания, экспертиза, коммуникации внутри программ и департаментов, методы, опыт и технологии обучения);
- личное взаимодействие (дружелюбие, внутренние взаимоотношения и возможность взаимодействия междисциплинарно, карьерная поддержка и консультирование, эмпатия в отношениях);
- структура программы/курса (релевантность, адекватное предложение, контент, концептуальные знания);
- политика (структура затрат, финансовая поддержка, вознаграждение, обучение и размещение программ).

Данная модель, предложенная Ram Komal Prasad, Manoj Kumar Jha, содержит интегральные показатели оценки качества образования, и затрагивает, что крайне важно, позицию со стороны социального маркетинга⁸.

Это означает в целом, что с точки зрения подобной оценки программы имеют глобальное конкурентное преимущество, поскольку

включают не только формализованное соответствие требованиям образовательных стандартов страны, но, что не менее важно, требования и запросы со стороны общества и работодателей.

Представляется необходимым также включить в оценку качества и критерии, связанные с профессиональными стандартами, т. е., по сути, требованиями к результату и качеству образования со стороны работодателя.

В мировой и европейской практике работодатели участвуют и влияют на результаты обучения многими способами. В рамках представленной экспертизы в РФ и с учетом фокуса интересов информационного общества необходимо остановиться на нескольких, и наиболее актуальным сейчас будет влияние профессиональных стандартов.

Профессиональный стандарт – характеристика квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности. Именно профессиональные стандарты определяют требования к квалификации того работника, который занимает данную позицию и выполняет представленную работу. Профессиональный стандарт представляет собой подробную характеристику уровня выполнения конкретного вида профессиональной деятельности, выраженную в терминах компетенций⁹. Через компетенции, понимаемые как способность (готовность) личности применять знания, умения, отношения и практический опыт в знакомых и незнакомых трудовых ситуациях, в стандарте описываются требования сферы труда к работникам и результаты, которые должны быть достигнуты ими для соответствия этим требованиям. Профессиональные стандарты позволяют устанавливать и поддерживать единые требования к качеству труда, выявлять новые тенденции в сфере труда, разрабатывать должностные инструкции для персонала.

Профессиональные стандарты вводятся в действие в Российской Федерации с 01 июля 2016 г., соответствующие изменения в ТК РФ уже закреплены, и все вышеперечисленное позволяет говорить о новой реальности взаимодействия российского высшего образования и работодателей.

Европейский опыт показывает, что через профессиональные стандарты и возможности гармонизации компетенций как для обучения, так и для работы, высшее (третичное) образование получает дополнительное конкурентное преимущество для образовательных программ. Чем ближе гармонизированы модели компетенций профессионального и образовательного стандарта, тем в большей степени работодатель получает наиболее подготовленного выпускника, чей адаптационный период к должности значительно уменьшается.

Другим немаловажным фокусом влияния на современные образовательные программы становятся smart-компетенции, которые прописаны в профессиональных стандартах и которые востребованы именно со стороны работодателя и со стороны самого выпускника. К ним относятся лидерские компетенции, управленческие, коммуникационные и т. д. Словом, все те компетенции, которые составляют конкурентные преимущества специалиста в современном информационном обществе, дают ему возможности для развития и успешности. Глобальная экономика меняет требования к работе, быстро изменяет их и высшее образование должно успевать отвечать на эти вызовы.

Все вышеперечисленное имеет еще один фокус внимания. Перечисленные задачи, связанные с smart- и hard-компетенциями, по сути формируют требования к человеческому капиталу. В той части современной глобальной экономики, которая является экономикой знаний, именно человеческий капитал – драйвер развития и будущих достижений. То есть через профессиональные стандарты работодатель устанавливает требования к человеческому капиталу будущего и дает возможность вузу участвовать в глобальной конкуренции формирования будущих компетенций.

Таким образом, модель оценки качества как программ высшего образования, так и результатов обучения в целом в современном мире имеет глобальный характер и комплексно позволяет обеспечить глобальную конкурентоспособность как программ обучения, так и самих выпускников, гарантируя соответствие не только формализованным требованиям образовательных стандартов, но и требованиям работодателей и современной экономике в целом.

Примечания

¹ British Council Report. [Электронный ресурс] URL: https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/the_shape_of_things_to_come_-_higher_education_global_trends_and_emerging_opportunities_to_2020.pdf (дата обращения 19.03.2016).

² University of the future. [Электронный ресурс] URL: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/University_of_the_future/\\$FILE/University_of_the_future_2012.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/University_of_the_future/$FILE/University_of_the_future_2012.pdf) (дата обращения 19.03.2016).

³ Ernest W. Brewer. Evaluation Model for Evaluating Educational Program // Assessing and Evaluating Adult Learning in Career and Technical Education / Ed. by Viktor C.X. Wang. Zhejiang University Press, China, 2009. P. 129–152.

⁴ Методические рекомендации по актуализации действующих федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования с учетом принимаемых профессиональных стандартов (утв. Минобрнауки России 22.01.2015 г. № ДЛ-2/05вн). С. 2–4.

- ⁵ Engaging Higher Education in Societal Challenges of the 21st century: A Special Report by the National Center for Public Policy and Higher Education. National Center for Public Policy and Higher Education. 2008. April. [Электронный ресурс] URL: <http://www.highereducation.org/reports/wegner/wegner.pdf> (дата обращения 19.03.2016).
- ⁶ *Ram Komal Prasad, Manoj Kumar Jha.* Quality Measures in Higher Education: A Review and Conceptual Model // Journal of Research in Business and Management. 2013. Vol. 1. Issue 3. P. 23–40. [Электронный ресурс] URL: <http://www.questjournals.org/jrbm/papers/vol1-issue3/C132340.pdf> (дата обращения 19.03.2016).
- ⁷ Ibid.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Разработка и применение профессиональных стандартов: Словарно-справочное пособие / Авт.-сост.: А.Н. Лейбович, И.А. Волошина, П.Н. Новиков, В.М. Зуев, О.Д. Прянишникова, Е.И. Косаковская, В.И. Блинов, О.Ф. Батрова, Е.Ю. Есенина, А.А. Факторович. М.: Перо, 2014. С. 16.

Е.Б. Зиновьева

ИЗУЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ МЕДИАМЕНЕДЖЕРА В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ СРЕДЫ

В данной статье представлен результат исследования социально-психологических аспектов управления телевизионными творческо-производственными группами, которое осуществлялось в неразрывной связи с изучением личностно-профессиональных качеств и умений субъектов управления – медиаменеджеров. Разработан обобщенный вариант профиограммы медиаменеджера, требования к квалификации, условия деятельности медиаменеджеров, социально-психологические факторы деятельности. Представлены основные особенности профиограммы и психогаммы телевизионного медиаменеджера.

Ключевые слова: медиаменеджер, медиаотрасль, профиограмма, личность, руководитель, телевизионный канал, управленческая деятельность, творческо-производственная деятельность, личностно-профессиональные качества.

Социально-экономические, политические и духовные преобразования, происходящие в России в последние годы, повлекли за собой радикальные изменения сложившейся системы управления всеми сферами жизнедеятельности общества и каждой его подсистемы в отдельности. Командно-административные методы управления страной, действовавшие в течение многих лет, уступают место социальным и экономическим формам управления в финансовой сфере, на производстве, в экономике в целом.

С изменением системы государственного управления, под воздействием внешней среды родился управленец нового типа, который, выполняя поставленные задачи, решая возникающие проблемы, способствует развитию общества, строительству новых форм общежития. В то же время, оказавшись в первых рядах строителей

новой жизни, менеджер новой формации продолжает и сам формироваться как личность.

В этой связи для теории и практики психологии управления становится актуальной проблема выявления и изучения особенностей формирования личности менеджера в условиях изменения внешней и внутренней среды, разработка методического инструментария для психологического обеспечения деятельности управленца.

Особенно кардинально изменились формы управления в медиаотрасли. В связи с этим разработка профессиограммы руководителя творческо-производственного телевизионного подразделения, группы (медиаменеджера) на основе единства личности и деятельности становится актуальной и своевременной.

В соответствии с поставленной задачей изучение социально-психологических аспектов управления телевизионными творческо-производственными группами должно осуществляться в неразрывной связи с изучением личностно-профессиональных качеств и умений субъектов управления – медиаменеджеров. Напомним, что в зависимости от вида телевизионного канала или компании основными творческо-производственными группами являются: дирекции (информационных и публицистических программ), студии (художественного вещания), редакции (научно-популярных программ). Иногда в структуру дирекции входят студии или редакции и творческие группы. Считается, что телевизионными медиаменеджерами являются руководители телевизионных каналов или компаний и их заместители, руководители дирекций, студий и редакций (и их заместители, если эти подразделения являются крупными), а также руководители специальных дирекций (по связям с общественностью, международным связям, программирования и др.).

Профессиограмма медиаменеджеров разрабатывалась с помощью профессиографического анализа¹. Данный анализ проводился автором и под его непосредственным руководством на протяжении нескольких лет в различных телевизионных компаниях (ТВЦ, «Культура», ВГТРК). В процессе профессиографического анализа использовались следующие конкретные методы:

- наблюдение;
- изучение результатов деятельности, анализ ошибок;
- экспертные оценки (экспертами являлись руководители дирекций, студий и редакций, всего 17 человек);
- обобщались результаты исследований в этой области;
- использовался собственный опыт работы в «электронных СМИ», опыт коллег.

Полученные результаты анализа и информация структурировались по традиционным схемам, разработанным исследователями психологии труда и управления.

Представим обобщенный вариант профессиограммы медиаменеджера.

Роль и место в системе средств массовой информации

Медиаменеджер является ключевой фигурой в любой телевизионной компании, на любом телевизионном канале. Именно медиаменеджер определяет художественную или информационную политику дирекции, студии или редакции. Участвует в разработке «политики» или «идеологии» телевизионного канала или компании. Разрабатывает перспективные и оперативные планы работы или программы, осуществляет общее руководство и контроль исполнения. Разрабатывает принципы и направления кадровой политики, участвует в подборе кадров на ответственные должности.

С точки зрения психологии управления медиаменеджер – это субъект управления, то есть «управленец», отличающийся большой самостоятельностью в работе, несущий персональную ответственность за работу крупного структурного подразделения, принимающий во многих случаях окончательные решения. Именно проявления субъектности в управлении являются главными отличительными особенностями современного телевизионного медиаменеджера.

Деятельность медиаменеджера телевизионной компании или канала с точки зрения профессионального типа относится к классу деятельностей системы «человек – человек» и «человек – коллектив», «человек – большие социальные группы» (по классификации Е.А. Климова), что обуславливает высокие психологические требования к личностно-профессиональным качествам и умениям.

Должностные обязанности медиаменеджера

Медиаменеджер осуществляет управление деятельностью дирекции, студии или канала по широкому спектру функций, организует ее планирование и выполнение. Анализирует и решает творческие, организационно-технические, экономические, кадровые и психологические проблемы. Осуществляет подбор и расстановку кадров, обеспечивает трудовую мотивацию и мотивацию личностно-профессионального развития. Организует связи с деловыми партнерами. Осуществляет координацию деятельности в рамках своей

компетенции. Принимает решения по наиболее эффективному использованию имеющихся ресурсов. Привлекает экспертов к решению возникающих задач и проблем. Осуществляет непосредственные творческие и деловые контакты (и руководит ими).

В принципе у каждого медиаменеджера имеется должностная инструкция и перечень функциональных обязанностей, однако, по мнению экспертов, никто из них не работает, что называется, «от и до». Спектр реальных дел и обязанностей намного шире, и это воспринимается как нормальное явление. Причем нередко медиаменеджер несет персональную ответственность за выполнение управленческих функций, которые даже не входят в его должностные обязанности.

Медиаменеджер должен знать профессиональные основы и специфику творческой деятельности возглавляемого им телевизионного подразделения, законодательные и нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность СМИ; профессиональную специфику в своей области; конъюнктуру медиарынка, теорию и практику менеджмента и делового администрирования; порядок разработки планов, договоров, творческих и коммерческих предложений; психологию и социологию управления персоналом; психологию и социологию телевизионной аудитории; психологию общения и деловых коммуникаций; методы оценки деловых и личностных качеств работников и партнеров по совместной деятельности; основы делопроизводства; методы информационного обеспечения деятельности и взаимодействий; основы законодательства о труде; правила и нормы охраны труда; передовой и отечественный зарубежный опыт в сфере своей деятельности.

Требования к квалификации: высшее профессиональное образование. Желательна дополнительная профессиональная подготовка по специальным дисциплинам. Обязателен опыт работы по данному профилю и творческие достижения.

Этические проблемы деятельности медиаменеджеров

Ввиду того что медиаменеджеры работают в творческо-производственных организациях и имеют дело с неординарными творческими личностями, включенными в производственный процесс с жесткой регламентацией, их управленческая деятельность должна отличаться большой гибкостью, разнообразием стилей и коммуникаций. По мнению экспертов, в деловых коммуникациях медиаменеджеров должный эффект достигается за счет ориентации на

«субъект-объектную» парадигму, т. е. за счет применения манипулятивных психологических воздействий. В то же время такая ориентация может входить в противоречие со стратегическими целями развития организации, наносит ущерб ее деловой репутации и имиджу. Поэтому медиаменеджер в своей деятельности должен ориентироваться на идеологию «паблик рилейшнз»².

Условия деятельности медиаменеджеров

Деятельность осуществляется в основном в условиях офиса, поэтому эффективность зависит и от уровня функционального комфорта на рабочем месте. Имеют место частые (оперативные) перемещения в другие офисы (летучки, совещания и пр.) и студийные комплексы. Режим труда практически не нормирован. Отсутствует разделение времени работы на активную деятельность и отдых. В то же время основной особенностью деятельности медиаменеджеров является частое возникновение экстремальных управленческих ситуаций, действие разнообразных экстремальных факторов различной силы и интенсивности, прогнозировать появление которых весьма сложно. Данные экстремальные факторы оказывают сильное негативное влияние на процесс и результативность телевизионной творческо-производственной деятельности, отсюда значительное время тратится на компенсацию их действия, урегулирование возникшего дисбаланса в работе. Это обуславливает не только частое возникновение сильных производственных стрессов, но и неравномерность распределения нагрузки в течение рабочего дня, недели, месяца и года. Темп работы также неравномерный в силу действия частых психоэмоциональных и психоэнергетических перегрузок. Отсутствуют факторы производственного травматизма. Возможны профессиональные заболевания, вызванные длительно производственным психологическим стрессом и психическими перегрузками. Мероприятия по охране здоровья медиаменеджеров носят общий характер.

Социально-психологические факторы деятельности

Деятельность медиаменеджера является весьма значимой, связана с реализацией больших возможностей влияния, поэтому очень престижна. Многими она рассматривается как важная ступень дальнейшего карьерного движения. Профессия медиаменеджера

предусматривает сочетание индивидуальной творческой и управленческой деятельности. Численность подразделения, управляемого медиаменеджером, весьма велика (десятки и сотни человек), к тому же она может динамично изменяться как по количеству, так и по составу. К работе привлекаются квалифицированные специалисты, творческие личности, в основном ориентированные на самореализацию, успех, профессиональные и иные достижения, поэтому велика вероятность внутренней конкуренции. Для таких субъектов деятельности характерна внешняя нормативность поведения, принятая в телевизионном сообществе, при частом сокрытии истинной мотивации деятельности. Поэтому группа требует постоянного контроля. Стили деятельности руководителей часто варьируются в зависимости от ситуации, но преобладают гибкие авторитарный и демократический. Ориентация на корпоративные отношения и корпоративный стиль управления колеблется в значительном диапазоне, но может сводиться лишь к внешним проявлениям. Поощряется инициатива, приносящая позитивный результат.

Практические психические (функциональные) состояния в процессе деятельности

В процессе выполнения деятельности медиаменеджер находится преимущественно в сложных негативных психических состояниях, имеющих различную степень выраженности в зависимости от условий деятельности и индивидуальных особенностей субъекта. В этих состояниях доминируют: высокая психическая напряженность, часто превышающая продуктивный уровень, и психическое и физическое переутомление. Индивидуальная выраженность функциональных состояний различная, поэтому уровень функциональной готовности выше у тех медиаменеджеров, у которых природно обусловленный высокий уровень произвольной саморегуляции. Большинство медиаменеджеров произвольная саморегуляция негативных психических состояний осуществляется, главным образом, за счет волевых усилий, реже – с использованием психоэмоциональной словесно-образной саморегуляции. Применение специальных психотехнологий управления функциональным состоянием затруднено в силу специфики деятельности, связанной с хроническим дефицитом времени и необходимостью осуществлять постоянное деловое общение. Компенсация негативных психических состояний, кумулятивно накапливаемых в процессе работы менеджера, осуществляется сугубо индивидуально.

Психограмма медиаменеджера

Разработка психогаммы осуществлялась с опорой на традиционные методы, главными из которых в силу специфики деятельности медиаменеджеров были наблюдение, интервьюирование, экспертные оценки. В частности, в силу высокой занятости медиаменеджеров, необходимости частого решения оперативных вопросов не было возможности использовать методы инструментальной психологической диагностики. Применялись методы неинструментальной психологической диагностики³. Тем не менее, несмотря на имеющиеся методические трудности, проведенные исследования позволяют сделать следующее заключение.

Профессиональная направленность медиаменеджера обусловлена действием комплекса причин – мотивами профессиональных достижений, карьерным ростом, направленностью на общение и взаимодействие, повышением уровня личной субъектности и др. С этим и связаны профессиональные и личные интересы. Профессиональные стандарты и эталоны определяются как особенностями направленности личности, так и опытом профессиональных взаимодействий, поэтому могут изменяться в широком диапазоне. Мировоззренческие позиции находятся под влиянием нацеленности на деятельность в условиях конкуренции и потребности в самореализации. Многих менеджеров отличает нацеленность на личностно-профессиональное развитие и совершенствование.

Требования к сенсорно-перцептивным свойствам, особенностям мышления и памяти обусловлены спецификой деятельности как управленческой. Преобладающий тип мышления – конкретно-рациональный, близкий по своему содержанию к мышлению типов личности ощущающему (по К. Юнгу) и эксплуататорскому (по Э. Фромму). У многих медиаменеджеров отмечена склонность к макиавеллизму. Интеллектуальные качества высокие. В структуре интеллектуальной деятельности преобладают креативные, аналитические и прогностические функции. Особенно ценится системность анализа и мышления. Отмечена интеллектуальная активность и направленность на интеллектуальное развитие.

Способности отличаются разнообразием. Выделяются – интеллектуальные, творческие, коммуникативные, организаторские.

Характерологические особенности также обусловлены спецификой деятельности: преобладают волевые качества, активность, предприимчивость, настойчивость, решительность, артистизм. Характерологические особенности коррелируют с личностно-профессиональными качествами – целеустремленностью, инициативностью, ответственностью, сообразительностью, способностью

принимать различные по своему характеру решения. Отмечены психические акцентуации (в частности, повышенная маниакальность и демонстративность), причем у успешных менеджеров они выступают и как психологические профессионально важные качества.

Медиаменеджеров высокого уровня отличает хороший самоконтроль, психическая устойчивость, высокий уровень эмоциональной саморегуляции, самообладание. У многих – высокая работоспособность.

Следует отметить общую коммуникабельность медиаменеджеров, направленность на взаимодействие и общение. Коммуникативные умения и свойства находятся на высоком уровне и под постоянным контролем.

У медиаменеджеров отмечена потребность в освоении и использовании передового опыта.

Нравственная регуляция поведения и отношений находится под большим влиянием профессиональных ценностей и норм, уровня корпоративной культуры организации.

Гендерные ограничения в деятельности медиаменеджеров практически отсутствуют, потому что вырабатывается такой индивидуальный стиль деятельности и управления, когда проявляются компенсаторные психологические механизмы. Возрастные ограничения реально существуют, однако обусловлены соответствием критериям мобильности, опыта, общей эффективности деятельности.

Выявленные особенности деятельности и личностно-профессиональные свойства медиаменеджеров позволяют выявить психологические корреляты коммуникативной и психологической компетентности и организовать ее успешное развитие.

Проведенный экспертный опрос по методике пяти качеств (А.А. Кроник) позволил определить главные, по мнению телевизионных профессионалов, личностно-профессиональные качества, необходимые медиаменеджерам для эффективной работы:

- сила личности;
- психологическая устойчивость;
- высокая профессиональная эрудиция;
- системность мышления;
- креативность;
- умение принимать эффективные и оперативные решения;
- толерантность;
- психологическая компетентность;
- гибкость и решительность.

Таковы основные особенности профессиограммы и психограммы телевизионного медиаменеджера⁴.

В психолого-акмеологических исследованиях ведется разработка проблемы профессионализма творческих и руководящих работников телевидения и других СМИ. Однако пока работа осуществляется преимущественно на уровне постановки проблемы и требует более глубокого изучения.

Примечания

- ¹ См., напр.: *Дмитриева М.А., Крылов А.А., Нафтульев А.И.* Психология труда и инженерная психология. Л.: ЛГУ, 1979.
- ² *Хейвуд Р.* Все о «паблик рилейшнз»: Как добиться успеха в бизнесе, используя связи с общественностью. М.: ЛБЗ, 1999; *Чумиков А.Н.* Связи с общественностью. М.: Дело, 2001; и др.
- ³ *Зазыкин В.Г.* Психология проницательности. М.: РАГС, 2006.
- ⁴ *Зиновьева Е.Б.* Социально-психологические составляющие управления телевизионными творческо-производственными группами: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Гос. ун-т упр., 2008.

МАТЕРИАЛЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ИДЕОЛОГЕМ В СОВРЕМЕННЫХ ЦИФРОВЫХ СЕТЕВЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

В данной статье рассмотрены базовые вопросы, которые возникают при исследовании идеологем в современных цифровых сетевых коммуникациях. В частности, представлен авторский опыт исследования идеологемы «олигарх» с применением средств сети Интернет в рамках исследовательского направления «digital humanities». Этот опыт призван помочь другим исследователям в определении исследовательских стратегий, методологий, методов и приемов при изучении идеологем с помощью современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Ключевые слова: журналистика, идеологемы, ИКТ, новые медиа, методология, цифровая среда, интернет-исследования, digital humanities.

Вопросы методологии в научных исследованиях занимают важное место и нередко становятся предметом споров. В частности, вопросы разграничений, соотношений и синтеза количественных и качественных методов волнуют многих исследователей.

Еще более сложным представляется вопрос методологии научных изысканий в сфере современных цифровых интерактивных сетевых коммуникаций. Иными словами, методология исследований с привлечением возможностей сети Интернет. В плане гуманитарных исследований с привлечением возможностей ИКТ существует направление «цифровых гуманитарных исследований», или “digital humanities”. Здесь также немало интерпретаций и разночтений.

В частности, при исследовании идеологем различных периодов особенно ценными могут быть возможности проведения не только качественных исследований, но и задействование количественных методов с привлечением больших массивов информации и баз данных, доступных в цифровых форматах через Интернет или каким-либо другим способом.

Специфика и особенности цифровых гуманитарных исследований

Свойства цифровых данных и глобальная сеть Интернет создают множество новых возможностей для научных исследований. Под воздействием ИКТ трансформируются структуры, методы и результаты научно-исследовательской деятельности. Роль цифровых данных возрастает и эти данные становятся неотъемлемой частью современной научной экосистемы¹. Эти трансформации сопровождаются значительными трудностями в определениях и понимании происходящих процессов.

Следует методологически различать «интернет-исследования» и исследования с применением возможностей сетевых коммуникаций и Интернета. В частности, на это обращает внимание исследователь Е.Ю. Журавлева в статье «К типологии методов интернет-исследования»: «Необходимо провести различия, как на онтологическом, так и на эпистемологическом уровне между исследованиями интернета и исследованиями с помощью интернета (интернет-исследования)»².

То есть в исследованиях Интернета акцент делается в большей мере на отношениях между сетью и обществом, институтами, государствами, персоналиями, различными сферами жизни. Интернет здесь предстает стороной отношений, автором. В интернет-исследованиях – фокус на теории и практике использования технологий и инфраструктуры сети для исследований и научных работ. Здесь также важно уточнение, со ссылкой на слова исследователя Н. Бэйм, что Интернет – «это поле для исследования, открытая среда, которая одновременно поддерживает многие подходы и техники, другим способом несовместимые друг с другом»³.

В качестве ключевого направления интернет-исследований Е.Ю. Журавлева и другие авторы называют «цифровые гуманитарные науки», «цифровую гуманитаристику», или “digital humanities”⁴. Однозначного определения понятия нет, но исследователи сходятся на том, что это собирательный термин для междисциплинарных исследований и он касается диапазона от практик применения цифровых инструментов и возможностей ИКТ в гуманитарных науках до способа существования гуманитарных наук в новых цифровых и сетевых условиях.

Существует традиционный спор о разграничении методов, преимуществах и недостатках двух ключевых исследовательских подходов: количественного и качественного. Споры пролегают между позитивизмом и интерпретивизмом, дедуктивным и индуктивным подходами, объективизмом и субъективизмом, приводя даже

к ложным оппозициям между естественнонаучным и гуманитарным познанием.

Эти проблемы обозначает в своей монографии «Методы коммуникативистских исследований» О.А. Леонтович, одновременно указывая на вполне закономерное решение – смешанные методы, синтезирующие и комбинирующие различные исследовательские стратегии⁵. Обращаясь к российским и зарубежным исследованиям, автор приводит важный аргумент в пользу смешанной методики – принцип «триангуляции» или «перекрестного анализа», предполагающий изучение социальных явлений и гуманитарных аспектов с двух и более различных точек зрения. Соответственно пересечение и даже гибридизация методов помогает найти совпадения, что говорит в пользу верности выводов исследователя⁶. О высокой способности адаптации методик из смежных наук, конвергенции гуманитарных специальностей и информационных технологий, междисциплинарности цифровой гуманитаристики говорит также А.Ю. Володин⁷.

Поскольку одна из ключевых возможностей цифровых исследований – это доступ к большим массивам и базам данных, экспертным системам и аналитическим инструментам, то смешение методов, перекрестный анализ с опорой как на качественные, так и на частотные характеристики, помогают анализировать материалы более эффективно. Особенно это важно при анализе идеологем, поскольку методология их исследования предполагает пересечение качественного изменения в смысловом и содержательном наполнении с частотными характеристиками их широкого употребления в массмедиа.

Идеологемы: от определений к методологическим особенностям

Идеологемы – это минимально значимые единицы, организующие работу сознания в плоскости соотношения языка с действительностью. Они подчинены той или иной идеологии – системе взглядов и идей, в которой осознается и оценивается отношение людей к действительности. По мнению Г.Ч. Гусейнова, идеологема – это «знак или устойчивая совокупность знаков, отсылающих участников коммуникации к сфере должного – правильного мышления и безупречного поведения – и предостерегающих их от недозволенного»⁸.

В работе М.П. Одесского и Д.М. Фельдмана «Поэтика террора и новая административная ментальность» дается важнейший

признак идеологемы: «явления принципиально разнородные охватываются одним термином»⁹. Под идеологемами, таким образом, могут пониматься те термины, которые нельзя определить «классическим» образом, то есть дать более-менее четкое определение и выделить характерные черты. Поэтому идеологема оценочна, эмоционально окрашена, мифологична и часто опирается на категории «хорошо–плохо», «свой–чужой».

Одна из функций идеологем – формирование стереотипов и ценностных аксиом, которыми детерминировано мышление и поведение индивидов. Стереотипы и ценностные аксиомы усваиваются всеми представителями данной культуры, независимо от их отношения к определенной идеологии¹⁰.

Из этого также вытекает, что дать четкое определение идеологеме невозможно: оно постоянно ускользает от исследователя, поскольку функция идеологем не в том, чтобы прояснять реальность, а в том, чтобы выполнять прикладную функцию, быть инструментом в руках коммуникатора-манипулятора.

Отсюда важный методологический критерий: для того чтобы выявлять и фиксировать идеологемы, нужно сопоставлять различные источники и выявлять изменения в трактовках и принципиальные нестыковки в определениях понятия. Для этого могут быть использованы как качественные методы контент-анализа и сопоставления определений, так и задействованы количественные методы анализа частотности употребления в массмедиа в определенные периоды, в определенных условиях (рубрики/передачи, ведущие/авторы, гости/комментаторы/эксперты и т. п.).

Возможности для цифровых и сетевых исследований идеологем проистекают из самой логики исследований такого рода. Как уже отмечалось выше, при выявлении идеологем важным методологическим приемом является сопоставление и пересечение методик и корпусов источников. Добавляя цифровые расширения, исследователь получает новые возможности как в плане инструментов (аналитические системы, программы, приложения, платформы), так и в источниках (большие массивы цифровых данных и их сопоставления, подключение баз данных, поиск по ключевым словам, выявление корреляций количественных показателей и т. п.).

Таким образом, исследователь получает ряд возможностей, среди которых:

– доступ к большому количеству электронных словарей на разных языках, что позволяет делать таблицы сопоставлений определенных для выявления изменений в значениях терминов;

- доступ к цифровым архивам массмедиа, что позволяет проводить как качественный, так и количественный анализ словоупотреблений;
- доступ к широкому кругу оцифрованных научных работ, что позволяет оперативно, через поисковые запросы выявить параллельные и смежные исследования по теме, а также фиксировать неоднородность выводов и расхождения в трактовках (например, на платформах cyberleninka.ru, istina.msu.ru, vernsky.ru и пр.);
- доступ к профессиональным и научным открытым сетям и сервисам, что позволяет отслеживать активность как отдельных авторов, так и развитие целых направлений (например, через сервис slideshare.net или платформу academia.edu);
- доступ к экспертным и аналитическим системам, которые, как правило, обладают собственными массивами данных и набором встроенных инструментов (например, public.ru, mlg.ru, br-analytics.ru и пр.);
- при изучении новейшей истории, благодаря наличию социальных медиа (блоги, форумы, соцсети и пр.), получить доступ к свидетельствам очевидцев, профанным и экспертным мнениям, что позволяет фиксировать отражение идеологием в индивидуальном и массовом сознании;
- возможности и инструменты для проведения социологических исследований: опросов, тестирования, голосований;
- доступ к открытым социологическим данным, инструментам измерения статистики и метрикам для изучения поведения аудитории (например, данные fom.ru или платформы similarweb.ru);
- цифровые возможности организации научных и экспертных дистанционных интервью через электронную почту и мессенджеры (голосовые, текстовые).

Опыт изучения идеологием в современных цифровых сетевых коммуникациях на примере идеологемы «олигарх»

Изучение идеологемы «олигарх» проводилось автором в 2004 г. в рамках подготовки дипломной работы¹¹. Многие элементы исследования с точки зрения сегодняшних возможностей могли бы выглядеть иначе, однако основные подходы и инструменты по-прежнему представляют исследовательскую ценность.

Общей исследовательской установкой был курс на комбинирование методов (смешанные методики) и привлечение различных цифровых и сетевых возможностей для анализа.

Так, на начальном этапе рассмотрения термина «олигарх» задействовались различные словари и энциклопедии, в том числе электронные. Далее предпринимались усилия к определению термина «олигарх» с точки зрения науки и современных отечественных исследователей. Также в качестве отдельного блока источников и яркой иллюстрации идеологического применения термина использовались экспертные доклады.

Наконец, ключевым для исследования корпусом источников стала выборка расшифровок эфиров передач радиостанции «Эхо Москвы» в период с 1997 по 2003 г. в количестве 7908 документов. Из них формировалась выборка эфиров с упоминанием слова «олигарх» – 735 эфиров¹².

Отбор документов из общего массива с упоминанием термина «олигарх» проводился с помощью программы «Ищейка» (The Sleuthhound! Pro, версия 4.4.1) по поиску в текстах радиопередач однокоренных «олигарху» слов. Формат запроса – «олиг*».

Сейчас расшифровки эфиров доступны на сайте «Эха Москвы» наряду с материалами в разделе «Блог». Запрос по слову «олигарх» (учитывает и однокоренные слова) выдает уже 11 272 результата¹³. Что в разы превышает прежние данные для исследования.

При этом с точки зрения качественного анализа полученной исходной выборки, то есть выявления определений терминов «олигарх» и «олигархии», получены релевантные и репрезентативные результаты, которые своими разночтениями как раз подтверждают гипотезу об использовании в новейшей истории России термина «олигарх» как идеологемы, как части идеологических конструкций, как инструмента манипулирования массовым сознанием. С другой стороны, совпадение некоторых позиций и свидетельств различных групп спикеров, близких по воззрениям, также сигнализирует об идеологизированном словоупотреблении¹⁴. Однако эти аспекты, как и новые материалы, еще ожидают подробного изучения и анализа.

Примечания

¹ Журавлева Е.Ю. Эпистемический статус цифровых данных в современных научных исследованиях // Вопросы философии. 2012. № 2. С. 113–124. [Электронный ресурс] URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=473&Itemid=52 (дата обращения: 20.03.2016).

- ² Журавлева Е.Ю. К типологии методов интернет-исследования // Вопросы философии. 2013. № 5. С. 84. [Электронный ресурс] URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=473&Itemid=52 (дата обращения: 20.03.2016).
- ³ Там же. С. 84–85.
- ⁴ Антонян К.Г., Рон М.В. Международная конференция «Науки о культуре в перспективе digital humanities»: проблемы гуманитарных наук в эпоху цифровых технологий // Universum: Вестник Герценовского университета. 2013. № 3. [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnaya-konferentsiya-nauki-o-kulture-v-perspektive-digital-humanities-problemy-gumanitarnyh-nauk-v-epohu-tsifrovyyh-tehnologiy> (дата обращения: 25.03.2016); Журавлева Е.Ю. К типологии методов интернет-исследования. С. 84–94; Володин А.Ю. Digital Humanities (цифровые гуманитарные науки): в поисках самоопределения // Вестник Перм. ун-та. Сер. «История». 2014. № 3 (26). [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/digital-humanities-tsifrovyye-gumanitarnye-nauki-v-poiskah-samoopredeleniya> (дата обращения: 25.03.2016); Можеева Г.В., Можеева-Ренья П.Н., Сербин В.А. Цифровая гуманитаристика: организационные формы и инфраструктура исследований // Вестник Томск. гос. ун-та. 2014. № 389. [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-gumanitaristika-organizatsionnye-formy-i-infrastruktura-issledovaniy-1> (дата обращения: 25.03.2016); Палицына С.С. Роль цифровых гуманитарных наук в обществе: угроза или удобство? // «Студенческий научный форум»: Материалы VII Междунар. студенческой электронной науч. конф. [Электронный ресурс] URL: <http://www.scienceforum.ru/2015/1090/10656> (дата обращения: 25.03.2016).
- ⁵ Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011.
- ⁶ Там же. С. 22–23.
- ⁷ Володин А.Ю. Digital Humanities (цифровые гуманитарные науки): в поисках самоопределения.
- ⁸ Гусейнов Г.Ч. Д.С.П.: Материалы к Русскому Словарию общественно-политического языка конца XX века. М.: Три квадрата, 2003. С. 6.
- ⁹ Одесский М.П., Фельдман Д.М. Поэтика террора и новая административная ментальность. М.: РГГУ, 1997. С. 8.
- ¹⁰ Там же. С. 7–9.
- ¹¹ Корнев М.С. Социальный стереотип в технологиях манипулирования: идеологема «олигарх» в российских СМИ [Дипломная работа]. М.: РГГУ, 2004.
- ¹² Там же. С. 115.
- ¹³ Поискный запрос по слову «олигарх» на сайте радиостанции «Эхо Москвы». [Электронный ресурс] URL: http://echo.msk.ru/search/?utf8=%E2%9C%93&search_cond%5Bquery%5D=%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B0%D1%80%D1%85&search_cond%5Bwhen%5D=all (дата обращения: 25.03.2016)
- ¹⁴ Там же. С. 95–105.

ОБРАЗ ДУХОВНИКА В ДРЕВНЕРУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ И СЛОВЕСНОСТИ

В статье анализируется функция описания деятельности духовников в текстах Древней Руси. Духовническая практика для священнослужителей была одной из обязанностей. Через духовных отцов, их беседы с паствой и тексты, написанные ими в жанре публицистики, Церковь оказывала влияние на членов общества – в частности формировала их поведение.

Ключевые слова: публицистика, Древняя Русь, духовный отец, Славой Жижек, Домострой.

За тем, как блюли моральный кодекс новые христиане, с самого начала следили представители Церкви – духовники или, говоря иначе, духовные отцы. Авторитетный исследователь С.И. Смирнов считает, что духовники и Церковь контролировали свое чадо только до дверей дома. В свою очередь духовников контролировал епископ, но при этом на первых порах не вмешивался во взаимоотношения духовника и его чада (обращались к епископу только в том случае, если проступок духовного сына требовал вмешательства судебной власти: например, если духовный сын – представитель того же духовенства).

Отсюда вопрос о дисциплине: бытовая традиция церковников выстраивалась, будучи подконтрольной высшему духовному чину или самостоятельно? Насколько патриарх мог контролировать своих подчиненных? Ведь в итоге они наказывали духовных детей сами – например, епитимьи давались тем священнослужителям, которых, может, следовало бы от службы на время освободить. Духовное чадо, исходя из содержания памятников XII в., в случае, если отец и был невеждой, мог покинуть его только тайно (с разрешения новгородского епископа Нифонта, которого,

заметим, не интересуется – уважительная причина перемены духовника или нет¹); вмешательство же со стороны высшей духовной власти исключалось. Патриарх мог знать о недостатках подчиненных и трудностях в работе, которые те испытывали, но при этом не принимал участия в разрешении конфликтов между ним и нареченным сыном, дочерью. Никто не мог освободить последних от неугодного духовника. Церковь вмешивалась в их отношения в двух случаях: когда власти духовного отца грозила опасность или духовный сын, по совместительству священник, «каялся в тяжком падении, возбраняющем ему служение в священном сане, т. е. когда проступок духовного сына требовал вмешательства судебной власти епископа»².

Участие Церкви во взаимоотношениях духовника и его чада усиливается к концу древнерусского периода. Но были прецеденты и в XIII в. Например, история, произошедшая с блестящим духовником того времени – Авраамием Смоленским. Покаяльная семья его была обширной, к нему на исповедь (и послушать проповедь) приходил весь город. Об этом рассказывается в «Житии Авраамия», написанном его учеником Ефремом: смоленские священники обвиняли преподобного Авраамия, что он переманил их детей к себе, и они попросили епископа разобраться.

Насколько контролировал духовник духовное чадо? Если у человека много духовников (частая практика на Руси), пусть и исповедуется он только у одного; выходит, минимум два человека с ним знакомы очень близко, находятся на короткой дистанции. А если духовников больше? Значит, оказывать влияние могут сразу несколько человек? Кроме того, согласно общепринятому мнению, нареченный отец заслуживает большего уважения, чем родной: «А отца своего духовна паче родившаго тя отца почитай и во всемь передь нимь рабствуй: яко бо душа честнее плоти, тако и отець духовной плотскаго честнее есть»³. Текст Кормчей книги, в которой есть это правило, относится к концу XV в. Можно предположить, что в нем фиксируется опыт, накопленный за пять минувших веков христианства. Смирнов замечает: «В некоторых епитимейниках неповиновение духовному отцу и нарушение его предписаний отнесены к грехам против пятой заповеди или поминаются рядом с непочтением к родителям»⁴.

Духовники могут использовать определенные механизмы контроля и воздействия. Один из них – давление на одних членов семьи через других. Получается, невидимый контроль осуществляется и внутри дома. Глава семейства – тоже отец – оказывал давление и со своей стороны. Получается замкнутый круг: каждого члена семьи «ведут» духовники, а глава семейства, которого

тоже инспирируют духовные отцы, оказывает влияние на своих родственников. Подобная позиция позволяет полемизировать со Смирновым, который был уверен, что духовники и Церковь осуществляли контроль только вне стен дома.

Безусловно, духовник был в курсе событий в жизни духовного чада. Он оценивал случившееся, давал советы, распоряжался о наказании. Значит, так или иначе влиял на жизнь человека, ее устройство. Это касалось, в частности, и пищевого режима. Если духовный сын хотел совершить подвиг, то спрашивал разрешения на него у духовного отца. Такой пример приводит Смирнов: «Князь Изяслав спрашивал Феодосия Грека, как поступать, если духовный отец “связал” не есть мяса в среду и пяток, в которые случится великий праздник, и получил ответ: “отъ того же и разрешение приими”. Но при этом добавляет, что он мог бы освободить князя от зорока, если бы тот дал его сам. Проявление подвига со стороны духовного сына без ведома отца считалось предосудительным, прямо греховным и опасным для православия»⁵. За совершение «героических» пищевых поступков, согласно правилам домонгольского периода, от Церкви отлучали на период до года и наказывали епитимьей в виде ежедневных поклонов. Среди подвигов указывают соблюдение поста без разрешения духовника, тайно, в течение сорока дней⁶ (вряд ли речь идет о Четыредесятнице – ключевом периоде пищевого режима, времени строгого воздержания). Церковь опасалась распространения ереси богомилов, представители которой вели крайне аскетичный образ жизни и отрицали христианские обряды и таинства – в частности почитание икон, поклонение кресту и святым мощам.

Духовники делились на два класса – монахов и приходских священников. Первые находились в привилегированном положении, вторые, очевидно, были в стесненных условиях; Смирнов пишет о них: «Приходское духовенство – тяглое сословие, бесправное, задавленное нуждою и едва грамотное»⁷. Смирнов подчеркивает: на заре христианства на Руси этому «тяглому сословию» жилось лучше, ведь позже, к XVII в., «приходы были до крайности раздроблены и класс духовенства разросся до необыкновенных размеров»⁸. Он замечает, что и обиды духовных детей были, как правило, по отношению к отцам, принадлежащим к белому духовенству.

Духовный отец получал за работу деньги и подарки. В качестве даров были и продукты. Священники получали по завещанию – как плату за сорокоуст (были случаи, вероятно, и с молебнами за здоровье – уже соответственно вне рамок завещания). Смирнов пишет: «Иногда плата за сорокоуст оставлялась по завещанию не деньгами, а вещами, скотом. Степан Юматов (конец XVII столетия)

приказывает в завещании: “продать меринъ серой да осьмеры пчелы, а дать сорокоусть полной къ двумъ церквамъ: отцу моему духовному въ село Ивонино; а у коей церкви тело мое погребуть, и дать по душе моей той же сорокоусть”⁹. Нельзя, конечно, забывать, что получаемыми за сорокоуст средствами духовный отец не распорядился единолично. Он делил эту плату с собором, клиросом (певчие и чтецы) или причетниками храма (низшие церковные служители). Но собственностью его становилось то, что духовный сын отдавал ему на помин души. Заметим: то, что полагалось по завещанию, отнюдь не плата за духовнические услуги, а искреннее желание отблагодарить близкого по духу. В списке тех, кому полагалось что-либо по завещанию, духовник находился среди родственников, значит, усопший считал его членом семьи.

В обязанности духовника входило и следить за тем, что читают его подопечные. Различать, какая литература еретическая, богоотреченная, а какая – полезная, истинная, помогал Стоглав (XVI в.), регламентирующий поведение древнерусского человека в религиозно-церковных и государственно-экономических вопросах. Читателю «неправильных» текстов гарантируют проклятье, а священнослужителю, потакающему духовному сыну в подобном увлечении, – лишение сана.

Следовательно, можно выделить три функции духовника: этическую, бытовую и официально-деловую (гражданско-правовую). О последней стоит сказать отдельно: Смирнов обращает внимание, что в создании духовной (завещания) духовник принимает активное участие. Иногда ему даже поручают быть душеприказчиком духовных детей. Примечательно, что завещание не может вступить в силу без согласия на то патриарха: при «свидетельствовании» духовной именно он задает вопросы присутствовавшим при составлении и написании акта; узнав, что усопший был в сознании, когда диктовал текст, а также что свидетели подтверждают его последнюю волю, он подписывал документ и бумага вступала в полную силу.

Действительно ли духовные чада строго соблюдали посты? Зная жалость к бесправным слоям населения, униженным и оскорбленным, прививаемую обществу Церковью, вероятно, рабы и крестьяне получали послабления. Но духовные отцы предлагали «легкие пути» преодоления постов. Таких духовников называют «потаковниками». Например, по С.И. Смирнову, в «Слове св. Отцов о постах» описывается, как миряне приходили к духовникам и просили послаблений. И духовник шел навстречу, ведь потеря духовного чада била не только по самолюбию и статусу, но и карману (часть требуемой епитимьей милостыни отдавалась духовнику).

Смушает, и это подчеркивает Смирнов, что такие «добрые» поступки духовников ничуть не унижали их собственное достоинство. В портрете духовника есть и вовсе не соответствующие его статусу черты. Так, среди духовных отцов были трапезолюбцы – любители (в компании, кстати, духовных детей) проводить время на пирах. Были и блудники: древнерусские тексты не раз фиксируют вопрос священнослужителю о «блуде с дочерью» на исповеди. Известно, что методом борьбы с такой распущенностью в XVII в. был запрет монахам исповедовать мирян. Ранее законодатели посещение духовных чад поощряли. «Домострой» рекомендует «призывать его (духовного отца. – Е. З.) к себе в дом часто и извещаться всегда по всякой совести»¹⁰.

Некоторые духовники шли дальше – брали епитимью на себя, выполняя ее предписания за согрешившего духовного сына. Традиция брать исполнение епитимьи на себя за кого-то была широко распространена. И это не разделение епитимьи членами семьи покаявшегося, а именно взятие на себя исполнения ритуала покаяния. Смысл наказания за грехи терялся, ведь грешник никак не «платил» за свои ошибки. Но духовные отцы были достаточно хитры, чтобы не совершать предписания епитимьи в ее «оригинальном» объеме. Вместо покаянных поклонов за грешника они совершали литургии – сами их «прописывали» раскаявшемуся больному. Проведение литургии стоило денег. У греков и южных славян, кстати, была практика найма людей, которые за определенную сумму выполняли предписания епитимьи за истинных грешников.

Смирнов выделяет два типа текстов, принадлежащих перу древнерусских духовников: записки духовников, касающиеся их практики (например, «Вопрошание» Кирика Новгородца XII в.), и послания и поучения духовным детям. Некоторые духовные отцы писали жития своих чад (в назидание другим).

Приводя примеры учительных текстов авторства духовников, Смирнов комментирует «Поучение отца духовного к детям духовным» (XVI в.). Он отмечает влияние на неизвестного автора «Поучения» – «худых номаканунцев», сомнительных с церковной точки зрения, например, в вопросе о покаянии в грехах перед смертью (якобы это можно делать только «на ногах»). Вот что еще фиксирует «Поучение»: «Запрещается раноядение. Если усердный христианин не позавтракаетъ въ иной день, то святой этого дня молится за него Спасу всю неделю; евщій же и пивщій въ праздни-ки ничемъ не избудетьъ тьмы»¹¹. Также запрещается есть молочное и мясо сома (которое, заметим, является некошерным с точки зрения иудаизма – возможно, причина запрета и кроется в традиции, сформировавшейся еще в первые века христианства).

Растолковать особый статус духовника в обществе можно с точки зрения, например, современной философии и психологии. Современный культуролог и философ Славой Жижек, перефразируя актуальное словосочетание «виртуальная реальность», когда наш опыт реальности получает воплощение в цифровой форме, предлагает так называемую «реальность виртуального»¹², где реальность – реальные действия, которые генерируются чем-то еще не в полной мере существующим. Комментируя этот тезис, Жижек обращается к триаде Ж. Лакана – «воображаемое, символическое, реальное». Термин «виртуальность» и триада в структурном психоанализе Лакана, встретившись в единой системе координат, дают возможность «раздробить» проблему «реальности виртуального» на три части или понятия: воображаемая виртуальность, символическая виртуальность и реальная виртуальность. Иллюстрируя эти понятия, Жижек обращается к повседневному опыту. Так, комментируя «символическую реальность» применительно к отношениям в семье, Жижек ссылается на феномен авторитета отца. Отцу, чтобы оставаться авторитетом, не нужно себя реализовывать (например, принимать какие-то меры наказания ребенка), в противном случае – авторитет губит сам себя (Жижек видит в этом признаки импотенции, неестественности). Для того чтобы оставаться реальным, авторитету приходится оставаться виртуальным в смысле угрозы. Похожая ситуация и с духовниками: идя на поводу у своих подопечных в силу разных причин, они не реализовывали потенциал власти и потому долгое время могли оставаться в статусе авторитета.

Духовное чадо встречалось с нареченным отцом регулярно: «Древнерусские поучения, обращаясь к духовным детям, советуют им каяться “по вся дни, исповедающе своя грехи”, не задерживая и малые согрешения, или – каждую неделю»¹³. Однако рекомендация эта едва ли соблюдалась: во-первых, из-за образа жизни – отнюдь не оседлого, который вели жители Руси; во-вторых, само правило вступало в противоречие с другим христианским постулатом, согласно которому «покаяние без поста бесполезно»¹⁴.

Духовник был в ответе за духовных детей. По мнению Церкви, душеполезные книги и собственный опыт не могли дать должного религиозного образования, поэтому христианин был обязан пройти духовную школу. Но обучение длилось всю жизнь – на жизненном пути всё время появлялись новые вопросы. Самостоятельно искать ответы на них не разрешалось – Церковь боялась неверных интерпретаций своих правил, от их истолкования напрямую зависел образ жизни членов общества. Церковь стремилась к унификации поведения людей – так их было легче контролировать. Духовные

дети усваивали истины, не только встречаясь с отцом лично, но еще и через тексты, им самим или другими духовниками написанные – послания и поучения или записи случаев из практики, то есть Церковь влияла на паству публицистическими средствами. Представители духовенства добивались дисциплины в быту, сфере, с которой человек имеет дело каждый день. Управлять толпой, состоящей из людей, чье поведение предсказуемо, несоизмеримо легче, чем «думающими» индивидуалистами.

Примечания

- ¹ *Мильков В.В., Симонов Р.А.* Кирик Новгородец: ученый и мыслитель // Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII. М.: Кругъ, 2011. С. 410–411.
- ² *Смирнов С.И.* Древнерусский духовник: Исследование по истории церковного быта. М.: Синодальная типография, 1913. С. 64–65.
- ³ Там же. С. 42.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. С. 46.
- ⁶ Там же. С. 84.
- ⁷ Там же. С. 72.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 78.
- ¹⁰ Домострой / Изд. подгот. В.В. Колесов, В.В. Рождественская. СПб.: Наука, 2000. С. 47.
- ¹¹ Там же. С. 155–156.
- ¹² Slavoj Zizek: The Reality of the Virtual (2004) [Видеозапись] / Реж. Б. Райт. 2006.
- ¹³ *Смирнов С.И.* Указ. соч. С. 166.
- ¹⁴ Там же.

ФАКТОР СТРАХА: ВОЗДЕЙСТВУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ «УЖАСНОГО» В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАТЕКСТЕ

Статья посвящена анализу одного из приемов эмоционального речевого воздействия, применяемых современными публицистами, – метафоризации слова «удавка» в текстах «Новой газеты» и газеты «Завтра» 2015 г. Автор показывает, что при сохранении ассоциативного поля, сформированного прямым значением слова, метафорический образ удавки способен привести читателя в состояние страха, отвращения, гнева и создать благоприятный эмоциональный фон для пропагандистского воздействия.

Ключевые слова: публицистический текст, медиатекст, речевое воздействие, пропаганда, эмоция, метафора, «Новая газета», газета «Завтра».

Погруженность современной аудитории в мультимедиа-среду, нарастание количества медиатекстов, их активная визуализация и аудиализация – факторы, с одной стороны, усиливающие влияние СМИ на адресата, с другой – снижающие эффективность собственно речевых приемов воздействия. Чтобы вызвать сильную эмоциональную реакцию у сегодняшнего читателя, журналист, работающий со словом, должен брать на вооружение психологические техники, характерные не только для словесных, но и для других искусств, в частности – массового кинематографа.

К числу классических приемов воздействия на сферу чувств относится создание ужасных – вызывающих страх и отвращение – образов, а также длительное нагнетание напряжения – саспенс.

© Басовская Е.Н., 2016

Автор благодарит участников конференции «Эффективность массовых коммуникаций: социальный и языковой аспекты» (18–19 февраля 2016 г.) и лично Е.Г. Борисову и П.Б. Паршина за точные вопросы и полезные рекомендации.

Переживания, испытываемые получателем такого продукта, предлагается вслед за Р.Р. Гарифуллиным называть «деструктивным наслаждением»¹.

Один из приемов речевого воздействия, активно применяемых публицистами, – метафора, связанная с темой мучительной насильственной смерти. Дополнительную экспрессию ей придаст сохранение яркой зрелищности, свойственной используемому слову в прямом значении. Таков рассматриваемый в статье образ *удавки*.

Согласно Большому академическому словарю, удавка представляет собой «петлю для удушения»². Данное толкование соответствует, как и должно быть в толковом словаре, наивной языковой картине мира и несколько сужает объем понятия *удавка*, соответствующего определенному типу узла³. Удавка как самозатягивающийся узел не обязательно предназначается для удушения: тем же словом называют, например, определенный вид поводка для собак⁴. Тем не менее в языковом сознании носителей русского языка устойчивы ассоциативные связи «удавка–казнь», «удавка–убийство» и «удавка–самоубийство», что подтверждается, в частности, данными Национального корпуса:

«...Это *удавка*, которой будут вешать невинных, или аркан, которым ухватят их и поведут на казнь» (Лидия Чуковская. Прочерк. 1980–1994);

«Парень с автоматом “узи” сбросил с себя окровавленное тело приятеля и попытался повернуться к Говоркову, но его шею обвила смертельная удавка Савелия» (Виктор Доценко. Тридцатого уничтожить! 2000);

«Такая смерть даже лучше, чем *удавка*, опасная бритва или полет с двенадцатого этажа» (Максим Милованов. Естественный отбор. 2000);

«Шеи их да будут преданы веревке (на землю упала *удавка*), а тело – хищным зверям и птицам» (Дмитрий Соколов-Митрич. Sieg Heil!: Фашисты снова под Москвой. 2002)⁵ (здесь и далее подчеркнуто мною. – *Евг. Б.*).

В процессе сбора материала для данной статьи был проведен опрос студентов (2-й курс факультета журналистики РГГУ, средний возраст – 18,5 лет). Из 30 человек, отвечавших на вопрос «Что такое удавка, с вашей точки зрения?» – 11 респондентов (37 %) уверенно связали предмет с убийством, 6 (20 %) – с самоубийством. Более половины опрошенных воспринимают удавку прежде всего как орудие казни, преступления или сведения счетов с жизнью.

В целом материалы Национального корпуса русского языка в совокупности с результатами опроса дают основание считать глав-

ными сферами-источниками метафоризации существительного *удавка* смерть и криминал. Последняя оценивается Э.В. Будаевым и А.П. Чудиновым как одна из ведущих в политическом дискурсе⁶.

Выразительность рядов и полей, скрепленных артефактной метафорой «удавка – средство истязания или уничтожения», обеспечивается стабильным негативным эмоциональным полем существительного, а также сохранением ассоциативных связей, предопределяемых его прямым значением. Употребление слова в переносном значении не исключает предметной детализации процесса удушения. Все это гарантирует генерацию у читателя сильных отрицательных эмоций.

В данной статье рассматривается метафоризация слова *удавка*, осуществленная в 2015 г. авторами публикаций в изданиях противоположной политической направленности – либеральной «Новой газеты» и прокоммунистической газеты «Завтра». Выбор источников обусловлен, во-первых, их активной гражданской позицией, которая стимулирует поиск средств речевой экспрессии, и, во-вторых, тем, что в этих изданиях работает немало ярких публицистов (в «Новой газете» – Д. Быков, Л. Гозман, Ю. Латынина, А. Найман, О. Романова, И. Петровская; в газете «Завтра» – А. Дугин, К. Душенов, М. Елизаров, Э. Лимонов, А. Проханов и другие), обладающих узнаваемым индивидуальным стилем и настроенных на актуализацию выразительных потенций слова.

Анализ текстов показал, что в течение 2015 г. в «Новой газете» количество вхождений слова *удавка* относительно невелико – 8 (газета выходит три раза в неделю). Чаще всего образ удавки встречается в текстах, посвященных экономической проблематике. Журналисты упоминают, в частности, *голодную удавку*, *финансовую удавку*, *удавку монополизма*. Важно отметить два общих свойства данного метафорического образа, характерных для либеральных публицистов. Во-первых, удавка в их материалах выступает как средство не убийства, а жесткого контроля. Во-вторых, в тексте обычно не называется «преступник», в чьих «руках» удавка находится. Характерны такие, например, фрагменты:

«*Удавкой* на шее сельхозпроизводителей авторы программы считают нехватку специалистов» (НГ. 16.01.2015);

«После бразильского мундиала финансовая *удавка* в связи с неисполнением контракта затягивалась все туже, Толстых осталось только отбиваться от нападков, которые становились все ожесточеннее» (НГ. 03.06.2015);

«Это исключительно важно для решения тяжелейшей задачи – выгащить нашу экономику из *удавки* монополизма и капкана сырьевой зависимости» (НГ. 15.07.2015);

«“Общая” прожила счастливо и недолго. Экономическая *удавка* оказалась крепче политической» (НГ. 18.09.2015);

«Но инициаторы блокады отнюдь не ставили главной задачей затянуть на шею крымчан голодную *удавку*. В требованиях, выдвинутых участниками Гражданской блокады Крыма к властям РФ, нет и намек на прагматизм» (НГ. 25.09.2015);

«К нам вернулось самоуважение, мы начали осознавать себя как народ, самостоятельно освободившийся от идейного маразма, психологии осажденной крепости и *удавки* милитаризма, накинута той на шею еле дышавшей экономики» (НГ. 9.11. 2015).

Отдельные публицисты «Новой газеты» идут по пути абстрагирующей метафоризации, явно пренебрегая возможностью актуализировать и использовать для повышения уровня экспрессии ассоциативные возможности прямого значения слова. Так, в интервью, взятом Е. Масюк у подвергавшегося уголовному преследованию общественного деятеля, профессора М.В. Савва, говорится: «Без спецпроверки ФСБ гражданин России не может даже получить загранпаспорт. Это универсальная *удавка* для всей страны, непрозрачная и очень опасная» (НГ. 18.03.2015). В словосочетании «непрозрачная *удавка*» и существительное, и прилагательное должны, несомненно, восприниматься исключительно как метафоры – в противном случае образ становится абсурдным. «Непрозрачный» здесь – не являющийся «прозрачным» в переносном значении – «явным, открытым, незамаскированным»⁷. Тем не менее неизбежное восприятие конструкции в соответствии с прямыми, физическими значениями слов создает образ «петли для удушения, изготовленной из не пропускающего свет материала», нелепый и потому порождающий нежелательный комический эффект.

В отличие от либеральных публицистов, для которых *удавка* – одна из возможных, далеко не самых значимых метафор, некоторые авторы издания «Завтра» придают данному образу исключительное значение. В течение 2015 г. слово употреблено в еженедельной газете несколько десятков раз: отмечено более 30 первичных вхождений и многократное автоцитирование. Рассматриваемая метафора встречается в журналистских материалах, в публикуемых газетой художественных текстах и в читательских комментариях.

Показательно, что на протяжении 2015 г. в газете печатался роман Т. Весниной «Цветы для убийцы», в котором слово *удавка* используется для обозначения потенциального орудия убийства:

«Ну, предположим, ей удалось увернуться от шелковой *удавки*, хотя практически – это невозможно! Саша-Громила – опытный боец. Но даже если... Как она смогла ударить его по голове, что он

упал замертво?!.. И в силах ли девица затащить в машину мертвое тело весом в сто килограммов?» (Завтра. 22.05.2015).

На фоне этого текста, насыщенного образами, связанными со смертью и криминальной средой, *удавка* как метафора получает дополнительные эмоциональные оттенки. Само упоминание этого предмета, пусть и в переносном значении, способно вызвать у читателя пугающие ассоциации и соответственно породить состояние страха.

Отличительные черты метафоры, используемой публицистами газеты «Завтра» – это, во-первых, сохранение связи с прямым значением, открывающее простор для предметной детализации, и, во-вторых, частая конкретизация субъекта – называние того, кто пользуется удавкой для причинения кому-либо страданий, контроля или даже убийства.

В «Завтра», как и в «Новой газете», преобладает образ *экономической удавки*, но в большей степени конкретизированный. Неоднократно встречается *золотая* или *санкционная удавка*, накинутая на шею России или Украины западными лидерами или находящимися у них в подчинении непатриотичными местными политиками:

«Элита двухглавой» позорно «выступила» на международном «турнире по дзюдо». Во «втором туре» партнерами-западницами против одной из голов был применен «удушающий прием с использованием “санкционной *удавки* (горготы)”» (Завтра. 22.03.2015);

«Полная зависимость от США. Бесконечные кредиты, которые текут в карманы правителей, лишь затягивая *удавку* на горле простых людей. Нищета, голод, безработица. Это неполный список всех “благ”, которыми потчуют народ» (Завтра. 02.09.2015).

Авторы текстов регулярно употребляют в ближайшем словесном окружении метафоры *удавка* существительные *шея* и *горло*, включают в метафорическую цепочку подробности (в том числе физиологические) из сферы-источника, такие как *тугая*, *затягивать*, *ослаблять*, *брыкаться*, *дергаться*. Иногда эмоция ужаса переводится в эмоцию гнева, которая обращается против «душителя» и поддерживается интегративным и фасцинативным «мы»⁸.

Так, публицисты газеты «Завтра», говоря от лица всего народа, призывают читателей осознать, что россияне губят себя, когда не оказывают сопротивления враждебным силам:

«Страх перед отключением от финансирования и изъятия лицензии заставляет всех быть соучастниками Плана Даллеса. Мы сами стягиваем *удавку* на своей шее» (Завтра. 06.04.2015);

«Конечно, подобное решение ЕС с радостью реализует, и при этом их “руки остаются чистыми”, ведь *удавку на шею* экономики России *мы* одеваем руками *наших* чиновников!» (Завтра. 20.07.2015).

Характерен в этом отношении отрывок из статьи М. Леонтьева:

«Принято решение нас *душить*. До *смертельного* исхода. Но *душить* медленно (это принципиально важно), чтобы мы по ходу *не брыкались*. Чтобы, когда мы сообразим, что это действительно *смертный приговор*, *брыкаться* было уже поздно. Поскольку ущерб от нашего *брыкания* даже в локальных формах представляется неприемлемым для организаторов *удушения*. В этом и суть *войны* нового поколения, направленной на *удушение* неконтактными средствами. С помощью инструментов, находящихся в распоряжении глобального регулятора.

Для этого *удушение* должно сопровождаться намеками на возможность *ослабить удавку* в случае правильного поведения и даже, возможно, периодическими, легкими ее *ослаблениями*, что должно подкреплять позиции пятой и еще более шестой (встроенной в действующую систему власти) колонны. Мол, смотрите, если не *брыкаться*, то ведь и *подышать* дают» (23.01.2016).

Используемые публицистом приемы вербального воздействия: употребление слов из тематических полей «смерть» и «война», многократные лексические повторы, речь от первого лица, подчеркивающая антиномию «мы–они», – формируют текст высокой степени агональности⁹.

Эмоциональная сфера человека едина: усиление одной эмоции может способствовать возникновению другой. Читатель статьи М. Леонтьева испытывает страх и отвращение, неизбежно порожаемые подробным описанием процесса удушения и слабых, бесполезных попыток жертвы к сопротивлению. При этом жертва позиционируется в тексте как «мы», что заставляет читателя идентифицировать себя именно с ней, проникаться эмпатией, переносить на себя состояние предсмертного ужаса. Отсюда – по крайней мере, у части аудитории – с неизбежностью следует новая эмоциональная волна, в которой преобладают возмущение, гнев, ярость, ненависть к мучителю.

Таким образом, пользуясь терминологией В.И. Шаховского, слово *удавка* в переносном значении можно рассматривать как коннотатив. У таких лексем коннотация «сопровождает метафорическое значение в виде эмотивной семы, соотносящейся с определенной эмоцией, которая вызывается у говорящего соответствующим объектом действительности»¹⁰. В данном случае надо говорить не об одной, а о нескольких взаимосвязанных эмоциях, в том числе страхе, отвращении и гневе.

Следует согласиться с тем, что «приметой нашего времени становится использование современными СМИ лексики, заряженной преимущественно отрицательными эмоциями, которые отражаются в семантике, коннотациях и ассоциациях используемых слов, коррелируют с определенной категориальной ситуацией российского социума»¹¹.

Проведенное исследование позволяет предположить (хотя исследованный материал пока недостаточно объемный для окончательных выводов), что публицисты ультрапатриотической и прокоммунистической прессы более склонны к применению речевых приемов эмоционального воздействия, чем авторы, публикующиеся в изданиях либеральной направленности. При метафоризации слова *удавка* журналистами «Новой газеты» образ имеет подчеркнуто условный характер. В газете «Завтра» метафора *удавки* активизирует весьма востребованный в воздействующем дискурсе фактор страха.

Современные периодические издания действуют в строгом соответствии с пропагандистскими принципами создания черно-белой картины мира и эмоционального нагнетания¹². Удавка в «их» руках как оружие преступления против «нас» – яркий эмоциональный образ, провоцирующий возмущение и агрессию, расцениваемую адресатом в качестве ответной. Еще сильнее способна повлиять на эмоциональную сферу читателя метафора удавки, накидываемой на шею народа чиновниками – предателями национальных интересов – и самим народом, своих интересов не сознающим.

С помощью подобных речевых ходов публицисты добиваются от читателя состояния крайнего раздражения, возмущения, даже ярости. Такой эмоциональный фон идеален для не критического восприятия и усвоения идеологических установок. По словам теоретика пропаганды Ж. Элюля, пропагандист «трансформирует идеи в лозунги и, давая индивиду “Слово”, убеждает его в том, что у него есть мнение»¹³.

Примечания

¹ Гарифуллин Р.Р. СМИ: психологические основы садо-мазохизма и деструктивной эстетики // Пси-фактор. [Электронный ресурс] URL: <http://psyfactor.org/lib/sado-masochism.htm> (дата обращения: 25.11.2015).

² Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. Т. 16. М.; Л.: Наука, 1964. С. 281.

³ См., например: Скрыгин Л.Н. Морские узлы. М.: Транспорт, 1994.

- ⁴ См., например: Ваша собака: Энциклопедический справочник. М.: Русское энцикл. товарищество: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 182.
- ⁵ Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] URL: http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F3%E4%E0%E2%EA%E0 (дата обращения: 24.03.2016).
- ⁶ *Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург: Урал. гос. пед. у-т, 2006. С. 120–121.
- ⁷ Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998. Авторская редакция 2014 г. [Электронный ресурс] URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B7%D1%80%D0%B0%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9/> (дата обращения: 23.03.2016).
- ⁸ *Романов А.А., Романова Е.Г., Воеводкин Н.Ю.* Имя собственное в политике: язык власти и власть языка. Тверь: Лилия ЛТД, 2000. С. 23.
- ⁹ Об агональности как «как одной из базовых характеристик политического дискурса, связанных с интенцией борьбы за власть», см.: *Шейгал Е.И., Дешевова В.В.* Агональность в коммуникации: структура понятия // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 36. Филология. Искусствоведение. 2009. № 34. С. 145–148.
- ¹⁰ *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. С. 81–82.
- ¹¹ Там же. С. 275.
- ¹² *Зелинский С.А.* Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание: средства массовой коммуникации, информации и пропаганды – как проводник манипулятивных методик воздействия на подсознание и моделирования поступков индивида и масс. СПб.: Скифия, 2008. С. 23.
- ¹³ *Ellul J.* Propaganda: The Formation of Men's Attitudes. N.Y.: Knopf, 1966. P. 163.

Ю.В. Яковлева

РЕЧЕВЫЕ МАСКИ КАК ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ АГРЕССИИ В СОВЕТСКОЙ ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОЙ ПОЛЕМИКЕ 20-х гг. XX в.

В статье исследуется практика использования речевых масок как разновидности языковой игры в полемических материалах советских литературно-художественных изданий 20-х гг. XX в. Предлагается рассматривать речевую маску как один из видов проявления речевой агрессии в публицистическом тексте.

Ключевые слова: речевая маска, языковая игра, полемика, экспрессия, речевая агрессия.

Речевая агрессия – явление, которое трактуется сегодня широко: от использования стилистически маркированных языковых средств до целенаправленного подавления речевой деятельности оппонента¹. Это явление в высокой степени характерно для СМИ, стремящихся оказывать активное влияние на общественное мнение, особенно во времена социальной нестабильности.

Примеры проявления речевой агрессии можно найти в дискуссионных материалах советской прессы 1920-х гг. В этот период велась острая полемика о перспективах развития культуры, в частности – литературы. В числе проблем, вызывавших бурное обсуждение, – роль искусства в общественной жизни, приоритет вдохновения или социального заказа, отношение к буржуазному наследию.

Одним из главных центров литературной борьбы стал появившийся в марте 1923 г. журнал «ЛЕФ» под руководством В.В. Маяковского. В редакцию журнала входили Н.Н. Асеев, Б.И. Арватов, О.М. Брик, Б.А. Кушнер, С.М. Третьяков, Н.Ф. Чужак. В «ЛЕФе» печатались М.Ю. Левидов, В.Б. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум, Ю.Н. Тынянов, Б.В. Томашевский, Л.П. Якубинский, Г.О. Винокур, кинематографисты С.М. Эйзенштейн и Дзига Вертов, публиковалось наследие В.В. Хлебникова. Большинство сотрудников и

авторов «ЛЕФа» являлись продолжателями футуристической традиции. Именно это обстоятельство вызывало основные нападки на «ЛЕФ» со стороны ратовавших за реалистическое искусство оппонентов, главным из которых стал журнал Российской ассоциации пролетарских писателей «На посту», возникший в июне 1923 г. По словам Г.О. Винокура, «футуризм ставил перед собой проблему массового языка», а футуристы «вступили на путь непосредственного и сознательного языкового изобретательства»².

Поэтому от остальных участников литературных баталий левовцев отличало стремление к словотворчеству, в том числе к использованию в качестве полемиического приема языковой игры.

Языковая игра (понятие введено Л. Витгенштейном в «Философских исследованиях», 1953 г.) стала объектом изучения многих лингвистов, в том числе в России: Т.В. Булыгиной, Т.А. Гридиной, И.Н. Горелова, Е.А. Земской, Н.А. Николиной, А.Д. Шмелева. А.П. Сковородников называет языковой игрой «творческое, нестандартное использование любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе комического характера»³. И.Н. Горелов и К.Ф. Седов понимают под языковой игрой осознанное отклонение от норм общения с целью достичь экспрессии, главным образом – эффекта комизма⁴.

Языковая игра реализует эмотивную и экспрессивную функции языка⁵, является «своеобразным мостиком между рациональной и эмоциональными составляющими речевой деятельности»⁶. В полемике языковая игра выполняет не только развлекательную, но и оценочную функцию, способствует формированию представлений об обсуждаемых явлениях и поведении противника. При негативной оценке языковая игра может служить средством выражения речевой агрессии.

Игра способна затрагивать фонетический, лексический, фразеологический, словообразовательный, морфологический и синтаксический уровни речи. Е.А. Земская, М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова считают самым частым, простым и распространенным способом языковой игры прием речевой маски⁷. Подражая стилю общения выбранного персонажа, говорящий наполняет свою речь, «инкрустирует»⁸ свои высказывания словами и оборотами, имеющими соответствующие фонетические, морфологические, лексические и прочие особенности. Не стремясь воспроизвести чужую речь полностью, говорящий «бросает отдельные яркие мазки, наиболее характерные приметы чужого голоса»⁹. Большинство исследователей указывают на то, что одной из наиболее употребительных является **просторечная речевая маска**.

Такую речевую маску выбрал автор статьи «Критическая оглобля» (ЛЕФ. 1923. № 3. С. 13–17), подписавшийся псевдонимом Голкор. В статье-ответе на критические материалы в журнале «На посту» обыгрывается образ милиционера (имеются в виду напостовцы – критики «ЛЕФа»), стоящего на посту. Вместо жезла он держит оглоблю и время от времени опускает ее на головы тех, кто попался под руку.

Помимо довольно большого количества слов просторечных¹⁰ («хрястнуть», «огреть», «садануть», «отдуться», «дядя») и разговорных¹¹ («смачно», «кукиш», «призадуматься», «поделом», «ухмылка», «навязнуть»), автор использует пословицы, поговорки, «народные» устойчивые выражения¹² («аж искры посыпались», «в ушах у него зазвенело», «а ты, кума, не подвертывайся», «жарит в хвост и в гриву», «разделявает под орех»).

Часть предложений построена так, чтобы порядком слов и ритмикой они напоминали фольклорные выражения, например: «Хрястнула она <оглобля> на голове у левого фронта *смачно*, со вкусом, *аж искры посыпались*» (курсив мой. – Ю. Я.). «На кого же вы оглобелюшку выстругали», – интересуется автор у оппонентов. Вскоре он сам находит ответ на свой вопрос, обнаружив у противников стремление «огреть оглоблей именно “Леф”, да так чтобы *в ушах у него зазвенело*». «Пощупаем величину мишени на собственном затылке и *призадумаемся*: может быть и *поделом* попало, – продолжает рассуждать автор. – Или так по пословице: “*а ты кума не подвертывайся*”».

Некоторые устойчивые выражения подвергаются в статье трансформации. Так, фразеологизм «плевать в глаза»¹³ превращается в «историческое забрызгивание слюной вражеских глаз».

Простонародный стиль подчеркивается и употреблением слов с уменьшительными суффиксами, такими как «оглобелюшка», или в совете противникам обойтись без «*ухмылочек*, кивков, кривых *усмешечек*».

Сочетание разговорного¹⁴ слова с фамилией влиятельного в тот момент партийного лидера не останавливает автора. «Ведь т. Троцкий за всех вас [...] не может же *отдуться*», – напоминает Голкор оппонентам.

Милиционер с оглоблей порой обретает черты то одного, то другого напостовца: С.А. Родова, которому «приходится взбираться на самые высокие ходули», чтобы «*поплевать через левое плечо* в сторону [...] футуриста»; Г. Лелевича, который «нехотя и медля выставляет *кукиш в кармане* В. Маяковскому»; Б.М. Волина, который «*разделявает под орех* другого лэфовца О. Брика» и «с размаху оглоблей *саданул* автора, радуясь очевидно своей удали».

Указание на несерьезность претензий напостовцев и их несостоятельность содержится в рассуждении автора статьи на тему, «не *всунута* ли ему [милиционеру] в руки это вместо жезла оглобля каким-то веселым *дядей*, любящим подшутить [...] *Садани* мол в эту сторону, а по другой тогда само по себе образуется».

Таким образом, с помощью просторечных и разговорных слов, а также фразеологизмов автору удается создать яркие иронические образы противников, демонстрирующие их нелепое и нелогичное, как он считает, полемическое поведение. Просторечная языковая маска, используемая на протяжении всей статьи, служит средством выражения речевой агрессии по отношению к оппонентам.

Авторы коллективной статьи «Подемсмесь» (ЛЕФ. 1923. № 3. С. 34–40) выбрали **фамильярную речевую маску**. Фамильярность по отношению к критикам «ЛЕФа», которым левовцы дали окказиональное наименование «лефогрызы», выражается в просторечных обращениях («Папаша, перекреститесь!») и иронических приветствиях («Третьяков увлекается Крученыхом и заузью, ибо она ему в новинку. *Здравствуйте, Бобров!* Третьяков уже в 1913 году был с новым искусством»).

В уста оппонентов левовцы вкладывают выражения с использованием просторечных и разговорных слов, что также можно расценить как фамильярность. «Разбери их, который Брик, который Чужак! Оба на “к” кончаются», – якобы говорит сотрудник газеты «Известия», пишущий под псевдонимом Альфред, который, по просторечному выражению левовцев, «обоврался», перепутав «Чужака с Бриком». «И нечего вам, живопись, на улицы лезть! Так говорит Щекотов», – пишут авторы «Подемсмеси». Критику Городецкому (выступление которого в журнале «Красная нива» левовцы определили уничижительным звукоподражательным словом «тявк») приписывается недостойное и смешное поведение: «Не тот ли это самый Городецкий, который буквально на днях еще ухаживал за мертвым Хлебниковым (заумником) и мечтал о журнале Левого Фронта с припевкой “и я, и я!” А теперь в припрыжку¹⁵ за лефогрызами тоже кричит “и я! и я!”».

Вывод авторов статьи о полемических привычках всех критиков-«лефогрызов» также содержит фамильярные, грубо экспрессивные, негативно-оценочные выражения: «Згара-амбу треплют, а того что *под носом* – не видят. Требуем равноправия, а то у нас возникают, *чорт его знает*, какие ассоциации», «У критиков достаточно *заскочить одной пружинке в голове*, чтобы *галопом понеслось беззаветное мракобесие*».

Фамильярная языковая маска служит авторам статьи «Подемсмесь» для унижения, высмеивания критиков «Лефа», указания

читателям на отсталость взглядов, недостойное поведение и низкий интеллектуальный уровень оппонентов, определяемые лефовцами как «мракобесие», то есть враждебное прогрессу, культуре, науке¹⁶. По мнению автора наиболее полного исследования феномена речевой агрессии¹⁷ Т.А. Воронцовой, «понижение его [оппонента] статуса в глазах публики [...] рассчитано на [...] перлокутивный эффект – подорвать доверие к точке зрения оппонента».

В статье «Другой конец палки» (ЛЕФ. 1923. № 3. С. 12) поэт Н.Н. Асеев отвечает на критическую статью В.И. Лебедева-Полянского, опубликованную в журнале «Печать и революция», с помощью **наивной речевой маски**. Асеев, конечно, уже прочитал статью Лебедева-Полянского и пришел к выводу, что критика, которой тот подвергает его поэтическое мастерство, никакого внимания не заслуживает. Однако ему недостаточно просто сказать об этом читателю. Поэту требуется, чтобы читатель самостоятельно пришел к аналогичному заключению. Для этого он проводит его по всему «маршруту» сначала, «надев» наивную речевую маску. Н.Н. Асеев демонстрирует притворную готовность к диалогу из мнимого уважения к профессии оппонента: «Тов. Лебедев-Полянский – литературный критик. Я очень чуток ко всякому критическому замечанию». Поэт «искренне недоумевает», чем не угодил критику. Цитаты из статьи Лебедева-Полянского Асеев сопровождает собственными риторическими вопросами и демонстрацией полной неспособности понять язык (который, как выяснится позже, «неряшлив и неотесан», загроможден «косноязычием самого беспомощного вида») и мысли этого литературного критика: «Спрашивается, что хотел сказать и что сказал столь странным оборотом т. Лебедев-Полянский?»; «Чем не заумь?»; «Ну куда же Алеше Крученых до такой непосредственности!?!»; «Неужели т. Лебедеву-Полянскому приходится в экспедиции работать? Или это он только так языком “ворочает” издания? Непонятно»; «Что такое “сознательный идеал”, мы так и не догадались».

Созданию наивной речевой маски способствует использование глаголов с префиксом и частицей «не», связанных с интеллектуальной деятельностью: «недоумевать», «не понимать», «не догадываться». Притворную искренность демонстрируют и описания собственного эмоционального состояния, изображающие все большую степень раскаяния: «Признаюсь. Каюсь. Мое сознание разорвано в клочки». Заканчивается пассаж наивным, практически «детским» обещанием: «Не буду больше». Однако относится оно не к решению не писать больше стихов, а к обязательству не читать больше статей Лебедева-Полянского. Н.Н. Асеев остается верен взятой на себя роли. Статью он заканчивает цитатой Лебедева-

Полянского и выражает готовность следовать его совету: «Вступлю на путь здоровой реакции и по совету т. Лебедева-Полянского постараюсь быть “реалистом и очень последовательным, хотя и не ультра”». Какова искренность этих признаний, читатели, конечно, уже поняли. Наивная речевая маска помогает автору статьи представить своего противника в крайне невыгодном свете перед читателями, то есть служит способом выражения речевой агрессии.

Итак, на примере использования речевых масок как одного из видов языковой игры в полемических материалах журнала «ЛЕФ» можно увидеть многоплановость и прагматичность данного приема.

С одной стороны, речевая маска, служащая созданию комического эффекта, призвана развлечь читателя, обеспечить его симпатию к автору и тем самым способствовать победе в полемике.

В то же время авторы дискуссионных материалов, надевшие речевую маску, стараются с ее помощью выразить иронию, негативные эмоции по отношению к оппоненту, представить его в крайне невыгодном образе, дискредитировать в глазах читателя, то есть пользуются ею как средством выражения речевой агрессии.

Способность находить эффектные, разнообразные полемические приемы характеризует участников дискуссии как обладателей творческого, нестандартного мышления, высокого уровня словесного мастерства, а также опытных полемистов. Однако следует предостеречь современных журналистов от чрезмерной увлеченности поисками наиболее ярких приемов словесной борьбы, стремлении одержать победу любой ценой, так как это может стать препятствием при попытках разобраться в существе обсуждаемой проблемы, то есть в перспективе привести к коммуникативной неудаче.

Примечания

¹ См., напр.: Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации / В.М. Амиров, Л.В. Енина, Н.А. Купина. Екатеринбург: УрГУ, 1997; Агрессия в языке и речи: Сб. науч. ст. / Ред. И.А. Шаронова. М.: РГГУ, 2004; Речевая агрессия в современной культуре: Сб. науч. трудов / Науч. ред. и сост. М.В. Загидуллина. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2005; *Воронцова Т.А.* Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2006; *Щербинина Ю.В.* Вербальная агрессия. М.: Изд-во ЛКИ, 2008; Конфликт в языке и коммуникации. М.: РГГУ, 2011.

² *Винокур Г.О.* Культура языка. М.: Федерация, 1929. С. 306.

³ *Сковородников А.П.* О понятии и термине «Языковая игра» // Филологические науки. 2004. № 2. С. 79.

- ⁴ Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2010. С. 188.
- ⁵ Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. С. 174.
- ⁶ Торотова О.В. Языковая игра как важнейший принцип смыслопорождения на стыке языка и речи // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). Филология. Искусствоведение. Вып. 73. С. 276.
- ⁷ Русская разговорная речь: Фонетика... С. 180.
- ⁸ Там же. С. 181.
- ⁹ Там же. С. 180.
- ¹⁰ Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова: В 3 т. М.: Госинт-т «Советская энциклопедия», 1935–1939.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М.: Советская энциклопедия, 1967.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Толковый словарь русского языка...
- ¹⁵ Орфография оригинала.
- ¹⁶ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 368.
- ¹⁷ Воронцова Т.А. Речевая агрессия: Вторжение в коммуникативное пространство. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2006.

С.А. Арасланова

ОБРАЗ МУЖЧИНЫ
В ЗЕРКАЛЕ МЕТАФОР
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОРТРЕТНЫХ ОЧЕРКОВ
РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ ЖУРНАЛА “VOGUE”)

На основании исследования тематических групп метафор автор статьи дает характеристику образа современного мужчины, который транслируется в медиапространство глянцевым изданием. Материалом исследования стали портретные очерки “Vogue” – всемирно известного журнала о моде и стиле жизни.

Ключевые слова: метафора, портретный очерк, глянцевая пресса, журнал “Vogue”, образ мужчины.

Глянцевый журнал “Vogue” – в отличие от мужского глянца (“GQ”, “FHM”, “Maxim”) и женского (“Cosmopolitan”, “Elle” и “Glamour”) – позиционируется как журнал о моде и стиле жизни¹, что предполагает наличие в составе читательской аудитории не только женщин, но и мужчин². Помимо обзоров недель моды и новых коллекций, в свои лучшие годы русский “Vogue” выпускал аналитические статьи о моде и культуре, а также серьезные интервью с представителями мира моды, культуры и искусства. Однако после прихода нового главного редактора в конце 2010 г. несколько изменился и вектор развития журнала: аналитическая составляющая уступила место портретным очеркам об успешных и популярных людях.

Поскольку “Vogue” – журнал «имиджевый», героями портретных очерков становятся как женщины, так и мужчины: интеллектуальную элиту общества представить без них нельзя. Мужчина, чья личность способна заинтересовать “Vogue”, обладает определенным статусом, к которому стремится и читатель. Чтобы объяснить, каким ценностям служит их герой, журналисты “Vogue” обращаются к жанру портретного очерка. Публицистический образ, который транслируется читателю, создается множеством выразительных средств. Метафора является одним из самых распростра-

ненных – основанная на переносе наименования по сходству, она может передавать и личную авторскую оценку, и образное восприятие реалий современного мира.

Чтобы подробнее рассмотреть, как идеи, воплощенные в метафорическом образе, реализуются в тексте портретного очерка и создают характеристику персонажа, мы изучили тематические группы метафор, представленных в текстах журнала “Vogue”. Каждой группе соответствует своя идея: тематической группе «Война» – идея битвы, борьбы; тематической группе «Религия» – идея обожествления, тематической группе «Власть» – идея властвования и так далее³.

Для данного исследования из «мужских» портретных очерков методом сплошной выборки было отобрано около 150 образных⁴ метафор. С помощью объединения метафор в тематические группы, обратившись к семантическому и частотному анализу, мы установили, какие черты образа мужчины являются самыми важными для авторов журнала. В статье описаны наиболее значимые для формирования образа главного героя очерка тематические группы метафор. Охарактеризовать все тематические группы, обнаруженные в портретных очерках, в рамках одной статьи не представлялось возможным.

Самой многочисленной тематической группой метафор (далее ТГМ), используемой при создании образа мужчины, стала группа «Война» (5,5 %) ⁵. В глазах мужчины, чей образ формируется журналом “Vogue”, мир предстает театром военных действий.

Так, признание «мальчика из американской глубинки» Дэвида Холберга – будущего известного танцора – в любви к балету *ранит* его семью. Позже ему приходится «*биться* за каждый сантиметр карьеры». В заголовок очерка об актере Максиме Матвееве вынесена фонетическая аллюзия на фильм режиссера Тима Бертона «Марс атакует» – «Макс *атакует*».

Однако чаще речь идет не об атаке, а об обороне. Дэвид Холберг, по словам журналиста, «выставляет *щит*»⁶, защищаясь от назойливых вопросов-стрел интервьюера. Аналогичная ситуация складывается у героев двух других портретных очерков, актеров Максима Матвеева и Сергея Безрукова: журналист «бессилен пробить *броню* мужчины, прекрасного во всех отношениях», «безруковскую *броню*, кажется, ничто не в силах пробить». Актеры закрываются от внешнего мира, и добраться до настоящего, живого человека оказывается чрезвычайно сложно.

С неожиданной стороны открывается образ мужчины и при рассмотрении ТГМ «Религия» (4,8 %). Героя можно назвать *фанатиком* своего дела (в случае с Сергеем Безруковым – актерского

искусства). Окруженная другими характеристиками актера («аскет, мизантроп, берегущий себя для искусства»), эта метафора в полной мере раскрывает перед читателем его образ. Театральный режиссер-постановщик Миндаугас Карбаускис «сам себя сослал в информационный *монастырь*». Мужчина “Vogue” предстает перед читателем закрытым, немного экзальтированным человеком, который скрывается от реального мира, охраняя свой талант и лелея собственное творчество.

Очевидно, что в характеристике мужчин в журнале “Vogue” нельзя было обойтись без ТГМ «Власть» (2,8 %). Так, оперный певец Дмитрий Хворостовский *царит* на сцене, и солнцезащитные очки не просто заканчивают, но *венчают* его образ, словно корона. Дизайнер Альбер Эльбаз является *властителем* умов людей из мира моды.

ТГМ «Экономика. Деньги» (2,8 %) показывает отношение и творческих людей к публике, и общества к творческим людям. Нью-йоркский театр, где работает Дэвид Холберг, назван автором *копилкой звезд* и сравнивается с футбольным клубом. На поклонниках можно *скопить* зрительский *капитал*», чтобы потом стать большим драматическим артистом и, как актер Сергей Безруков, не *растрачивать* себя на бессмысленные удовольствия.

Согласно тематической группе «Развлечения» (4,1 %), актер Сергей Безруков – *шут* и *лицедей*, который *жонглирует* образами-памятниками. Шут – это тот, кто кривляется и балагурит на потеху другим⁷, лицедей же – не только актер, артист в прямом значении, но и притворщик – в переносном⁸, *жонглировать* – ловко, но произвольно обращаться с фактами или словами⁹. Создается впечатление, что эти метафоры призваны не подчеркнуть основательность творческого ремесла, а показать изменчивость и непостоянство служителей культуры и искусства.

Крайне важны для создания образа мужчины метафоры ТГМ «Некомфортное состояние» (7,6 %). Миндаугас Карбаускис *застывает* у кулис с напряженной улыбкой, словно ожидая подвоха. Танцор Дэвид Холберг, достигнув больших успехов в карьере, в разговоре все равно остается *зажат*, он «оглушительно» *захлопывается*, когда автор задает ему неудобные вопросы. Актер Олег Меньшиков *взваливает* на себя *бремя*, обременяет себя ответственностью, в то время как судьба *выкручивает* его, словно влажное белье после стирки. Сдержанные, закрытые, напряженные, мужчины “Vogue” не позволяют себе откровенно проявлять эмоции.

Показательны метафоры ТГМ «Работа, ремесло и профессия. Сельское хозяйство» (4,1 %). Танцор Дэвид Холберг принадлежит

к «школе, которая *культивируется* столетиями», а режиссер-постановщик Миндаугас Карбаускис «*прививает* Москве любовь к настоящему искусству» – и это наводит на мысль, что в одной из культурных столиц мира не имеют ни представления о том, что такое настоящее искусство, ни желания это узнать. Но роль Миндаугаса Карбаускиса весьма похвальна: он оказывается «садовником», который может вырастить в людях любовь к искусству.

Одна из метафор тематической группы «Температура» (1,4 %) помогает охарактеризовать Сергея Безрукова, который обладает не просто ледяным, а «леденящим» взглядом, то есть взглядом максимально «враждебно-холодным»¹⁰.

Актер Максим Матвеев – единственный из всех мужчин-героев портретных очерков “Vogue”, кто обладает общепринятыми мужскими качествами и характеристиками: *металл* в голосе, *сталь* в глазах, *железная* хватка пальцев. Он же, как утверждает автор, не *забронзовел* после первых успехов, не превратился в памятник самому себе. Дмитрий Хворостовский заключает себя в *железные* объятия, а Миндаугас Карбаускис *железной* рукой прививает другим любовь к настоящему искусству. Возможно, эти железные руки из ТГМ «Металлы и сплавы» (4,8 %) помогают мужчинам сдерживать себя и идти вперед к своей цели, не обращая внимания на то, что может их отвлечь.

Метафоры различных тематических групп связаны в первую очередь с внутренним состоянием героя: влияние извне служит основой для его внутренней работы над собой. Но быть уверенным в том, что результаты этой работы будут направлены во внешний мир, нельзя – мужчина “Vogue”, за редким исключением, делится «собой» неохотно.

В метафорах, использованных авторами для создания мужского образа, есть только отдельные указания на самодостаточность главного героя, его силу и решительность. В большинстве случаев они создают образ уставшего от жизни и от своей популярности человека, человека, может быть, духовно слабого. Причем эту слабость сам журнал преподносит как достоинство и некую гениальную «отрешенность» от мира, что создает несколько противоречивый и не всегда однозначно привлекательный образ. Но вероятно, это именно тот образ, который хочет видеть аудитория журнала, ищущая подтверждение мифу о непонятом и непонятом мужчине.

- ¹ «Основа влияния и авторитета бренда “Vogue” – уникальная роль журнала как культурного барометра для аудитории по всему миру. “Vogue” помещает моду в контекст культуры и мира, в котором мы живем, – как мы одеваемся, живем и общаемся; что едим, слушаем и смотрим; чем вдохновляемся», – сообщает англоязычный сайт издательского дома Conde Nast, к которому принадлежит “Vogue”. [Электронный ресурс] URL: <http://www.condenast.com/brands/vogue> (дата обращения: 10.03.2016).
- ² По данным независимой исследовательской компании «TNS Россия» за 2015 г., женщины составляют 82 % целевой аудитории журнала, мужчины – 18 %. [Электронный ресурс] URL: <https://www.condenast.ru/portfolio/magazines/vogue/circulation/> (дата обращения: 10.03.2016).
- ³ *Солганик Г.Я.* О специфике газетно-публицистической метафоры // Журналистика и культура русской речи. 2002. № 2. С. 36.
- ⁴ «Образная метафора (субстантивная, адъективная и глагольная) наиболее устойчива. Переход метафоры к осуществлению вторичной для нее функции номинации исключает семантическую двуплановость, т.е. ведет в конечном счете к гибели метафор» (*Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 366). Было решено исследовать только образные метафоры еще и потому, что задача портретного очерка – создать *образ* человека и донести этот образ до читателя.
- ⁵ Цифры в круглых скобках показывают, какой процент составляют метафоры данной тематической группы от общего числа метафор, раскрывающих образ мужчины в рассматриваемых текстах.
- ⁶ Здесь и далее метафоры, обнаруженные в анализируемых портретных очерках, выделены в тексте статьи курсивом.
- ⁷ Так в Толковом словаре русского языка определяется переносное значение слова «шут». См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. С. 820.
- ⁸ Там же. С. 456.
- ⁹ Там же. С. 221.
- ¹⁰ Там же. С. 442.

Я.Е. Каневская

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
В ЗАГОЛОВКЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА
(на материале интернет-СМИ)

В данной статье на материале электронных СМИ анализируется назначение вопросительных конструкций, включенных в заголовки публикаций. Автор выявляет высокий прагматический потенциал вопросительных предложений, выполняющих функции привлечения внимания, информирования, эмоционального воздействия, текстообразования и некоторые другие.

Ключевые слова: прагматический потенциал, вопросительные конструкции, заголовок, публицистический текст, интернет-СМИ, ТЭК.

Заголовок – особая часть журналистского материала, которая одновременно является частью и публикации, и полосы (в интернет-СМИ – веб-страницы), и всего издания (сайта, портала). При этом заголовок сохраняет относительную самостоятельность: он может быть прочитан вне связи с журналистским материалом и, взятый сам по себе, уже несет читателю определенную информацию¹.

Как и журналистский материал в целом, заголовок направлен на достижение ряда прагматических целей, среди которых – информирование аудитории, формирование или изменение ее картины мира, влияние на общественное мнение. Цели достигаются при помощи различных языковых средств². В данной статье анализируется прагматика использования в заголовках интернет-публикаций такого экспрессивного средства, как вопросительная конструкция.

Для проведения исследования методом сплошной выборки были отобраны вопросительные заголовки материалов, размещенных на сайтах, посвященных сфере ТЭК (топливно-энергетического комплекса). К анализу заголовков данных изданий было решено обратиться, так как топливно-энергетический комплекс –

один из самых важных жизнеобеспечивающих экономических секторов страны. От положения в нем во многом зависит успешность проводимых экономических реформ. Нефть и торговля ею лежат в основе международных отношений, являются причиной конфликтов между странами и коалициями. Проблемы и тенденции развития рынка нефти – одна из самых актуальных тем.

Вопросительные конструкции, встречающиеся в анализируемых источниках, имеют риторический характер: журналист не рассчитывает на ответ со стороны адресата³. «Риторический вопрос – это стилистическая фигура, состоящая в том, что вопрос ставится не с целью получить на него ответ, а чтобы привлечь внимание читателя/слушателя к тому или иному явлению...»⁴.

Однако необходимо учитывать, что риторический вопрос в заголовке публицистического текста имеет существенную специфику. Например – один из исследуемых заголовков: «Зачем “Газпром” рвется в электроэнергетику?»⁵. Вопрос задается не только с целью привлечь внимание читателя к политике корпорации. Предполагается, что в тексте журналистского материала содержится ответ на вопрос, поставленный в заголовке. Выбор заголовка обусловлен стремлением редакции помочь аудитории сориентироваться в журналистском материале, настроить читателя на получение определенной информации.

В ходе исследования были выявлены несколько типов вопросительных конструкций, характерных для сайтов, посвященных сфере ТЭК.

К первому типу относятся **вопросы, являющиеся частью чужой речи**: экономический обозреватель Сергей Черкасов: «*Когда кончится нефть?*»⁶; нефтяной эксперт Вячеслав Кулагин: «*Что даст Кашаган России и Азербайджану?*»⁷. В этих случаях вопросительные конструкции передают эмоции цитируемого автора, его отношение к тому, о чем говорится. Такой заголовок выполняет одновременно функции экспрессивной вопросительной конструкции и цитаты. Вопрос, заданный экспертом, интригует аудиторию и усиливает ее интерес к публикации.

Ко второму типу принадлежат **вопросительные конструкции, включенные в журналистский текст**. Как и вопросы, заданные от лица специалиста, они относятся к разряду «обещающих», то есть настраивают читателя на получение важной для него и, безусловно, достоверной информации: Заголовки-вопросы «*Что будет, если Украина не отдаст долг?*»; «*Зачем США снимают запрет на экспорт нефти?*»; «*Что принесет прокладка нефтепровода?*»¹⁰. Некоторые из подобных заголовков имитируют диалог с читателем («*Нефть дешевая... подумайте, а надолго?*»¹¹),

позволяя ему почувствовать себя равноправным участником коммуникации.

Общие вопросы с частицей *ли* требуют утвердительного или отрицательного ответа: *Слезет ли Россия с нефтяной иглы?*²¹²; *Слезем ли мы с нефтяной иглы?*²¹³; *Будет ли альтернатива российской трубе?*²¹⁴. Читатель вправе ожидать от следующих далее материалов четкости и определенности ответа. Дополнительную экспрессию эти заголовки приобретают благодаря использованию метафор и метонимии.

Наряду с общевпросительными журналисты применяют частновпросительные конструкции. В изученных источниках среди вопросительных слов количественно преобладает наречие *зачем* и синонимичное ему словосочетание *с какой целью*: *Зачем России нужен договор ЕАЭС?*²¹⁵; *Зачем государству нефтепровод?*²¹⁶; *Зачем нам море, пахнущее нефтью?*²¹⁷; *С какой целью Россия скупает золото?*²¹⁸.

Особенность вопросительного предложения со словом *зачем* заключается в том, что оно нередко используется как средство не постановки вопроса, а возражения и проявления негативного отношения к каким-либо действиям. Так, заголовок *Зачем нам море, пахнущее нефтью?* сигнализирует об уверенности автора в том, что рассматриваемый проект не просто не нужен России – он, по мнению автора материала, опасен (в статье журналист ссылается именно на такое экспертное мнение).

Наряду с названными выше вопросительные конструкции выполняют текстообразующую функцию. Так, отвечая на поставленный в заголовке вопрос *Какой нефтепровод лучше для Иркутской области?*²¹⁹, журналист анализирует и сопоставляет проекты строительства нефтепроводов компаниями «Транснефть» и «ЮКОС».

Вопрос *К чему приведет снижение цены на нефть?*²²⁰ заставляет автора привести мнения финансистов Financial Times из России, Ирана, Шотландии и Саудовской Аравии относительно возможных итогов падения цены на «черное золото». Заголовки со словом *как* в значении *каким образом?* (*Как стоимость нефти влияет на цены в магазинах?*²²¹; *Как связана стоимость нефти и цена на бензин?*²²²) также нацеливают читателя на получение необходимой информации, привлекают внимание к материалу, выполняют текстообразующую функцию.

Однократно встретившийся в изучаемом источнике вопрос с местоимением *кто* и частицей *же*: *Что же будет с нефтью, Родной и с нами?*²²³ – представляет собой трансформированный прецедентный текст и в силу повышенной эмоциональности передает

озабоченность и даже внушает страх. Это вполне соответствует содержанию статьи, в которой эксперты рисуют страшную для россиян экономическую картину (один из разделов публикации называется «Ой, что будет!»). Другой пример эмоционально заряженного вопросительного заголовка: *Неужели газ стал позицией свободной торговли в СНГ?*²⁴

Из всех рассмотренных в данной статье вопросительных заголовков риторический вопрос в строгом смысле представляет собой лишь один – *Зачем нам море, пахнущее нефтью?* Остальные вопросы ставятся для того, чтобы стимулировать поиск ответа на них, а значит – подтолкнуть аудиторию к прочтению публикации в целом. Фактически тот же вопрос, как следует из содержания статей, ставится журналистом перед экспертами, которые предлагают на него ответ, преподносимый интернет-изданием как не вызывающий сомнений.

Таким образом, вопросительные предложения – заголовки интернет-СМИ служат для достижения следующих прагматических целей:

- привлечение внимания;
- формирование читательского интереса к журналистскому материалу;
- информирование аудитории о существовании той или иной проблемы;
- указание на ненужность/нецелесообразность какого-либо процесса;
- воздействие на эмоции читателя;
- организация текста публикации.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что прагматический потенциал вопросительных конструкций в позиции заголовка достаточно велик. Это, как ни странно, не учитывается рядом таких ведущих интернет-ресурсов, как «КоммерсантЪ», «Огонек», «КП», в заголовках которых вопросительных конструкций обнаружено не было.

Примечания

¹ Накорякова К.М. Литературное редактирование. М.: ИКАР, 2004. С. 102.

² См.: Каневская Я.Е. Прагматический потенциал отрицательных конструкций в публицистическом тексте (на материале журнала «КоммерсантЪ – Власть») // Вестник РГГУ. Сер. «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2015. № 4. С. 117–122.

- ³ «Вопросительными называют предложения, в которых специальными языковыми средствами выражается стремление говорящего узнать что-либо или удостовериться в чем-либо» (Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова: В 2 т. Т. 2: Синтаксис. М.: Наука, 1982. С. 386).
- ⁴ *Розенталь Д.Э.* Русский язык: Справочник-практикум. М: ОНИКС 21 век; Мир и образование, 2005. С. 702.
- ⁵ Neftegaz.ru. [Электронный ресурс] URL: <http://neftegaz.ru/analisis/view/7422> (дата обращения: 15.03.2016).
- ⁶ Политическая Россия: Общественно-политический интернет-журнал. [Электронный ресурс] URL: <http://politrussia.com/ekonomika/kogda-konchitsya-neft-781/> (дата обращения: 15.03.2016).
- ⁷ Rubaltic.ru: Аналитический портал. URL: <http://ia-centr.ru/expert/16565/> (дата обращения: 15.03.2016).
- ⁸ Major-expert.ru: Аналитический портал. URL: <http://yablor.ru/blogs/chto-budet-esli-ukraina-ne-otdast-d/5299270> (дата обращения: 17.03.2016).
- ⁹ Правда.ТВ: Свободная социальная аналитическая площадка. URL: <http://www.pravda-tv.ru/2015/12/16/195191/zachem-ssha-snimayut-zapret-na-eksport-nefti> (дата обращения: 17.03.2016).
- ¹⁰ Neftegaz.ru. [Электронный ресурс] URL: <http://neftegaz.ru/news/view/26029> (дата обращения: 15.03.2016).
- ¹¹ Pikabu: Российский информационный портал. URL: http://pikabu.ru/story/neft_deshevayarodumaete_a_nadolgo_4023169 (дата обращения: 15.03.2016).
- ¹² Аналитик. Политика и экономика: Военно-политический интернет-журнал. [Электронный ресурс] URL: <http://www.news-usa.ru/slezet-li-rossiya-s-neftyanoj-igly.html> (дата обращения: 18.03.2016).
- ¹³ Столетие: Информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы. [Электронный ресурс] URL: http://www.stoletie.ru/fakty_i_komentarii/slezem_li_mu_s_neftanoj_igly_499.htm (дата обращения: 18.03.2016).
- ¹⁴ Информационно-аналитический портал компании «Миррико». URL: <http://www.mirrico.ru/press/articles/index.php?ID=840> (дата обращения: 18.03.2016).
- ¹⁵ Аналитик. Политика и экономика: Военно-политический интернет-журнал. [Электронный ресурс] URL: <http://www.news-usa.ru/zachem-rossii-nuzhendogovor-eaes.html> (дата обращения: 18.03.2016).
- ¹⁶ Сайт информационного агентства «Au92». URL: http://au92.ru/msg/20030303_rtmjxum.html (дата обращения: 19.03.2016).
- ¹⁷ Око планеты: Информационно-аналитический портал. URL: <http://oko-planet.su/finances/financescrisis/270273-s-kakoy-celyu-rossiya-skupaet-zoloto.html> (дата обращения: 19.03.2016).
- ¹⁸ Ежедневные новости. [Электронный ресурс] URL: <http://daily.novostivl.ru/archive/?f=lf&t=050304c07> (дата обращения: 20.03.2016).
- ¹⁹ Сайт информационного агентства «Байкал Инфо». [Электронный ресурс] URL: <http://baikal-info.ru/sm/2004/14/003002.html> (дата обращения: 20.03.2016).
- ²⁰ Ведомости. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vedomosti.ru/finance/articles/2014/09/22/k-kakim-politicheskim-posledstviyam-privedet-snizhenie-ceny> (дата обращения: 20.03.2016).

- ²¹ Медуза: Независимое общественно-политическое сетевое издание. [Электронный ресурс] URL: <https://meduza.io/cards/kak-tseny-na-neft-vliyayut-na-nashu-zhizn> (дата обращения: 21.03.2016).
- ²² Там же.
- ²³ Сайт информационно-аналитического агентства «Посольский приказ». [Электронный ресурс] URL: <http://www.posprikaz.ru/2012/07/chto-zhe-budet-s-neftyurodinoy-i-s-nami/> (дата обращения: 21.03.2016).
- ²⁴ Сайт «Политика и деньги». [Электронный ресурс] URL: <http://politdengi.com.ua/v-mire/22620.html> (дата обращения: 21.03.2016).

Библиография

Э.И. Чмыхун

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

Е.Л. Вартанова

«О современных медиа и журналистике:

Заметки исследователя».

М.: МедиаМир, 2015. 136 с.

Автор книги – доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, специалист в области медиаэкономики, российской и зарубежных медиасистем, информационного общества, а также теории коммуникаций.

Книга представляет собой собрание колонок и статей Е.Л. Вартановой для издания «Меди@льманах» и информационно-аналитического бюллетеня «МедиаТренды». Автор рассматривает актуальные вопросы российского и зарубежного медиапространства, анализирует современные тенденции развития медиаиндустрии и журналистики.

Книга разделена на три главы: 1. Медиасистемы; 2. Современное медиапространство: концепции и тенденции; 3. Журналистика. Таким образом, представлена достаточно полная картина эволюции СМИ последних десятилетий, с учетом анализа тех процессов, которые ведут современные медиа и журналистику к значимым переменам, формируя новую медиареальность.

В своих работах автор рассматривает актуальную тему новых медиа, модернизирующих традиционные СМИ. Отмечается, что «с производством медиаконтента в руки аудитории начинается переходить и важнейшая компонента журналистского творчества – формирование “повестки дня”» (С. 38). Е.Л. Вартанова подчеркивает значение появления таких социальных сетей, как блог-платформа LiveJournal, пользователь которой может сформировать и предложить читателям собственную «повестку» – индивидуализированную подборку событий. Сегодня новости политики по важности могут уступать событиям личной жизни или другим

новостям, которые не появляются в информационных потоках традиционных профессиональных медиаорганизаций.

Также исследователь поднимает вопрос манипуляционной функции СМИ и обнаруживает современное парадоксальное явление: казалось бы, новые медиа, с их индивидуализированными повестками и интерактивностью, должны нейтрализовывать податливость аудитории к манипулированию, повышать уровень сознательности, – тем не менее, как показывают события последних лет, именно социальные сети способны быстро создавать толпу с ослабленным критическим восприятием информации.

В своих заметках Е.Л. Вартанова поднимает вопрос о необходимости корректировки профессионального образования с учетом современного состояния журналистики. Автор отмечает, что, помимо традиционного умения создавать публицистический текст, современный журналист «должен обладать и теми компетенциями, которые помогают ему получать информацию, ее анализировать и даже уметь влиять на ее распространение» (С. 103). Е.Л. Вартанова обращает внимание на то, что в условиях развития непрофессионального пользовательского медиаконтента, когда найти информацию и поделиться ею способен любой, может показаться, что журналистика теряет свой социальный статус. Однако книга предостерегает от такой «опасной позиции»: автор подчеркивает, что только профессиональная журналистика сегодня способна обеспечить производство высококачественной, непредвзятой информации для общества.

Abstracts

S. Araslanova

An image of a man in a metaphor's mirror
(based on portrait essays published
in "Vogue" Russia)

Basing on the research of metaphors' theme groups author reveals the characteristic of the modern man's image set by glossy magazine. Portrait essays in globally recognized fashion and lifestyle "Vogue" magazine were used as a material for the study.

Key words: metaphor, portrait essay, glossy magazine, "Vogue" magazine, man's image.

E. Basovskaya

The fear factor. The influencing potential
of horror in the modern media text

The article is devoted to an analysis of one of the techniques of emotional speech influence applied by modern publicists, – the metaphorization of the word *noose* in the texts of newspapers "Novaya Gazeta" and "Zavtra" (2015). The author shows that the journalists keep the associative field generated by the direct meaning of the word, so metaphorical image of *noose* is able to bring the reader into a state of fear, disgust, anger and create a favorable emotional background for the propaganda.

Key words: publicistic text, media text, speech influence, propaganda, emotion, metaphor, "Novaya Gazeta", "Zavtra".

Yu. Bit-Yunan

V. Grossman's novel "Life and Fate" in the reflection of Russian emigre literature criticism and publicism of 1980s

The aim of the essay is to analyze the specific features of critical reception of V. Grossman's novel "Life and Fate" in Russian emigrant periodicals. The scholar investigates the problem of there being very few intermittent reviews of the novel in the 1980s and assumes that it must have been caused by unspoken confrontation between Grossman and Solzhenitsin, whose authority was then indisputable among many emigrant groups. Another obstacle was ambiguous Grossman's reputation as a writer. It was formed in the 1970s, shortly after the appearance of his story "Everything flows", which ideology could not be accepted by most Russian emigrants.

Key words: V. Grossman, A. Solzhenitsin, E. Etkind, S. Markich, "Life and Fate", "Everything flows...", "Archipelago GULAG", emigrant press, emigrant criticism.

A. Gotovtseva

"The word of mercy as God's grace". The amnesty for Decembrists in Russian periodicals and public consciousness

According to materials of newspapers and magazines public reaction to the amnesty for Decembrists, declared by coronation manifesto of Alexander II, of 26 August 1856, is restored in this article. It is shown that, contrary to popular researcher's opinion that the amnesty provoked strong public reaction, which made the Decembrists heroes of public opinion, in fact, nothing like that happened. In perception of the society a declaration of the amnesty for Decembrists was inseparable from the other amnesty provisions, which were integral to the news of coronation ceremonies in public consciousness. The first public edition of M.A. Korf's "The accession of Emperor Nicholas I to the throne" caused a genuine public interest in 1857. This article revises the traditional view of reasons which prompted Alexander II to insist on public edition of the work.

Key words: act of grace 1856, manifesto, Alexander II, coronation, Decembrists, M.A. Korf.

Ya. Kanevskaya

Pragmatic potential of interrogative constructions
in heading of the publicistic text
(based on internet massmedia)

This article examines the purpose of question structures included in the titles of publications on the material of electronic media. The author reveals a high pragmatic potential of interrogative sentences, which perform the functions of attracting attention, notification, emotional impact, text-formation and some others.

Key words: pragmatic potential, interrogative constructions, heading, publicistic text, internet massmedia, energy industry.

O. Kiyanskaya, D. Feldman

From the history of soviet journalism.
Autobiography of Alexei Harry

The researchers analyze the autobiographical investigative testimony of 1930 and 1938 of a leading journalist of the newspaper "Izvestia" Alexei Garry. The date of his birth, the information about his father and family, about education are specified, and his role in the Civil war in Russia is revealed. Researchers also analysed how one of the prominent Soviet journalists managed to remain nonparty.

Key words: A.N. Garry, G.I. Kotovsky, L.I. Ehrlich, the newspaper "Izvestia", the Civil war in Russia, Soviet journalism.

M. Kornev

Materials to the study of ideologems
in the modern digital network communications

This article discusses basic issues that arise in the study of ideologems in a modern digital communications network. In particular, the author's experience of research the ideologem "oligarch" with the use of the Internet in the framework of research directions of "digital humanities" is presented. This experience is intended to assist other researchers in identifying research strategies, methodologies, methods and techniques in the study of ideologems with the help of modern information and communication technologies (ICT).

Key words: journalism, ideologems, new media, ICT, methodology, digital environment, Internet research, digital humanities.

N. Makarova

Master class in the system of professional journalism

The article is devoted to the practice of implementation of the competence approach in professional journalistic education in the use of the master class. The range of general and professional competencies that are formed effectively enabling the master class in the educational program “Journalism” is defined. The relationship of the master class use with the processes of formation of professional self-determination and identity of future journalists is observed.

Key words: master class, professional journalistic education, competence approach, evaluation of the quality of education, professional identity.

D. Murtazina

Soviet critics about “Star wars” movie

The article based on periodical materials analyses how articles about the art helped to accomplish propaganda tasks during the cold war with the USA as exemplified by reviews of Hollywood movie “Star wars”. The author reveals what methods and language tools soviet critics used in media stories to form the image of the enemy with the film audience.

Key words: propaganda, cold war, film critic, “Star wars”, “Izvestiya”, “Literaturnaya gazeta”, “Iskusstvo kino”.

M. Odesskiy

Andrei Zhdanov – Leonid Leonov – Daniil Kharms. Essays on soviet “public culture” (1938–1940)

The article analyses with the propagandistic campaign initiated according to decisions of the XVIII Congress of the Communist Party of the Soviet Union. In particular, without ceasing the Great Terror the party hypocritically called to stop repressions and to rehabilitate innocent people. This campaign was described in Leonid Leonov’s play “The Snowstorm” and in the story “The Rehabilitation” by the avant-garde writer Daniil Kharms.

Key words: Leonid Leonov, Daniil Kharms, public culture, XVIII Congress of the Communist Party.

V. Tischenko

History of the business press in Great Britain and the USA

The article presents to the history of business press in Great Britain and the USA up to XXth century. It describes those factors which stimulated its evolution and the stages it passed on the way to the modern stage. By the example of several leading business magazines different approaches to the economics news are being compared.

Key words: business press, business journalism, history of mass media, English-speaking media.

Yu. Yakovleva

Speech mask as a form of aggression in Soviet press polemic of the 1920s

The article explores the practice of speech mask use as a language game species in media polemic in twentieth years of XXth century. It is proposed to consider the speech mask as a kind of manifestation of speech aggression in the journalistic text.

Key words: speech mask, language game, polemic, expression, speech aggression.

V. Yarnykh

The quality of education as one of the key factors in international competitiveness in the education system

The issue of the quality of higher education has received increasing attention in the global educational space. There are different approaches, and different methods of evaluating the quality of higher education. Especially now in the process of forming the requirements for assessing the quality of higher education, the role of employers as one of the interested parties is increasing.

Key words: quality of education, higher education quality evaluation models, professional standards.

E. Zimareva

The image of the spiritual father
in Ancient Russian publicism and literature

The function of priests' activity description in Ancient Russian publicism is analyzed in this article. The priest had to serve as the Confessor – that was a part of his job. Through spiritual fathers, their conversation with the congregation and the texts written in the genre of journalism, the Church influenced members of society – in particular, shaped their behavior.

Key words: publicism, Ancient Russia, the spiritual father, S. Zizek, Domostroy.

E. Zinovieva

The research of specifics
of forming media manager personality
in the conditions of changing external
and internal environment

This article represents the result of the research of socio-psychological aspects of managing TV creative and production groups which was done in indissoluble connection with the study of personal and professional qualities and competencies of subjects of the management – managers. The research worked out generalized version of media manager profессиogram, demands to their qualifications, conditions of work of media managers and socio-psychological factors of his work. Main specifics of profессиogram and psychogram of TV media manager were presented.

Key words: media manager, media industry profессиogram, personality, manager, TV channel, managing activities, creative and producing activities, personal and professional qualities.

Сведения об авторах

Арасланова Софья Александровна – ведущий специалист пресс-службы Центра международной торговли, выпускница факультета журналистики РГГУ, araslanova_s@yahoo.com

Басовская Евгения Наумовна – доктор филологических наук, доцент, завкафедрой медиаречи Института массмедиа РГГУ, jeni_ba@mail.ru

Бит-Юнан Юрий Геваргисович – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, bityunan@gmail.com

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, brunhilda@yandex.ru

Зимарева Елизавета Аркадьевна – аспирант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, lizosom@mail.ru.

Зиновьева Елена Борисовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры журналистики Института массмедиа РГГУ, zinovieva-elena-work@yandex.ru.

Каневская Яна Евгеньевна – аспирант кафедры медиаречи Института массмедиа РГГУ, miss.kanewsckaya@yandex.ru.

Киянская Оксана Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, kianoks@inbox.ru

Корнев Максим Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теле-, радио- и интернет-журналистики Института массмедиа РГГУ, mxm.kornev@gmail.com.

Макарова Наталия Яковлевна – кандидат педагогических наук, декан факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, rsuh.makarova@gmail.com.

Муртазина Дарья Рашитовна – магистрант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, murtazina.dasha@gmail.com

Одесский Михаил Павлович – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературной критики Института массмедиа РГГУ, modessky@mail.ru

Тищенко Валерия Николаевна – соискатель кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, yunaya_ledi@inbox.ru.

Фельдман Давид Маркович – доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, dmfeld@inbox.ru

Чмыхун Элина Игоревна – аспирант кафедры медиаречи Института массмедиа РГГУ, eliachore@inbox.lv

Яковлева Юлия Владимировна – аспирант кафедры медиаречи Института массмедиа РГГУ, yak112@inbox.ru.

Ярных Вероника Игоревна – кандидат экономических наук, завкафедрой телевизионных, радио- и интернет-технологий Института массмедиа РГГУ, член-корреспондент МАНЭБ, vurnykh@gmail.com.

General data about the authors

Araslanova Sofia – leading press-office specialist at the World Trade Center, Moscow, graduate of Russian State University for the Humanities, araslanova_s@yahoo.com

Basovskaya Evgeniya – Dr. in Philology, associate professor, head, Media Discourse Department, Mass Media Institute, Russian State University for the Humanities, jeni_ba@mail.ru.

Bit-Yunan Yury – Ph.D. in Philology, associate professor of the Literary Criticism Department, Mass Media Institute, Russian State University for the Humanities, bityunan@gmail.com

Chmykhun Elina – postgraduate student, Media Discourse Department, Mass Media Institute, Russian State University for the Humanities, eliachore@inbox.lv

Feldman David – Dr. in History, professor of the Literature Criticism Department, Mass Media Institute, Russian State University for the Humanities, dmfeld@inbox.ru.

Gotovtseva Anastasiya – Dr. in Philology, professor of the Literature Criticism Department, Mass Media Institute, Russian State University for the Humanities, brunhilda@yandex.ru.

Kanevskaya Yana – postgraduate student, Media Discourse Department, Mass Media Institute, Russian State University for the Humanities, miss.kanewskaya@yandex.ru.

Kiyanskaya Oksana – Dr. in History, professor of the Literature Criticism Department, Mass Media Institute, Russian State University for the Humanities, kianoks@inbox.ru.

Kornev Maxim – Ph.D. in Philology, associate professor of the TV-, Radio- and Internet Technologies, Department, Mass Media Institute, Russian State University for the Humanities, mxm.kornev@gmail.com.

Makarova Nataliya – Ph.D. in Education, dean of Journalism Faculty, Mass Media Institute, Russian State University for the Humanities, rsuh.makarova@gmail.com.

Murtazina Darya – master student, Literary Criticism Department, Mass Media Institute, Russian State University for the Humanities, murtazina.dasha@gmail.com

Odesskiy Mikhail – Dr. in Philology, professor, head of Literary Criticism Department, Mass Media Institute, Russian State University for the Humanities, modessky@mail.ru.

Tischenko Valeriya – applicant, Literary Criticism Department, Mass Media Institute, Russian State University for the Humanities, yunaya_ledi@inbox.ru.

Yakovleva Yulia – postgraduate student, Media Discourse Department, Mass Media Institute, Russian State University for the Humanities, yak112@inbox.ru.

Yarnykh Veronika – Ph.D. in Economics, head of the TV-, Radio- and Internet-technology Department, Mass Media Institute, Russian State University for the Humanities, vyarnykh@gmail.com.

Zimareva Elizaveta – postgraduate student, Literary Criticism Department, Mass Media Institute, Russian State University for the Humanities, lizosom@mail.ru.

Zinovieva Elena – Ph.D. in Psychology, associate professor of the Journalism Department, Mass Media Institute, Russian State University for the Humanities, zinovieva-elena-work@yandex.ru.

Художник *В.В. Сурков*

Художник номера *В.Н. Хотеев*

Корректор *О.К. Юрьев*

Компьютерная верстка *М.Е. Заболотникова*

Подписано в печать 30.06.2016.

Формат 60 × 90¹/₁₆.

Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 11,0.

Тираж 1050 экз. Заказ № 71

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»
выходит 12 раз в год.
Подписка принимается всеми отделениями связи без ограничений.
Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО Агентства «Роспечать» – 70969
Не забудьте своевременно подписаться на наш журнал!